

**Российский государственный педагогический
Университет
имени А.И.Герцена
Факультет социальных наук
Кафедра социологии**

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2014

**СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ**

**Санкт-Петербург
2014**

ББК: 60; 63.3; 74.26; 66.0; 86; 67.405
Г 41

Печатается по решению:

Ученого совета факультета Социальных наук РГПУ им. А.И.
Герцена;
Кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена;

Редакционная коллегия:

Профессор Воронцов А.В. (ответственный редактор)
Профессор Громов И.А.
Профессор Дронов В.Т.
Профессор Лукьянов В.Г.
Профессор Малявин С.Н. (научный редактор и составитель)
Профессор Плахов В.Д.
Профессор Шевцов А.В.

Герценовские чтения 2014
Социологическое образование в России. С.120

ISBN 978-5-904247-96-6

© Коллектив авторов

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Глотов М. Б.

Д. И. Менделеев о системе российского образования

В год 180-летия со дня рождения выдающегося русского ученого Д. И. Менделеева чаще всего упоминают об открытии им периодического закона химических элементов. Однако, как и его великий предшественник М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев был разносторонне творческим ученым, уделяя значительное внимание не только естественно-научным, но и социально-экономическим, социально-политическим и социально-педагогическим проблемам. Пройдя трудный путь от гимназиста из Тобольска и студента Петербургского Главного педагогического института до профессора, Д. И. Менделеев более сорока лет посвятил делу народного образования. Он преподавал в Петербургском университете, Петербургском технологическом институте, Корпусе инженеров путей сообщения, Военно-инженерном училище, Кадетском корпусе, Военно-инженерной академии и на Высших Бестужевских женских курсах. Это послужило основой его интереса к проблемам образования в России, которым он начал уделять внимание уже с раннего периода своей педагогической деятельности, принимая участие в обсуждении вопросов школьного и профессионального образования, до последних лет своей жизни.

Одной из центральных педагогических проблем, волнующих Д. И. Менделеева, была проблема, о которой писал еще выдающийся педагог Я. А. Коменский в трактате «Всеобщий совет исправления дел человеческих» (1662) – непрерывность образования. Д. И. Менделеев понимал непрерывность образования в духе русской пословицы: «Век живи – век учись» (1, с. 289), а также как возможность для талантливых учеников из средних учебных заведений беспрепятственно переходить в высшие заведения. При этом ученый заявлял, что «лица, успевшие в прохождении курса средних учебных заведений, должны быть допускаемы в высшие учебные заведения всякого рода без ограничения такими перегородками, как сословные» (1, с. 249).

Особенность подхода Д.И. Менделеева к рассмотрению проблемы непрерывного образования состояла: во-первых, в

разработке им модели государственной системы непрерывного образования; во-вторых, в отстаивании доступности непрерывного образования для всех слоев российского населения; в-третьих, в обосновании преемственности и взаимосвязи изучаемых предметов на всех ступенях непрерывного образования; в-четвертых, в необходимости формирования в процессе обучения и самообучения таких качеств, которые позволят в дальнейшем самостоятельно выстраивать траекторию своего интеллектуального развития на протяжении всей жизни; в-пятых, в отстаивании последовательности и интеграции общего, специального, профессионального и педагогического образования. Взгляды Д. И. Менделеева на проблему непрерывного образования были им изложены в работах: «Заметка по вопросу о преобразовании гимназий» (1 мая 1871), «Заметки о народном просвещении в России Д. Менделеева» (1901), «Об образовании, преимущественно высшем» (10 июля 1904), «О подготовке учителей и профессоров» (16 июля 1904).

Уже в первой своей работе 1871 года Д. И. Менделеев писал: «Учебные заведения для первоначального, среднего и высшего образования могут приносить наибольшую пользу только при условии непрерывности» [2, с. 55-60]. И продолжая эту мысль в работе «Об образовании, преимущественно высшем», он обращал внимание на то, что без системы непрерывного образования нельзя ожидать «правильного в современном смысле направления ни для правительственных учреждений, ни для промышленности» (1, с. 225). Предлагаемая Д. И. Менделеевым модель системы государственного непрерывного образования должна была включать в себя следующие компоненты: начальное образование, общее среднее образование, среднее профессиональное образование, высшее профессиональное образование и специальное для врачей и учителей – институт наставников. В модели функционирования непрерывного образования ученый предусматривал, что начальная школа должна быть в каждой деревне, общая средняя школа – в каждом селе, среднее профессиональное и высшее учебные заведения – в каждом губернском городе. Системообразующим элементом модели непрерывного образования, по его мнению, должно быть высшее профессиональное образование.

Размышляя об отличии начального и среднего образования от высшего, Д. И. Менделеев считал, что начальное и среднее образование должны «преследовать преимущественно развитие личное», а высшее образование – «общественное и государственное» (1, с. 227-228). При этом начальное и среднее общее образование имеют «дело преимущественно со словом», а среднее профессиональное и высшее – «с жизнью, с общественными отношениями». По его мнению, главная задача среднего образования состоит в личном развитии учеников, «в росте сознательного их

отношения к окружающему и в развитии личных свойств: наблюдательности, внимания, обсуждения и трудолюбия» (1, с. 236), а высшего – в приобретении умений и навыков, которые будут необходимы для «общественно-государственной деятельности».

Учитывая возрастные особенности развития учащихся, Д. И. Менделеев возражал против увеличения сроков обучения в начальной и средней школе. С его точки зрения, вполне достаточно обучение грамоте, счету, первым правилам жизни, приучению к труду заканчивать в 10-летнем возрасте, а среднее – к 16 годам. «Крупнейшим недостатком» современного среднего образования в России, особенно в гимназиях, он считал то, что оно «напрасно затягивается», так как возраст от 16 до 20 лет это период наибольшей умственной восприимчивости для получения или специального образования в высших учебных заведениях, или по окончании среднего образования в жизненном вступлении в ту или иную специальность дальнейшего служения интересам общества» (1, с. 235).

В настоящее время, после вступления России в Болонский процесс, время получения среднего образования увеличивается до 12 лет, а высшего – сокращается до четырех лет, готовя выпускников как средне дипломированных специалистов. Справедливости ради, следует сказать, что увеличение срока обучения в средней школе до 11 лет произошло в 1960-х годах в связи с введением производственного обучения по различным техническим специальностям.

Литература:

1. Менделеев Д. И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). – М.: Мысль, 1995.
2. Менделеев Д. И. Заметка по вопросу о преобразовании гимназий // Д. И. Менделеев. Сочинения в 25- т. Т. 23. – Л.-М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Дронов В.Т.

Преподавание учебных дисциплин с неопределенным парадигмальным статусом

1. Преподавание ряда общественных и гуманитарных дисциплин в последние два десятилетия приобрело ранее неизвестные особенности. Суть вопроса в том, что некоторые из них, как, например, «Социальное моделирование и программирование» не имеют развитых теорий с парадигмальным статусом. Поэтому вольно

или невольно преподаватель должен решать не только учебно-педагогические, но и научно-исследовательские задачи. Проблема заключается в том, что соответствующей научной теории нет, а потребность в изучении практической или методологической проблемы реально существует. Поскольку в социальных науках наблюдается активное формирование новых научных направлений, то обозначенная проблема постоянно воспроизводится. Несмотря на сказанное, учебная дисциплина должна выполнять свои задачи в полном объеме с научными разработками, методическими решениями и практическими предложениями. В подобных случаях преподаватель выполняет не только научно-методическую, но и научно-исследовательскую функцию, которая не учитывается в полном объеме. Безусловно, что определенная, возможно, значительная, часть учебной информации является общеобразовательным обзором. Однако, без объединяющей разнородный опыт познания предмета идеи, целостного курса не получится, несмотря на использование достаточно развитого и разнообразного методического инструментария. По существу, речь идет о выстраивании концептуальной системы, в которой ряд идей, понятий и принципов носит авторский характер. В этом смысле отсутствует четкое разграничение научной и учебной части преподавательской деятельности. Более того, первая предшествует второй. Огромное достижение университетского образования состоит не только в универсальном знании, но и в возможности чтения курсов на базе авторских научных исследований. В целом, задача состоит в обработке материала посредством достаточно оригинальной для данного контекста идеи, ряда необходимых категорий и базовых методов. Обозначенный курс «Социальное моделирование и программирование» необходимо включает более широкий круг вопросов, а именно, прогнозирование и проектирование. Лишь в совокупности они позволяют решить, поставленные данным курсом задачи. Каждое из указанных научных направлений, или научно-исследовательских стратегий, имеет собственное содержание и вместе с тем они органически связаны друг с другом, дополняют и обуславливают взаимопонимание. Новизна курсов состоит в том, что они носят поисковый характер, который выражается в ведущей роли научных представлений перед концептуальными. В нашем случае нет не только признанной объединяющей богатство научных поисков парадигмы, но и отсутствует возможное единое название науки. Здесь мы имеем классический случай, когда нет ничего менее благодарного, чем составление прогнозов, проектов и программ при их огромной практической востребованности. Опыт построения курса показывает, что его невозможно построить в рамках прежней эпистемологии, основанной, по преимуществу, на принципе отражения. Точно также неверно ограничиваться формально-методологической частью в силу

значительной ценности содержания предметной области. Так, технологическое прогнозирование, моделирование и проектирование развиты гораздо более полно и разносторонне в сравнении, например, с моделированием и программированием политической сферы. Понятно, что данные научно-познавательные практики должны быть основаны на соответствующем прогнозировании и проектировании. В этом смысле учебные университетские курсы являют собой благодарное поле для развития научного социального познания.

Характерной чертой данных научно-исследовательских стратегий является внутренняя праксиологическая направленность их предмета, идеологий, методов и задач. Вместе с тем, они как бы надстраиваются над корпусом социологического знания, лишь в отдельных аспектах совпадая с ним. Поэтому неудивительно, что попытка включения новых дисциплин в социологию под видом социологии будущего, как это, например, представлено в фундаментальном исследовании «Социология в России» не получила широкой поддержки. Данный подход органично вписывался в историко-материалистическую модель социальной науки, которая составляла теоретико-методологическую основу прогнозирования и последующих познавательных процедур и социальных действий. Выдвижение моделирования в качестве основного методологического средства прогностики внесло некоторый порядок в решение эмпирических задач, связанных с проблемами познания будущего. Однако некоторые вопросы, как, например, социальное проектирование, оставались под влиянием марксистской методологии, в то время как оно тяготеет к социальному конструированию реальности с иной, чем марксистская, концепцией детерминации. Аналогичным образом не получила широкой поддержки попытка полного отделения данной познавательной стратегии и типа знания под видом футурологии от социологии. Таким образом, новые направления научного социального познания не являются исключительно социологическими. Но и общей науки для их объединения пока нет, несмотря на внутреннюю идеологическую общность и потребность в едином категориальном синтезе. Включение данных научных направлений в социологию управления с ее ограниченным содержанием, по существу, эмпирического уровня, также не может быть удовлетворительным, поскольку каждая из указанных стратегий познания и практики является не менее значимой, чем управление. Кроме того, остается не до конца решенной проблема внутреннего парадигмального строения социологии управления. Ведь последнее необходимо для содержательного, а не формального целого. Тема праксиологического критерия научного социального познания имеет вековую историю, хотя ее мировоззренческие корни гораздо более глубокие. В

частности, они содержатся в «Критике практического разума» И.Канта.

Для успешного развития социальных и гуманитарных наук с выраженным праксиологическим ценностным ядром необходимо признать, что они представляют собой следующий за социологией этап научного социального познания. Данный тезис распространяется на структуру научной теории и на ее функции. Немаловажным в этой связи является вопрос о соотношении прогнозирования, моделирования, проектирования, программирования и планирования с такими более определенными дисциплинами как социология организации и управления. Вопрос приобрел актуальность в 60-е годы XX столетия. В современных исследованиях преобладает управленческий подход. Однако, на наш взгляд, вопрос лежит гораздо глубже и затрагивает фундаментальные проблемы современных обществ, их устройства, функционирования и эволюции. К рассматриваемой учебной дисциплине тесно примыкает вопрос о конкретности социальной науки в качестве императива конструирования социальной действительности. Первичность организационного подхода перед управленческим хорошо видна в концепции социотехнических систем. Лишь после организационного опредмечивания проекта управление приобретает свой истинный базис и возможность систематического применения.

По мере того как складывался образ современного сверхсложного и чрезвычайно динамичного социума на важное место выдвинулись идеи синергетики. В этом случае делается попытка продемонстрировать применимость общенаучных идей к познанию социума. Проблема, однако, заключается в стремлении социогуманитарных наук достичь конкретного знания своего предмета. Второе заметное изменение в социальном познании состоит в переориентации его в сторону социальных и гуманитарных технологий конструирования реальности. Данная методология имеет достаточно глубокие историко-научные корни, в том числе в марксизме. В этом плане можно отчасти согласиться с К.Поппером в том, что мировоззрение историцизма и детерминизма требует дополнения идеями проектирования возможного будущего. Ведь изменения могут поставить под сомнение возможность применения к настоящему и будущему прошлого опыта. Понимание того, что современные общества живут в век бифуркации, направляет социальное познание в сторону разработки более конкретных, чем прежде, теорий и методологий конструирования социальной реальности. При этом одной из центральных задач является определение смысла конкретности, чтобы проекты не привели к разрушению фундаментальных основ, скажем, Российского общества. Подобное требование может быть реализовано в случае согласия по

поводу органической связи между достаточно глубокой и последовательной концепцией социума и социологическим знанием.

Решающим в понимании последнего вопроса является тезис о том, что моделирование и программирование представляют собой инструментальные ценности по отношению к базовым или терминальным ценностям. К инструментальным ценностям относятся также организация и управление и другие инструменты человеческого выживания через развитие. Что касается терминальных или базовых ценностей, то они, на наш взгляд, имеют характер гуманитарных качеств цивилизационного уровня. Без признания таких простых и очевидных предпосылок моделирование и программирование, как новые формы научного познания, будут испытывать дополнительные эпистемические затруднения. Еще одно, важное положение состоит в признании факта, что программирование представляет собой заключительный этап прогнозирования, моделирования и проектирования. Все они, в свою очередь, составляют части социальной стратегии конструирования и последующего осуществления проектов социальной реальности. Из сказанного следует, что центральным понятием в цепи категорий является социальное проектирование, на что указывали М.Хайдеггер, Б.де Жувенель и другие крупные мыслители.

Действительно, об альтернативной модели развития современного общества можно говорить лишь при наличии научно обоснованных проектов. Данный момент составляет самую суть познавательной проблемы для принятия решений и выбора приоритетного проекта. Именно по его поводу можно говорить о программе максимум и программе минимум. В случае конструирования корпоративной реальности посредством указанных инструментов проблема выглядит как использование методик выбора альтернатив с учетом сильных и слабых критериев оценки проектов. Для общества в целом подобным критерием является систем цивилизационных свойств.

2. Для активизации преподавательской деятельности в случае парадигмальной неопределенности науки большое значение приобретают новые методологические подходы. Среди них следует указать междисциплинарный подход, актуальный для успешного преподавания вышеозначенного учебного курса «Социальное моделирование и программирование». В междисциплинарном подходе реализуется требование изучения конкретного предмета с использованием теоретико-методологических возможностей разных наук. Как мы отмечали, в исследовании будущего с целью конструирования приоритетной реальности данное требование выглядит как нечто не требующее доказательств, что выглядит вполне обоснованным. Появление междисциплинарного подхода как составной части возможной новой парадигмы научного социального

познания ставит, вопрос о ведущей науке среди других при изучении конкретного вопроса. В случае с прогнозированием, моделированием, проектированием и программированием основополагающей стала идея вероятностной природы социума современных обществ. Качественная специфика социума, прежде всего, социальной онтологии выдвинула на первое место потребность в новых средствах его \социума\ познания. В данном случае есть основания утверждать, что первичное идеологическое представление сдвинуло познавательный процесс в сторону разработки новых концептов и методологий. На данном этапе состояние познания ограничивается междисциплинарным подходом как начальным этапом выработки более завершенной парадигмы научного социального познания. Междисциплинарный подход должен приводить к взаимному идейному и методологическому обогащению наук и способствовать формированию целостного образа изучаемого предмета. Кроме этого в ходе использования междисциплинарного подхода используется свойственный именно данной науке потенциал. Происходит мобилизация всего идейно-методологического потенциала участвующих наук на решение конкретной задачи. Безусловно, что опыт такого участия обогащает науки.

Еще один современный подход, используемый в реализации задач данного курса, – комплексный подход. В нашем случае речь идет о наиболее существенных качествах, свойствах, отношениях изучаемого явления с другими в принятой системе координат. Данный подход является вполне самостоятельным и не сводится исключительно к социальному анализу, но предполагает активное конструирование теоретического образа из предшествующих абстракций. Таким образом, мы имеем более высокий познавательный метод, объединяющий ранее самостоятельные этапы.

Парадигмальный подход представляет собой решение наиболее существенных для данного субъекта познания и действия проблем с позиций одной научной парадигмы. В современном научном социальном познании научная парадигма не имеет однозначного определения. С нашей точки зрения, следует учитывать ряд критериев, таких как ведущая идея-гипотеза, собственные методы, и систему категорий. Важным, хотя и формальным, признаком парадигмы является наличие научной школы последователей. Однако наиболее существенным признаком является способность научной парадигмы решать не частные или отдельные вопросы, например, среднего уровня, а все вопросы данного социума. Кроме того, важную роль играет объясняющий и эвристический потенциал гипотезы в отношении прежних теоретических построений. В этом пункте требуется проводить различие между историческим, системным, комплексным и междисциплинарным подходами, которые характеризуют научную парадигму. Принятая парадигма определяет,

если не абсолютно, то в значительной мере, дальнейший ход научного изучения предмета. Парадигмальным статусом обладают в современной социологии системная теория, теория формаций, теория единого индустриального общества, теория глобального мира и цивилизационная теория. Другой подход, считающий парадигмами теории макро-, мезо- и микроуровня общества, нам представляется недостаточно убедительным, так как не удовлетворяет критерию парадигмальной универсальности. Однако для наших целей указанные подходы к трактовке социологической парадигмы не способны решить в полной мере задачи моделирования и программирования. Поэтому требуется объединяющий указанные частные исследовательские стратегии, с одной стороны, и общие социологические парадигмы, с другой, принцип, или объединяющая их стратегия, с метапарадигмальным потенциалом. С нашей точки зрения, таким объединяющим началом может быть логика современных обществ, вокруг которой строятся и социологические парадигмы и исследовательские стратегии. Подобную методологию использовал К.Маркс, рассматривая логику простого товарного хозяйства и логику капиталистической системы. К поиску универсальной логики истории приложили свои силы и другие ученые. На этом пути сохраняются определенные познавательные возможности. В нашем случае решающим аргументом является гипотеза о том, что логика современных обществ выполняет функцию трансдисциплинарного подхода, то есть она сохраняется в указанных исследовательских стратегиях, в социологических парадигмах и в своеобразных культурно-цивилизационных условиях нашего времени. В определенном смысле речь идет о, по крайней мере, частичном рефрейминге современного социального знания посредством активной методологии с значительным трансдисциплинарным и трансгенетическим потенциалом.

Качанова Ю.С.

Основные подходы к оценке качества высшего образования. Социологический анализ

Трактовка понятия «качество образования» чрезвычайно важна для формирования подхода к оценке качества высшего образования, поскольку определяет объект, который необходимо оценить, и служит основой разработки методики оценки.

В современной науке до сих пор не сложился единый подход к пониманию качества высшего образования, поскольку оно является сложным и многофакторным понятием.

Ю.В. Копыленко определяет понятие «качество образования» как совокупность свойств и характеристик образовательного процесса, которые придают ему способность удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности в знаниях и навыках отдельных граждан, предприятий и организаций, общества и государства [Копыленко Ю.В., Круглов В.А. Концепция МГТУ СТАНКИН в области обеспечения качества высшего инженерного образования // Проблемы качества в сфере образования. 2001. № 1. С. 2].

В свою очередь, В.Н. Нуждин считает, что качество образования представляет собой не только степень удовлетворения запросов потребителя (студента, преподавателя, предприятия), но и степень пригодности выпускника вуза к эффективной работе [Нуждин В.Н. Проблемы управления качеством высшего образования // Проблемы качества в сфере образования. 2001. № 1. С. 11].

Ряд ученых рассматривает качество образования как современность системы образования; соответствие содержания образования требованиям развития страны и интересам личности обучающегося; степень реализации высшим учебным заведением задач высшего образования [Экономика и организация управления вузом / под ред. В.В. Глухова. СПб.: Лань, 2005. С. 78].

В трактовке Н.В. Бордовской качество образования в вузе понимается как социально-управленческая категория, определяющая объективное состояние образования в вузе на данный исторический период его функционирования и развития; степень соответствия уровня образования в вузе нормативным требованиям, зафиксированным в российских государственных и международных образовательных стандартах; меру удовлетворения потребностей тех, кто прямо или косвенно заинтересован в высоком качестве образования [Оценка качества образования в российских вузах: Опыт и проблемы: Материалы межвузовского семинара. Санкт-Петербург, 28 октября 2003 г. – СПб., 2004. – 104 с., С.19].

Таким образом, в ходе исследования удалось выделить следующие подходы к пониманию сущности качества образования:

- качество образования как степень удовлетворенности прямых и косвенных потребителей образования;
- качество образования как степень пригодности выпускника к эффективной работе;
- качество образования как степень соответствия уровня образования требованиям стандарта (чаще всего государственного);
- качество образования как степень соответствия уровня образования наиболее актуальным достижениям в области методики и содержания образования (современность).

На сегодняшний день проведены несколько локальных исследований по оценке качества образования на основе

удовлетворенности потребителей с использованием метода опроса. Такой подход имеет ряд ограничений. Для опроса требуется значительное время, так как в той или иной степени потребителями образования являются студенты, их родители, работодатели, государство в лице различных органов управления. Самым главным недостатком данного подхода является субъективность такой оценки, которая в значительной мере зависит от ожиданий опрашиваемых субъектов, а также их эмоциональных реакций. Однако в качестве одного из параметров удовлетворенность различных участников образовательного процесса может существенно расширить представление об уровне качества высшего образования.

Оценка качества высшего образования на основе степени пригодности выпускника к эффективной и успешной работе фигурирует исключительно в теоретических трудах. Данный подход кажется наиболее закономерным, так как основная задача высшего образования состоит в подготовке студента к определенному виду деятельности. Проблемой использования этого подхода на практике является то, что успешность выпускника вуза как профессионала зависит не только от уровня его образования, а от целого ряда факторов, включая его способности, интеллект, мотивацию и условия труда. Кроме того, достаточно сложно определить, кого можно считать успешно реализовавшимся профессионалом.

Наиболее распространенным и разработанным является подход к оценке качества высшего образования на основе степени соответствия образования определенному стандарту. Таким стандартом чаще всего выступают требования государства к содержанию образования, образовательному процессу и условиям, в которых он осуществляется. Это обусловлено особой регулирующей ролью государства. Подобный стандарт могла бы разработать и организация работодателей, и представители других прямых и косвенных потребителей «продуктов» образования, которые также вправе определить свои требования к качеству образования. Ключевым аспектом данного подхода являются ответы на вопросы: кто, как и в соответствии с какими ценностями формирует стандарты образования, поскольку потребности различных субъектов в области образования могут существенно различаться.

Оценка качества образования на основе стандарта получила широкое распространение благодаря существенному преимуществу, состоящему в том, что она дает достаточно объективные результаты в сравнении с вышеописанными подходами. Объективность в данном случае не означает адекватного отражения качества образования, а лишь свидетельствует о снижении влияния субъективных мнений на результат оценивания. Еще одним достоинством подхода на основе стандарта является возможность использования количественных показателей. С другой стороны, количественные показатели лишь

косвенно характеризуют качество образования, а связь этих показателей и качества высшего образования условна.

К примеру, насколько действительно зависит качество образования студента от количества публикаций его преподавателя в иностранных изданиях? Предполагается, что чем больше публикуется преподаватель в иностранных изданиях, тем больший вес он имеет как ученый. Также существует допущение, что чем более признанным ученым является преподаватель, тем больше актуальных знаний он может передать студентам, тем самым улучшив качество их образования. В то же время можно предположить и обратное: ученый, занятый научной деятельностью и озабоченный иностранными публикациями, индексом цитирования и собственным признанием в научной среде, имеет слишком мало времени, чтобы уделять его разработке актуальных информативных курсов и общению со студентами, предоставляя им заниматься «самообразованием», тем самым снижая качество образования.

Подход к оценке качества высшего образования на основе «современности» образования предполагает, что качество образования тем выше, чем более оно соответствует последним достижениям прогресса. Этот подход нередко используют, совмещая с оценкой на основе стандарта. Его достоинством является теоретическая возможность сравнивать деятельность различных вузов по степени инновационности, «актуальности» содержания, формы и условий образовательного процесса. Недостаток же этого подхода в том, что самое новое не всегда является самым лучшим в долгосрочной перспективе. Никто не может предсказать последствий сегодняшних инноваций. С одной стороны, едва ли возможно оспорить необходимость соответствия содержания образования новейшим достижениям науки и техники. С другой стороны, инновации в области организации, формы и условий образовательного процесса не столь однозначны.

Сегодня зарождается еще один подход к оценке качества образования, основанный на необходимости «социокультурного целеполагания» в образовании [Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1]. В рамках данного подхода предполагается, что социальные нормы качества образования должны в основном опираться на построение прогнозных моделей качества образования и развития человека. Этот подход слабо разработан ввиду сложности прогнозирования, но имеет определенный потенциал.

Самая большая трудность в оценке качества высшего образования заключается в том, что его невозможно измерить непосредственно, как можно измерить качество продукции. Более того, к качеству образования неправильно было бы применить подход,

уместный при оценке качества услуги, где удовлетворенность клиента является самым красноречивым показателем.

Важно исходить из того, что образование является значимым общественным благом, результаты которого влияют не только на выпускника вуза, заинтересованного в успешном трудоустройстве и работодателя, которому необходимы хорошо обученные работники. То, чему, как и с каким успехом обучают сегодня в высших учебных заведениях, формирует и программирует облик общества в будущем.

Лукьянов В. Г.

Программа учебной дисциплины «Социальная культура»

Цель изучения дисциплины: раскрыть место и роль социальной культуры (культуры социальных отношений) в контексте культурно-исторического процесса, проанализировать специфику ее основных форм – нравственной, правовой и политической культуры, опираясь на накопленный в отечественной и мировой науке опыт изучения культур и цивилизаций.

Задачи дисциплины: В процессе овладения дисциплиной студенты должны уяснить основные закономерности функционирования и развития социальной культуры, овладеть умением прогнозировать развитие социокультурных процессов. Должны освоить навыки социокультурного подхода, ознакомиться с принципами и методами социологического анализа культуры, условиями, задачами и границами осуществимости культурной политики. Важной задачей является формирование у студентов потребности в творческом осмыслении проблем утверждения социальной культуры, потребности самостоятельно и систематически совершенствовать систему своих знаний.

Основное содержание дисциплины

Тема 1. Социология культуры как научная и учебная дисциплина

Культура как объект междисциплинарного знания (этнография, культурная антропология, социальная психология, философия, культурология и др.). Взаимосвязь наук, изучающих социум и культуру. Культура как объект и предмет социального и гуманитарного знания.

Объект и предмет социологии культуры. Социология культуры – научная и учебная дисциплина, занимающая «пограничное» положение между дисциплинами социологического и культурологического циклов. Специфика социологического подхода в изучении и регуляции явлений культуры. Отличие социологии культуры от других дисциплин культурологического и социологического циклов (общая социология и социология культуры; культурология и социология культуры). Предмет социологии культуры. Объекты, действия, процессы, события и т. п. как внешняя форма социального бытия; культурные значения и их интерпретация – его внутренний смысл. Осмысление социокультурных явлений и процессов в социологии культуры. Основные позиции по вопросу о статусе социологии культуры

Структура социологии культуры. Соотношение фундаментального и прикладного, эмпирического и теоретического в социологии культуры. Особенности применения методов социологии в сфере культуры. Место и роль социологии культуры в современном обществе, ее основные функции.

Социология культуры и социальная работа. Социологические основы социальной работы. Применение принципов социологического познания к анализу конкретных проблем социальной сферы.

Тема 2. Культура и регуляция человеческого поведения

Обыденное и научное понимание культуры. Описательный и оценочный смыслы научного понимания культуры. Отсутствие однозначного и общепринятого определения культуры. Типы и способы определения понятия культуры (А. Кребер, К. Клакхон).

Специфика социологического анализа культуры. Культура как символическая, ценностная и нормативная система, направляющая и регулирующая деятельность индивида, группы и общества в целом. Социокультурные явления как триединство взаимодействующих людей, нематериальных значений и материальных носителей (П.А. Сорокин). Структурные компоненты социокультурных процессов и явлений – ценности, нормы и значения. Их различия и взаимосвязь. Картина мира как «контурная схема», которая опережает опыт, определяет его и управляет им (К. Рицлер). Религия, мораль, право, искусство, наука как важнейшие компоненты картины мира.

Культура как социальный опыт – сумма знаний и представлений людей о допустимых нормах и порядках их коллективного существования и формах жизнедеятельности. Типы социокультурной регуляции (исторические, национальные, региональные, сословно-классовые, возрастные и т. п.).

Образцы поведения. обычаи и нормы как регуляторы поведения. Ценностное сознание как основа формирования норм.

Понятие образца поведения. Культура как набор образцов социального поведения и сознания, выработанных в процессе коллективной жизнедеятельности людей.

Обычаи как социально признанные образцы поведения. Роль обычая в разных типах культур. Теория ритуала В. Тэрнера.

Нормы как средство добровольного и осознанного сотрудничества и общения людей. Два уровня функционирования норм в обществе: эмоциональный и рациональный. Нормотворчество и предел нормативности. Классификация норм. Отношение индивида к принятым нормам. Изменение ценностной шкалы, выдвижение новых социокультурных идеалов как основа изменения норм. Нарушение норм и смена стереотипов. Плюрализм нормативных систем в современном обществе. Сущность аномии.

Понятие и сущность ценности. Роль ценностей в жизнедеятельности личности, социальной группы и общества. Три формы существования ценностей. Классификация ценностей.

Динамика ценностного сознания и развитие общества: концепции М.С. Кагана и Рональда Инглхарта.

Социальные регуляторы поведения социального работника.

Тема 3. Социальная культура: феномен, понятие и структура

Социальное как предмет социологии. Три значения термина «социальное». Понятия «социальная связь», «социальное действие», «социальное взаимодействие», «социальные отношения». Социальная культура как культура социальных отношений.

Три лика культуры (А.С. Кармин): духовная культура («когнитивно-ценностный лик» культурного пространства), технологическая культура («когнитивно-регулятивный лик» культурного пространства), социальная культура («ценностно-регулятивный лик» культурного пространства).

Социальная культура (культура социальных отношений) как сфера культуры, определяемая регулятивами, ценностями и идеалами, обуславливающими поведение людей в обществе и их социальные взаимоотношения. Основное назначение социальной культуры – утверждение в разных странах и на мировой арене цивилизованных общественных отношений (экономических, трудовых, политических, правовых, межнациональных, межконфессиональных и др.).

Основные формы социальной культуры: нравственная, правовая и политическая.

Субъекты социальной культуры. Элементы социальной культуры. Функции социальной культуры.

Три блока социальной культуры (Т.С. Лапина).

Две стороны реального бытия социальной культуры:

- (1) предметный пласт и
- (2) пласт смыслового содержания

Основные характеристики социальной культуры:

- репрезентативность (Ф. Тенбрук) и
- актуальность.

Соотношение социальной и духовной культуры, их особенности.

Культура социальных отношений как объект социальной работы. Роль социального работника в формировании культуры социальных отношений.

Тема 4. Творчество как феномен социальной культуры

Позитивное и деструктивное в отклонении. Творчество как форма позитивно отклоняющегося поведения. Творчество как отклонение от нормы, стандарта, шаблона поведения. Социальное творчество как позитивная сторона отклоняющегося поведения.

Основные аспекты научного анализа творчества. Творчество как предмет комплексного научного анализа (Б.С. Мейлах). Специфика социологического подхода к исследованию творчества: рассмотрение творчества в контексте социальных отношений. Творчество как духовно-практическая деятельность, результатом которой является создание новых общественно-значимых материальных и духовных ценностей. Творчество как сущностный компонент культуры. Взаимосвязь традиций и новаторства в творчестве. Понятие и виды творчества. Социальное творчество как созидательный процесс, направленный на преобразование и создание качественно новых форм социальных отношений и общественного бытия. Социокультурное творчество как формирование новых знаний, ценностей, норм, образцов и др., регулирующих жизнедеятельность человека.

Уровни развития творческих способностей личности. Потенциальная и актуальная креативность. Формы актуальной креативности личности. Креативность и обучаемость. Структура одаренности. Типы актуальной одаренности. Способности, талант, гениальность. Талант как высшая степень одаренности. Гениальность как наивысшая степень проявления творческих способностей человека, связанных с созданием качественно новых творений.

Творческая личность и общественная среда. Развитие природных творческих задатков в процессе освоения индивидом достигнутого уровня совокупных творческих способностей человечества. Превращение богатства опыта человеческой культуры во внутреннее богатство индивидов. Социальный спрос на

талантливую личность. «Творческие» и «нетворческие» эпохи. Отношение современников к открытиям, изобретениям и инновациям. Социальные нормы и творчество. Проблема преодоления стереотипов, конформного поведения в творчестве. Борьба творческих и консервативных взглядов в культуре.

Значение индивидуального жизненного опыта для формирования творческой личности. Роль импрессионизма в жизни талантливой личности. Проблема самореализации в творчестве. Изучение биографий творческих личностей как метод исследования творчества. Творчество и духовный рост личности.

Социальная работа как вид социально-творческой деятельности. Условия актуализации творческого потенциала человека в процессе социальной работы.

Тема 5. Социальная культура в контексте глобализации

Глобальный кризис цивилизации, его истоки и пути преодоления. Формирование глобального пространства культуры.

Мировой порядок XXI века: тенденции развития, эколого-географические, политические, экономические, культурные аспекты. Факторы глобальной межкультурной интеграции (прозрачность границ, единство мировой экономики, международные политические альянсы, спутниковое телевидение, международные спортивные организации, обмен научной, технической и культурной информацией; Internet и др.). Глобализация социального окультуривания: соблюдение прав человека как требование международного права, создание системы международной юридической защиты прав человека; деятельность многочисленных гуманитарных организаций; утверждение социальной работы в качестве непреложного направления общественной жизнедеятельности внутри подавляющего числа стран.

Взаимопроникновение и взаимообогащение культур. Уровни взаимодействия культур: этнический, национальный, региональный, цивилизационный. Способы взаимодействия. Амбивалентность взаимодействия. Процессы и результат взаимодействия культур. Изменение состояний, качеств, областей деятельности, ценностей той или другой культуры, порождение новых форм культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей под влиянием импульсов, идущих извне.

Ориентация отношений между странами и международными организациями в планетарном (глобальном) масштабе на создание и поддержку общечеловеческих условий жизнедеятельности на Земле – экологических, экономических, медико-гигиенических, правовых, культурных (не уничтожая своеобразие культур различных народов и регионов) и др.

Характеристики мировой межнациональной культуры. Современные тенденции межкультурного взаимодействия. Расширение сферы общемировой культуры (наука, право, образ жизни, высокая и массовая культура). Концепции и опыт ЮНЕСКО, Европейского сообщества и др.

Диалог культур и культурный плюрализм. Мировая межнациональная культура и ее воздействие на национальные культуры.

Тема 6. Социокультурные характеристики российского общества: проблемы и противоречия развития

Этнические истоки культурного разнообразия. Восточные и западные, северные и южные этнокультурные связи. Территориальные и климатические воздействия на становление менталитета русской культуры. Православие в структуре духовной жизни. Поликонфессиональность Российской империи. Государство в социокультурной структуре России.

Русская революция как феномен культуры, как проявление присущих ей полярных противоположностей.

Советская система как цивилизация. Мифологические черты «культы вождя». Превращение марксизма-ленинизма в квазирелигиозное учение. Социокультурные противоречия социалистической системы. Издержки культурной революции.

Социокультурные проблемы модернизации России. Культурные аспекты модернизации: Проблема обустройства России. Формирование узлов социокультурных противоречий, чреватых срывами и настоятельно требующих разрешения: модернизация и стабильность, социальная дифференциация и поддержание национального единства, развитие отношений с Западом и сохранение цивилизационной самобытности, преодоление национализма и налаживание межкультурного взаимодействия.

Утверждение атрибутов социальной культуры в России: создание и поддержка общества в качестве общего дома для жителей страны, придание в связи с этим цивилизованности в социуме в целом общественным отношениям; налаживание ведущими субъектами социального обеспечения и защиты населения и его представителей дифференцированно в зависимости от их демографического и социального положения.

Роль социального работника в утверждении атрибутов социальной культуры в России.

Тема 7. Нравственная культура

Понятия «мораль» и «нравственность», «моральные ценности». Критерии добра и зла. Соотношение целей и средств в достижении

счастья. Социокультурные функции морали. «Золотое правило» нравственности.

Гуманизм как моральная ценность. Понятие "гуманизм" и его исторические формы. Гуманистический смысл нравственных исканий: справедливый и свободный мир; этика ненасилия; становление экологического нравственного сознания. Нравственное достоинство личности как ценность. Гуманизация социальных отношений как вектор развития социальной культуры.

Социально-политическая и этическая *справедливость*. Понятие о «воздающей» и «распределительной» справедливости.

Категория «долг» в регуляции взаимоотношений личности и общества. Категорический императив И. Канта. Долг и свобода личности.

Совесть как внутренний регулятор поведения, нравственная саморефлексия.

Категории «честь», «достоинство» как личностная самооценка, отражение нравственной ценности личности. Исторический генезис чести: честь семьи, честь нации, честь мундира, честь гражданина, честь личности. Роль правовой защиты обществом чести и достоинства граждан. Авторитет и престиж. Кодекс чести гражданина и профессионала.

Проблемы нравственных ценностей в современном мире. Ситуация "переходной эпохи": смена ценностных ориентиров. Нравственная свобода и ответственность. Проблемы морального выбора. Риск и его нравственное обоснование. Свобода и произвол. Нравственная необходимость. Ответственность как цементирующий элемент в системе межличностных и социальных отношений. Личная и коллективная (групповая) ответственность, ретроспективная и перспективная. Ответственность как форма нравственного бытия и самосознания личности.

Поведение как форма нравственной самореализации личности. Этика борьбы и этика сотрудничества. Механизмы моральной мотивации. Типы морали.

Основные принципы современной нравственной культуры. Парадоксы нравственной культуры.

Нравственно-гуманистические истоки социальной работы. Критерии нравственности в профессии социального работника. Этические принципы в социальной работе. Профессионально-этический кодекс работников социальных служб. Этикет социального работника.

Тема 8. Правовая культура

Моральные основания правового регулирования. Возможные противоречия между правом и моралью и пути их разрешения. Взаимодействие права и обычаев. Правовой обычай.

Право как ценность культуры. Правовая культура: понятие, структура и функции. Правовая культура как комплекс ценностей и регулятивов, на основе которых во всех областях жизни, подпадающих под нормы права, строится практика взаимоотношений и действий людей, а также различного рода организаций. Общественная и индивидуальная правовая культура. Показатели уровня правовой культуры общества и личности.

Правовая культура граждан. Правовое воспитание как средство формирования правосознания и правовой культуры. Формы правового воспитания. Правовое обучение и правовая пропаганда.

Правотворчество и процесс правообразования. Объективные и субъективные факторы формирования права и правовой системы. Содержание, цели и субъекты правотворчества. Виды и принципы правотворчества. Ведомственное, делегированное, санкционированное, локальное правотворчество.

Правотворчество и законодательная деятельность государства. Законотворчество.

Субъекты правотворчества. Правотворчество органов государственной власти. Правотворчество органов местного самоуправления. Санкционирование обычаев и корпоративных норм.

Основные типы современных правовых систем. Традиционный тип. Религиозный тип. Континентально-европейский тип. Англосаксонский тип.

Правовая культура и правосознание. Правовая культура и правомерное поведение.

Развитие права в России. Основные принципы законодательства: принципы социальной справедливости, равноправия, охраны прав личности, единства прав и обязанностей, презумпции невиновности. Правовая культура власти. Культура правотворчества. Охрана правопорядка.

Правовая культура населения России: уважение к закону, знание законов, обращение к закону. Правовой нигилизм. Правовой фетишизм.

Роль правовой культуры в формировании правового государства. Формирование уважения к действующему российскому праву как фактор становления правового государства.

Роль социального работника в формировании правосознания и правовой культуры населения России.

Тема 9. Политическая культура

Политическая культура как феномен политической жизни общества. Политическая культура в системе культуры: ее детерминация социокультурными, национально-историческими, религиозными, национально-психологическими традициями, обычаями, стереотипами, мифами, установками и т.д. Воздействие фундаментальных компонентов национальной культуры на формирование системы политических убеждений и политической культуры в целом.

Политическая культура как полиструктурное и многоуровневое явление.

Структура политической культуры: ее познавательные, нравственно-оценочные и поведенческие элементы. Политическая культура как совокупность устойчивых структур политического сознания и поведения людей. Духовная и предметно-функциональная формы политической культуры. Рациональный и эмоционально-волевой уровни политической культуры. Политическая культура как система отношений.

Источники формирования и способы передачи политической культуры: политическая социализация, исторические условия, религия, политические традиции, политические символы, особенности политического режима.

Институциональные и неинституциональные проявления политической культуры. Преемственность и новации в развитии политической культуры. Общенациональные характеристики и групповые особенности политических культур. Политические субкультуры. Политическая культура и политическая коммуникация.

Понятие электоральной культуры.

Место политической культуры в политической системе общества. Воздействие политической культуры на политические институты и процессы. Основные функции политической культуры в политической жизни. Преодоление авторитарных традиций и формирование демократической политической культуры в России. Политическая культура и права человека.

Тема 10. Культура и мир повседневности

Повседневность как предмет анализа социологии культуры. А. Шюц как основоположник феноменологической социологии. Повседневное взаимодействие между людьми как предмет микросоциологии. Предмет этнометодологии – скрытые, неосознаваемые механизмы социальной коммуникации (Г. Гарфинкель). Драматургическая социология И. Гофмана.

Понятие «повседневность» в социологии. Повседневность – одна из форм человеческого опыта (другие формы опыта –

религиозный, научное теоретизирование и др.). Важнейшие характеристики повседневности: «нормальность», телесно-предметное переживание реальности, прагматичность и неререфлексивность, ситуации общения «лицом к лицу». Механизмы повседневной типизации и интерпретации поведения людей, их высказываний и др. Три трактовки историзма повседневности (Л.Г. Ионин).

Мир повседневности как организованная система практик.

Фоновые практики. Г. Гарфинкель о «фоновых ожиданиях». Социокультурный контекст человеческого общения как «сложное коллективное знание», вводимое в игру участвующими сторонами. Фоновые практики как условия взаимопонимания между представителями одной и той же культуры, а также как своеобразный межкультурный «барьер».

Неречевые практики. Типы неречевых практик: (1) использование материальных предметов, имеющих символическое значение; (2) жестовое поведение людей. Обмен взглядами и «гражданское невнимание» (И. Гофман). Выражение лица, жесты и позы. Интонация речи. Личностное пространство.

Речевые практики. Особенности разговорного стиля: ярко эмоциональная окраска, спонтанность. Использование невнятных восклицаний и др. Официально-деловой стиль: стандартизация речевых оборотов, отсутствие личностной позиции и др. Научный стиль: использование аппарата понятий, стремление к объективности и др. Публицистический стиль: чередование экспрессивности и стандартизации речи, прямое и скрытое воздействие и др. Художественный стиль: широкое использование выразительных средств языка, разнообразие лексики, глубоко личностная форма изложения и др.

Развитие коммуникативных способностей у социальных работников: навыков устной речи, навыков слушания и др.

Рекомендуемая литература:

а) основная литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – СПб., 2005.
2. Кармин А.С. Культурология: Учебник. СПб., 2004.
3. Кравченко А. И. Ануринов В. Ф. Социология: Учебник. СПб.: Питер, 2011.
4. Лукьянов В.Г., Лялин В.С., Урсун И.С. Социология. СПб., 2010.
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

б) дополнительная литература:

1. Громов И.А., Стельмашук Г.В. Культура как предмет социально-философского познания. Изд-е 2-е. СПб., 2004.

2. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000.
3. Ирхин Ю.В. Социология культуры: Учебник . М., 2006.
4. Минюшев Ф. И. Социология культуры: Учебное пособие. 2-е изд. , испр. , дополн. М., 2009.
5. Михайлова Л. И. Социология культуры: учебное пособие. М., 2008.
6. Плахов В.Д. Норма и отклонение в обществе. СПб., 2011.
7. Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиограф. роман. Сыктывкар, 1991.
8. Социология: учебник для вузов/ А.Ф. Борисов, А.В. Воронцов, И.А. Громов и др.; под ред. А.В. Воронцова. М., 2011.
9. Шендрик А.И. Социология культуры. М., 2005.
10. Швейцер А. Жизнь и мысли. М., 1996.

Петрова И.В.

Социально-инициативное обучение в социализации студентов

Сложность и многогранность социализации студенчества в институте образования нацеливает исследователей на применение социологического подхода, который предполагает анализ взаимосвязи между различными социальными институтами и процессами, выявление их особенностей, проблем и позволяет наметить перспективные решения. Таким образом, социологическое исследование процесса профессиональной социализации студентов высшего профессионального образования в современной России позволило бы найти способы для оптимизации данного процесса в контексте успешного взаимодействия его институтов в условиях современных общественных изменений.

Обращаясь и поддерживая мнение современного исследователя, полагаю, что процесс социального развития студентов нужно анализировать как учебную деятельность в контексте составляющей учебной ситуации, системообразующей переменной которой выступают социальные взаимодействия студентов с преподавателями и между собой [1]. Особую роль концепции социального взаимодействия, а также о межличностном характере процесса воспитания еще на этапе становления социологии образования отмечал Г. Зиммель, по его мнению, прогресс воспитания можно измерить силой обратного действия. Поэтому можно сделать вывод о том, что динамика общественного развития диктует необходимость поиска новых форм эффективного социального взаимодействия в

процессе социализации — разработка, изучение и использование современных педагогических технологий, которые позволяют построить диалоговую модель обучения, характеризующуюся равенством позиций коммуникантов (преподавателя и студента), включенностью в процесс познания всех студентов группы, активным взаимодействием обучающихся друг с другом и прочее.

Автором был проведен эксперимент, ориентированный на решение актуальной задачи — организации педагогического сопровождения профессиональной социализации будущего конкурентоспособного специалиста.

Выбор в качестве объекта исследования студентов 3, 4 и 5 курсов обусловлен тем, что к этому времени адаптационный период завершен, влияние довузовских факторов менее значительно, актуализируются профессиональные интересы и перспективные жизненные планы.

Гипотеза – социально-инициативное преподавание способствует социально-профессиональному развитию студентов как средству их дальнейшей социализации.

Экспериментальное исследование было проведено в период с 2007 по 2012 г.г. на базе Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, в нем принимали участие 204 студента, обучающихся по специальности «государственное и муниципальное управление».

Автором была разработана рабочая программа исследования социально-инициативного обучения на основе использования дискуссионно-диалоговой модели преподавания ряда дисциплин, предусматривающей ассимиляцию социально-ролевой структуры студенческой группы в процессе работы команды проекта. Использовался временной объем, ограниченный рамками семинарских занятий по дисциплинам («этика и культура управления», «разработка управленческого решения», «система государственного и муниципального управления», «социология управления», «социология», «современный менеджмент») в проекциях учебного плана.

Целью использования данной модели в учебном процессе — формирование у студентов знаний и умений профессионального и социального развития как уникальной компетенции будущего конкурентоспособного специалиста.

Основные задачи состояли в выработке у студентов: ценностно-мотивационных установок, убеждений; творческого отношения к образовательному процессу, развитию креативных и лидерских способностей; системы знаний о поведении личности в группе; мотивации и результативности в групповом взаимодействии; опыта профессионального и социального развития.

Для разработки дискуссионно-диалоговой модели преподавания автором исследован теоретический и практический материал по командообразованию. Тема командоориентированных методов управления организацией разрабатывалась зарубежными и отечественными учеными, например, Вудкок и Френсис, Макинтош-Флетчер, К. Левин, Галкина Т.П., Пригожин А.И. и др. (изложен в первой главе), построение и изучение статусно-ролевых страт группы отражено в работах Т. Парсонса, М. Мескона, М. Белбина, Р. Шиндлера и др. (в первой главе дано описание).

Можно предположить, что социально-психологическая общность способна объективироваться и закрепляется групповым самосознанием, специфической субкультурой, наличием или отсутствием влияния лидеров за счет специальных приемов интрагрупповой активности студентов, применяемых в учебном процессе. Вышеописанное позволяет рассматривать процесс социализации студента в вузе как частный случай общения, в ходе которого происходит управление познанием, усвоением общественного опыта, социально-психологическое отображения, воспроизведения и освоения всех видов деятельности и реалий микросоциума. Возникновение глубоких и устойчивых интересов студентов к учению, различным предметам является важным условием успешного формирования их личности. Для эффективного процесса межличностного взаимодействия, которое является важным для успешной учебной деятельности и эффективного коммуникативного развития студентов как будущих специалистов, автор в своем эксперименте интегрировал структуру студенческой группы (обычной численностью 15-25 человек) на рабочие группы (численностью 8-10 человек), сформированные по принципу ролевого наполнения (за основу автором принят ролевой набор группы по М. Белбину). При этом, в студенческой группе автором исследования, была выделена специальная группа-детерминатор, качественный состав которой формировался по принципу потенциальных лидеров, выполняющих роль медиаторов, а иногда, и арбитров в процессах реализации и презентации тематических проектов развития дисциплин рабочих групп студентов. На протяжении учебного процесса и освоения дисциплины состав рабочих групп и группы-детерминатора находился в регулярной ротации до момента определения членом группы своего эффективного ролевого поведения как результата согласования личных желаний, возможностей, ориентаций с условиями и требованиями со стороны преподавателя и других членов группы (что отслеживалось со стороны автора исследования при помощи метода наблюдения, а также опроса с применением авторского и заимствованного инструментария).

Дискуссионно-диалоговая модель, разработанная и примененная автором в своей педагогической практике, помимо изменения

структуры студенческой группы предусматривала выстраивание работы групп студентов по принципам проектной деятельности в тематике проблем развития дисциплин. По мнению известного современного педагога-ученого: «наибольшую известность среди комплексных систем обучения в мировой истории получил так называемый метод проектов — система обучения, при которой обучающиеся приобретают новый опыт (знания, умения и т.д.) в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся заданий практически-жизненной направленности – проектов»[2]. Метод проектов предполагает решение какой-то проблемы, предусматривающей, с одной стороны, использование разнообразных методов, средств и форм обучения, а с другой стороны — интегрирование знаний, умений из различных областей науки, техники, технологии, творческих областей. Целью проектной деятельности является стремление найти лучшее, свое решение определяет основную мотивацию обучения, а также призыв к самообразованию. Усваиваемое содержание обучения становится средством движения человека в будущее, реализации своего собственного проекта, в том числе и профессионального пути. Подходы к выбору тематики, исходные теоретические позиции проектного обучения, основные требования, этапы развития проекта и подобные нюансы проектной деятельности достаточно хорошо освещены в литературе.

Организация работы с учетом применения проектного метода обучения и с использованием авторских разработок исследователя (ассимиляция группы) была очерчена, как уже замечалось, и рамками содержания определенных учебных дисциплин. Например, по дисциплине «этика и культура управления» перед командами преподавателем ставилась задача: сформировать и продемонстрировать, а также наметить пути перспективной трансформации корпоративной культуры (в зависимости от влияния внешних и внутренних факторов) для виртуальной организации. По дисциплине «разработка управленческого решения» — команды были ориентированы на поиск оригинальных способов разработок и реализации управленческих решений (с помощью определенного преподавателем инструментария — эвристических методов (метод мозгового штурма, свободных ассоциаций, методики орлиного взгляда, метода фокальных объектов и подобное). По дисциплине «система государственного и муниципального управления» перед группами стояла задача — создать и представить для обсуждения виртуальную политическую партию (программу и устав партии, символику, членство и т.п.). По дисциплине «социология управления» — стояла задача определить траектории развития собственной команды (определить ее эффективность, соответствие занимаемым позициям-ролям членами команды, наметить перспективы команды. В

работе команд при этом активно использовались метод наблюдения (в карточках наблюдателя членами команд фиксировались собственные замечания относительно личного вклада в решение поставленных перед командой, с последующим самоанализом и выводом о соответствии занимаемой роли) и метод опроса (анкетирование проводилось с использованием теста «Групповые роли»[3] (при этом, в данной диагностике используемый ролевой набор максимально приближен к ролевому наполнению группы по М.Белбину – той ролевой структуре, в которой наши группы формировались и развивались) и теста «психологический климат»[4]), что позволило определить ролевую позицию в команде по специфическим характеристикам. По дисциплине «социология» — проблема «Мотивация в развитии жизненных перспектив» (для работы в командах преподавателем был предложен инструментарий – тест «Иерархия потребностей»[5], а также задание разработать в командах коллективными усилиями оригинальную анкету и, соответственно провести опрос с использованием своего и заимствованного инструментария собственную оценку мотивации, результаты прокомментировать). Тема проектного задания по дисциплине «Современный менеджмент» — «Антикризисное управление виртуальной организацией», реализация проекта предусматривала анализ состояния предприятия по тесту «Оценка конкурентоспособности фирмы», с использованием SWOT-анализа, матрицы BCG и выработка антикризисных программ с помощью метода «коллективного блокнота» с последующей презентацией.

Следующим этапом эксперимента проектной деятельности было использование метода наблюдения, конкретнее, результатов (со стороны группы-детерминатора, с учетом выводов преподавателя, коллективных наблюдений внутри команды – все обозначенные позиции вели свои карточки наблюдателей, в которых фиксировались предметы исследований, характеристики, параметры и т.п., и выводы). Затем в дискуссионно-диалоговой манере происходило обсуждение результатов наблюдений с учетом пяти позиций (личной, научной — результаты теста, внутригрупповой, преподавателя, группы-детерминатора) и вырабатывалось компромиссное решение по ролевой ротации групп.

По окончании проектной работы, очерченной границами определенных проблем по изучаемым дисциплинам, студентам предлагалось принять участие в опросе с использованием авторской анкеты исследователя «Оценка влияния социально-инициативного обучения (с использованием дискуссионно-диалоговой модели преподавания, предусматривающей ассимиляцию социально-ролевой структуры студенческой группы в процессе работы команды проекта) на формирование уникальной компетенции студентов». Анкета состояла из паспорттики (фиксировалась анонимность), нескольких

тематических блоков, вопросов (в количестве 28), которые предполагали комбинированную форму ответов (открыто-закрытую), а также были введены вопросы-фильтры.

Методом сплошного опроса (так как в исследовании принимали участие более 95% от численного состава студенческих групп) были выявлены следующие мнения респондентов.

Относительно ощущения чувства сплоченности, доверия, осознания принадлежности положительно высказались 99% участников. По поводу мотивации, ощущения, что она исходила изнутри, отвечая на ряд вопросов, в том числе и такой: «На Ваш взгляд организация работы была жесткая и обязательная?» ответы также располагаются в пределах 90% (на данный конкретный вопрос — ответ был «нет»). По поводу конкуренции в команде респонденты утверждают (порядок тот же 90%), что она была направлена во вне (т.е. на др. команды).

В определенных блоках респондентам предлагалось зафиксировать результаты своей учебы по дисциплинам, преподавание которых проводилось в традиционной форме и по дисциплинам с использованием исследуемого социально-инициативного преподавания. Проанализировав ответы, автор исследование может сделать вывод о том, что результативность по итогам аттестации первых и вторых различается – последние выше. Данный результат подтверждается и субъективным восприятием респондентов, а именно в анкете автором исследования был предусмотрен вопрос: «По Вашему мнению, введение в образовательный процесс семинарских занятий с использованием методов командной работы повышает эффективность восприятия учебной дисциплины?» Положительный ответ более, чем 90% случаев.

Отдельный блок вопросов, был посвящен прожективным возможностям использования данного преподавания. Оценки респондентов были различные, в некоторой степени их можно оценить даже как противоречивые, что безусловно открывает новые перспективы для изучения круга вопросов в данной плоскости проблемы. Например, на вопрос: «Способствует закреплению необходимых знаний и навыков на практике (данный метод преподавания)? — ответ положительный в 90% случаев. Но в то же время на вопрос: «В своей профессиональной деятельности Вы будете стремиться внедрять методы командной работы?» — ответ положительный лишь 74% случаев.

Особое внимание автор исследования акцентирует на результаты, полученные от ответов на вопрос: «Развивает ли личность и формирует ли внутреннюю культуру обучающихся (данный метод преподавания)? В 90% респонденты отвечают: «да».

Проведенное автором исследование позволяет зафиксировать несколько обобщений. Так как эффективность социально-профессионального развития может быть рассмотрена по компонентам (коммуникационный, социальный, профессиональный и личностный). Соответственно, выводы по результативности социально-инициативного обучения на основе использования дискуссионно-диалоговой модели преподавания дисциплин, предусматривающей ассимиляцию социально-ролевой структуры студенческой группы в процессе работы команды проекта в пространстве социально-профессионального развития студентов предлагается формулировать с учетом вышеобозначенных компонентов.

В студенческой группе, построенной по указанной схеме, проявились такие социально-психологические явления, характеризующиеся интенсивными коммуникативными нагрузками, как соревнование (как межгрупповые, так и индивидуальные), а также, коллективные переживания, коллективные мнения, что способствовало развитию товарищества, групповой сплоченности. Соответственно, коммуникативный компонент получил положительное развитие. В плоскости социально-профессиональных качеств данное преподавание способствует формированию уникальной компетенции, проявляющейся в адекватности решения нестандартных задач (умение самостоятельно конструировать свои знания, развивать критическое мышление и т.п.). Использование коллектива как средства развития индивидуальности на основе оперативной самооценки, самоконтроля каждого обучающегося, так как коллективная деятельность предоставляет возможность каждому участвовать в обсуждениях в той мере, в какой каждому человеку позволяет его развитие: это может быть позиция лидера, мозгового центра, оппонента, слушателя и т.д., позволяет осуществлять активный поиск и определение студентами эффективных социально-ролевых нагрузок, способствует развитию личностного компонента учащегося.

Таким образом, можно сделать вывод о том, вследствие, проведенного эксперимента получен положительный результат относительно намеченных ожиданий – удалось увязать между собой все компоненты социально-профессионального развития в их положительной динамике, создать условия, способствующие балансу – в отношении студентов к целям и содержанию обучения, в отношении студентов между собой и к преподавателю.

Относительно деятельности института образования в перспективах его развития нами делается акцент на диверсификацию высшего образования – активное внедрение и исследование различных инновационных образовательных моделей, направленных социально-профессиональное развитие.

Литература:

1. Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы. Р.-на-Д., 2002. С. 378.
2. Новиков А.М. Постиндустриальное образование. М., 2011. С. 91.
3. Самыгин С.И., Столяренко Л.Д. Психология управления. / С.И. Самыгин, Л.Д. Столяренко. Р.-на-Д., 1997, С.152.
4. Вачугов Д.Д. Практикум по менеджменту: деловые игры. / Д.Д. Вачугов, Н.А. Кислякова. М., 1998, С. 100.
5. Ладанов И.Д. Психология управления рыночными структурами: Преобразующее лидерство. М., 1997, С.177-179.

Цыплакова О.Г.

Роль социологических исследований в обеспечении процесса воспитания в ВУЗе

Воспитательную работу в высшем учебном заведении можно рассматривать как целенаправленную, систематическую, организованную деятельность по формированию социально востребованных качеств личности.

В данном значении воспитательная работа заключается, во-первых, в формировании духовности и интеллекта молодого поколения для его будущей профессии; во-вторых, в создании благоприятных условий образовательной среды, которые способствовали бы эффективной деятельности студентов и преподавателей.

Исходным моментом создания научно-обоснованной системы учебно-воспитательной работы в ВУЗе является знание основных личностных характеристик современного студенчества, изучение факторов, способствующих формированию положительных качеств будущего специалиста; знание приоритетов и основных потребностей преподавателей. Без владения подобной информацией поставленные перед участниками воспитательного процесса задачи могут оказаться трудно выполнимыми из-за их декларативности, оторванности от реальной жизни.

Прояснению подлинной обстановки в современном ВУЗе может способствовать проведение социологических исследований на систематической основе для того, чтобы соотносить потребности

общества и возможности образовательной системы, а также фиксировать все изменения социально-психологического климата в образовательном учреждении.

Образование является стратегически важной сферой социальной жизни, значимость которой неуклонно возрастает с каждым годом, и оно не должно сводиться исключительно к передаче знаний. Важнейшей его функцией является формирование личностных качеств студентов.

Тем не менее, на сегодняшний день необходимо преодолеть ряд стереотипов в отношении проблемы воспитания молодого поколения. Один из них связан с «выделением» воспитания из общих потоков педагогических процессов, ограничение его функциональной роли как дополнительной по отношению к учебному процессу. Кроме того, и на теоретическом, и на практическом уровне существует представление о «множественности» воспитаний: нравственном, эстетическом, трудовом, патриотическом и др.

Преодолевая эти стереотипы, необходимо взглянуть на воспитание как на целостный феномен, который по сути «вплетен» в весь процесс образования, различные методы обучения и формы учебной работы в ВУЗе. Воспитание является фактором развития образовательного учреждения, способствующего формированию его имиджа, решению вопросов материально-технического плана.

Исторический опыт показывает, что студенчество является наиболее прогрессивной, творчески развитой и интеллектуальной частью молодежи, оказывающей значительное влияние на экономическое и духовное преобразование общества. Однако, нынешняя ситуация выдвинула ряд проблем, важность и острота которых стали очевидными.

Речь идет о снижении общего уровня образованности и воспитанности студенческой молодежи, о ее слабой способности адекватно анализировать объективную реальность, видеть и понимать свои цели и задачи, а также средства и способы их достижения; утрата отдельными преподавателями представления о своем месте и роли в процессе обучения и воспитания студентов; все это выдвигает на первый план необходимость реализации единой стратегии воспитательной деятельности в высшей школе во избежание угрозы деградации студенчества, а в конечном итоге и общества в целом.

В связи с этим современная система образования акцентирует внимание на возвращении вопросов воспитания в круг государственных приоритетов, подчеркивает актуальность целенаправленного воспитательного воздействия на всех уровнях образования, в том числе и в ВУЗе. В качестве доминантной цели воспитания выступает формирование Гражданина, Личности, способной полноценно жить в новом демократическом обществе России и быть полезной этому обществу.

Работа по формированию и становлению личности молодого человека должна рассматриваться как одно из важнейших направлений деятельности системы образования. При этом нельзя отделять вопросы воспитательной работы со студентами от вопросов личности преподавателя, его морально-нравственных качеств и ценностных установок, а также от условий труда и быта в учебном заведении и среды обитания в целом.

Одним из основных компонентов комплекса мероприятий по совершенствованию воспитания студентов становится знание результатов, эффективность проведения воспитательной работы на всем протяжении периода обучения. Источником получения точной информации об особенностях функционирования учебного заведения на всех его уровнях является проведение социологических исследований и использование данных этих исследований для организации жизнедеятельности ВУЗа как основы воспитательного процесса (формирование атмосферы согласия, единения, правовой культуры, уважения к нравственным принципам и нормам общения и т.д.)

Проведение социологических исследований позволяет осуществлять обратную связь между всеми участниками воспитательного процесса, в результате чего появляется возможность корректировать существующую систему воспитания в соответствии с особенностями современной ситуации.

На сегодняшний день степень академических свобод образовательных учреждений позволяет части из них реально обеспечить многовариантность эффективных способов и подходов к воспитанию. Поиску этих адекватных подходов во многом призвано помочь социологическое обеспечение процесса воспитания в ВУЗе.

Шевцов А.В.

Социально-политическая динамика: примерный план магистерской учебной дисциплины

Цель учебной дисциплины

Всестороннее освоение проблематики социально-политической динамики: социально-политических изменений, процессов, моделей социально-политического развития.

Задачи учебной дисциплины

– освоение методологии и методике социально-политической динамики;

- изучение понятийно-категориального аппарата научной дисциплины;
  - описание ролей и характеристик основных участников социально-политической деятельности;
  - изучение типовых и конкретных социально-политических изменений, процессов, моделей социально-политического развития.
- В процессе изучения данной дисциплины студент должен уметь:
- охарактеризовать социально-политическую динамику с позиций основных социологических теорий;
  - выделять социально-политическую составляющую в описаниях социальных и политических практик и систем;
  - представлять и анализировать систему социально-политических изменений;
  - определять и описывать реальные социально-политические процессы;
  - описывать и разрабатывать модели социально-политического развития;
  - составлять социально-политические прогнозы.

Основное содержание

Тема 1. Социально-политическая динамика: вводная

Что такое политика. Эволюция понятий «социальное» и «политическое». Социология политики в системе социологического знания. Междисциплинарные связи социологии политики. Понятия «социология политики» и «политическая социология». Методология и методика социологии политики. Структура и основные проблемы социологии политики. История и современное состояние научной и учебной дисциплин.

Социальная динамика. Соотношение понятий «социальная генетика», «социальная динамика», «социальная статика». Точки пересечения социального и политического. Макро- и микросоциологические подходы к социальной динамике. Трансформация социальной системы и изменение социальной ткани. Элементарные понятия и комплексные модели. Социальное изменение. Представления о локальных и глобальных социальных изменениях. Социальный процесс. Типы и виды социальных процессов. Социальная трансформация. Социальная эволюция и социальный прогресс. Модели общественного развития. Классические и современные теории.

Тема 2. Методология социально-политической динамики

Общее представление о методологии. Метод и методы: способ познания мира и инструменты для решения исследовательских задач.

Методология социального познания. Методы социологического исследования. Типология методов. Методы, техники и технологии.

Специфика методов социологии политики. Методы, используемые при изучении социально-политических явлений, институтов и процессов. Методы, наиболее часто используемые при изучении социально-политической динамики. Адаптация техник и технологий к исследованию социально-политических изменений, ситуаций и процессов.

Тема 3. Основные понятия социально-политической динамики

Основные подходы к определению сложных и элементарных понятий. Способы адаптации социальных понятий к политическим реалиям. Роль социологии в политическом процессе. Социально-культурные комплексы в социально-политической области. Социально-политическое изменение. Социально-политическая деятельность. Социально-политическое сотрудничество и социально-политический конфликт. Социально-политическая ситуация и социально-политический процесс. Насилие и убеждение в политике. Политическая борьба. Политическая стабильность и политические кризисы. Социально-политические реформы. Политические перевороты и социальная революция. Политический террор и гражданские войны. Избирательная система и электоральное поведение. Социально-политическая эволюция и политические циклы. Прогресс в политике. Результаты социально-политической деятельности. Политическое прогнозирование.

Тема 4. Пространственно-временная локализация и основные участники социально-политической деятельности

Возможность и необходимость существования политики. Основные научные подходы. Общественные основания политической деятельности. Формы и способы социального управления. Иерархичность и эффект синергии. Распределение общественного продукта. Ранжирование и стратификация. Общественные интересы и феномен представительства. Реализация властных отношений в социальных структурах. Степени и способы формализации властных полномочий.

Условия возникновения политических отношений. Основные научные подходы. Примитивные общества. Протополитические образования. Понятие «цивилизация»: политический аспект. Проблема исчезновения политических отношений.

Содержание политических отношений. Основные научные подходы. Проблема «политики до политики». Политический аспект семейных и хозяйственных связей. Потестарные отношения. Местное самоуправление и государство.

Состав участников социально-политических отношений. Основные научные подходы. Типология участников. Личность. Лидерство и представительство. Активизм и аполитичность. Социальные группы. Первичные и вторичные группы в политике. Политический аспект социальной стратификации. Социальные классы. Социальные институты. Политическая сторона социальных институтов. Социальные движения и социальные организации. Политические функции социальных структур. Проблема взаимоотношения общества и политики. Публичная политика. Гражданское общество и его институты. Ярко выраженные политические организации. Государство. Представительные и исполнительные органы. Социально-политическое движение. Политическая партия. Группа давления. Теневые политические структуры.

Тема 5. Социально-политические изменения

Социально-политические изменения. Основные научные подходы. Проблема элементарных социально-политических изменений. Явные и латентные изменения. Формальные и содержательные изменения. Изменения в социально-политической ткани. Изменение политических практик. Изменение уровня социально-политической активности и форм политического участия. Изменения в социальной базе власти. Классовые изменения. Изменения в политической системе и/или политической подсистеме социальной системы: элементы, функции, структуры. Изменения форм и способов социально-политической борьбы. Изменение формы политического режима. Изменения способов легитимации власти. Изменения в системах политической культуры. Изменения в политико-идеологической сфере. Изменение политических настроений и пристрастий. Иные изменения.

Тема 6. Социально-политические процессы

Социально-политический процесс. Основные научные подходы. Признаки и основные характеристики социально-политического процесса. Социально-политические изменения и социально-политическая ситуация. Формы социально-политических процессов. Линейные и нелинейные процессы. Проблемы временного и территориального охвата. Локальные, региональные, национальные, глобальные процессы. Универсальные, исторические и современные процессы.

Типы социально-политических процессов. Тенденции социального и политического развития. Социальные процессы и социально-политические движения. Смена власти и дихотомия правительство-оппозиция. Избирательный процесс. Трансформации политического режима. Циркуляция элит. Политико-

коммуникативные процессы. Трансформации общественного мнения. Политико-культурная и политико-идеологическая диффузия. Политические аспекты глобальных социальных процессов.

Тема 7. Основные модели социально-политического развития

Модели социально-политического развития. Основные научные подходы. Особенности использования моделирования в социально-политической динамике. Модели локального и глобального развития.

Типы моделей социально-политического развития. Модели политических практик. Модели социально-политических конфликтов. Политическая стабильность и политические кризисы. Социально-политические реформы. Политические перевороты и социальная революция. Гражданская война. Модели социально-политической эволюции и социально-политического прогресса. Прогнозирование и создание прогнозных моделей.

Организация самостоятельной работы:

Содержание аудиторных лекционных занятий ориентировано на организацию самостоятельной работы студентов. Основной упор сделан на подготовку каждым магистром типового исследовательского задания.

Темы:

- Социально-политическая борьба
- Гражданская война
- Социально-политические реформы
- Глобальный или региональный социально-политический процесс

Регион и эпоха на выбор. Подготовка и презентация на соответствующем практическом занятии (40—60 минут). Необходимо осветить следующие вопросы:

- информационно-источниковая база;
- узловые проблемы и основные подходы к их решению;
- участники процесса и их действия;
- этапы развития процесса;
- подведение итогов: разные версии.

Рекомендуемая литература

а) основная литература:

1.Егер, В. Социальные изменения в социологических теориях современности / Виланд Егер, Ханс-Иоахим Майер. Смоленск, 2007.

2.Исаев, Б. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: учеб. пособие / Б.А. Исаев, Н.А. Баранов. СПб., 2008

3.Кодин, М. И. Российский политический процесс: соц.-филос. М., 2008.

4.Миронова, Н. И. Гражданский социум в современном государственном управлении: социальная динамика. Челябинск, 2007.

5.Сорокин, П. А. Социология революции. М., 2008.

б) дополнительная литература:

1.Бондаевский, В. П. Мировой политический процесс: учеб. пособие / В.П. Бондаевский, А.Ф. Гоголин. Кемерово, 2004.

2.Галкин, А. А. Россия: quo vadis? / А. А. Галкин, Ю. А. Красин. М., 2003.

3.Демидов, А. В. Власть и общество: проблемы теории и практики политической модернизации России XIX-XX вв.: монография / А. В. Демидов, Г.И. Ускова, М.В. Шерстюк. М., 2004.

4.Кодин, М. И. Теоретико-методологические проблемы социально-экономических и социально-политических преобразований в России в конце XX века 1990—2000 гг. М., 2002.

5.Опратная, О. Н. Социальная динамика: тринитарный подход. М., 2004.

5.Политические отношения и политический процесс в современной России: хрестоматия / ред.-сост. Е.Г. Пономарева. М., 2007. Т. 1.

6.Российское общество и современный политический процесс: (опыт политолого-социол. анализа). М., 1997.

7.Рукавишников, В. О. Политические культуры и социальные изменения: Междунар. сравнения / Владимир Рукавишников, Лук Халман, Питер Эстер; Пер. с англ., доп. и перераб., ред. и предисл. В.О. Рукавишникова: В 2 вып. М., 1998—2000.

8.Севастьянов, В. Н. Социальная динамика: Очерки теорий развития о-ва: Учеб. пособие / В.Н. Севастьянов, И.С. Малолеткова. Красноярск, 1997 (1996).

9.Смолин, О. Н. Политический процесс в современной России: учеб. пособие. М., 2004.

10.Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / под ред. В.А. Мансурова. М., 2007.

11.Шульц, В. Л. Социальные изменения и общество. М., 2005.

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Власенко Е.

Научный руководитель:
профессор Окладникова Е.А.

Символические структуры панк-культуры и их отражение в студенческих нарративах

История панк-культуры насчитывает уже около сорока лет. Сегодня лучшие ее времена, которые пришлось на 1976-1985 годы, кажутся глотком свободы для молодежи того времени. Возможно, именно такой свободы не хватает современной молодежи сегодня. Панк впитал в себя мечты человечества о свободе, независимости, равенстве, братстве, отсутствии границ и всего того, что их возводит: денег, политиканов, социального неравенства, цензуры, запретов, войны, ядерного оружия, ракет, заезженности и серости. Российская молодежь второго десятилетия XXIв., по большей части конформна, и уже в молодом возрасте отказывается от мечты о свободе.

Объектом исследования являются студенты Факультета философии человека РГПУ им. Герцена, представители современной молодежи.

Предметом исследования является семиотический анализ символических структур панк-культуры, которые до сих пор существуют в современных студенческих нарративах. Из предмета проистекает гипотеза исследования: символические структуры панк-культуры и в наши дни живут в пространстве массовой культуры.

Цель работы: исследовать современные студенческие нарративы и символические структуры панка, существующие в них. Для этого необходимо:

- выявить основные символы панк-культуры;
- провести исследование в современной студенческой среде;
- провести анализ результатов исследования.

Основные идеи панк-культуры были воплощены в особом стиле жизни, выражающем социальный протест. Этот протест был заложен еще в 1960-е, когда идеи хиппи о всеобщей любви и мире утонули в наркотиках. С треском провалившись, движение хиппи оставило после себя пустоту и неудовлетворенность. Так горько заканчивались великие шестидесятые. Ушло в прошлое и “британское вторжение” – время, когда музыкальные группы из Великобритании успешно

экспортировались в США и гремели по всему миру, задавая ритм нового времени (The Beatles, The Who, Rolling Stones...). В первую половину семидесятых те группы, которые продолжили идти по пути усложнения структуры песен и лирических образов, по сути, оказались в творческом тупике. Но, в это же время, те группы, которые продолжали утяжелять полученное в шестидесятые некоторыми группами звучание (The Kinks “You Really Got Me”, The Who “My Generation”, The Beatles “Helter Skelter” и др.) в итоге оказались в сложном процессе создания совершенно новых музыкальных жанров, на почве которого зародился и панк. Определенная (по сравнению с 1960-ми годами) апатия массовой культуры и появление новых, грубых музыкальных форм стали фундаментом социального протеста панк-культуры.

Этот протест был выражен в 1976 году, когда в США прогремел дебютный альбом панк-группы Ramones. Он стал одной из главных вех в истории современной музыки и для своего времени был более чем революционным. О феномене группы Ramones и их музыке следует сказать подробнее, ведь они стали источником основных идей и символических структур панк-культуры.

Внешний вид. Имидж группы Ramones был раз и навсегда установлен в середине 70-х и никогда больше не менялся на протяжении всей истории группы. Это была простая “униформа”, одинаковая для всех четырех участников группы- кожаная куртка, футболка, рваные голубые джинсы, кеды, стрижка каре. Своим внешним видом, простым, неприязнительным, доступным любому, они не только приглашали вступить в свою “армию” абсолютно любого желающего, но и, что особенно важно для нас, выразили несколько базовых идей панка: открытость, удобство, повседневность. Символическим их выражением стали потертые джинсы и шорты, застиранные футболки, простые прически – внешний вид панка говорит о том, что он свободен, в том числе от потребительской гонки, навязанной представлением общества об успехе, в основе которого лежит материальный достаток.

Музыка и лирика. Песни Ramones стали манифестом простоты. Песни, продолжительность которых редко достигает двух минут, сопровождаются крайне быстрым (по свидетельствам, Ramones при записи в студии использовали крайнее правое положение метронома – самое быстрое, которое до них еще никогда не использовалось) однообразным ритмом ударных, громогласной гитарой (партии которой состоят обычно из 4 аккордов), хлесткой партией бас-гитары и особой манерой исполнения вокалиста. Простые тексты (часто фраза или куплет просто повторяются несколько раз практически без изменений, например в таких песнях, как “Judy Is a Punk”, “Navana Affair”) включают в себя призывы-выкрики. Такая структура песен воспринимается как освобождение от всего лишнего. В этом отказе от

сложности есть определенный смысл. Произошла некая “демократизация” музыки, автором теперь мог стать любой, кому есть, что сказать – ведь это просто и не требует музыкального образования, особых навыков. Можно сказать, что такая простота выражения чувств в музыке стала принципом панка. Тексты песен Ramones однозначно можно назвать провокационными, но впоследствии, в начале 80-х, лирика панк-культуры стала куда более жесткой.

Концерты. Еще большим выражением свободы были их живые выступления. Это был устоявшийся ритуал длительностью полчаса. Вживую группа исполняла свои песни еще быстрее и громче, чем на записи, поэтому в эти полчаса укладывалось по 20 песен, быстро следовавших одна за другой без перерыва [2]. Для того, чтобы начать одновременно, басист группы всегда быстро отсчитывал от одного до четырех, и такой выкрик перед началом песни (One! Two! Three! Four!) стал еще одним символом панк-культуры. В целом такой ритуал панк-концерта также стал символом – впоследствии концерты панк-групп так или иначе были отражением концертов Ramones, настолько их выступления были революционными.

В итоге группа Ramones утвердила основные принципы и идеи панк-культуры. Сама группа, их логотип и каждый член группы в отдельности стали символами панк-движения. Впоследствии панк динамично развивался по заданной ими траектории, трансформировался в хардкор-панк (еще более тяжелая и быстрая музыка, тексты на социальные темы) и летом 1985 его сменили тесно связанные между собой направления emotive hardcore (эмо) и пост-хардкор. За эти девять лет появился целый ряд символов панк-культуры.

		
Рис.1. Внешний вид участников группы Ramones.	Рис. 2. Концерт группы Ramones.	Рис. 3. Эмблема музыкантов.

		
Рис. 4. Логатип Ramones.	Рис.5. Словесные символы	Рис. 6. Слоган-призыв группы Ramones.

В творчестве панков можно выделить две крупные символические структуры: 1) Стиль жизни, выражающий социальный протест (простая, удобная но заношенная одежда; грубый язык, включающий обсценную лексику, сленг; аполитичность(рис.1-3); 2) Стиль музыки, включающий грубые музыкальные формы (простые тексты песен; упрощенная структура музыки; выкрики; высокие темп и громкость исполнения)(рис. 4-6).

Для исследования узнаваемости символов панк-культуры в студенческой среде, а именно среди студентов Факультета философии человека РГПУ им. Герцена.

Характеристика респондентов. В исследовании приняли участие 10 человек: 5(М), 5(Ж) в возрасте от 19-23 лет. Респондентам была предложена анкета, где визуально были представлены некоторые из символов панк-культуры.

Спустя 30 лет эти символы для студентов оказались узнаваемы. Они не утратили для респондентов своего исходного значения и стали широко известны. Случилось это в первую очередь благодаря тому, что эти символы стали частью массовой культуры. Такая известность спустя годы после того, как отгремела культура панка, имеет и обратную сторону. Соответствующие этим символам идеи стали не образом жизни, а товаром, тонны которого каждый день уходят с прилавков магазинов, украшают витрины торговых центров, в то время как само неудержимое потребление, которым отличается наше время, идет вразрез с этими идеями. Знак постепенно отрывается от десигната, и становится всего лишь модной вещью, а значит умирает. Потребители этих символов полагают, что покупают себе вместе с ним и его содержание (если вообще представляют его себе), не задумываясь о том, что содержание этих символов необходимо прожить и осознать. Так, например, уже который год в коллекцию топовых магазинов одежды H&M и TOPSHOP входят футболки с логотипами известных групп того времени, включая Ramones.

Символы и идеи панка очень хорошо продаются, ведь они провозглашают родные человеческому сердцу свободу и независимость. Именно поэтому они и были заимствованы массовой культурой, поставлены на конвейерное производство, превращены в красивую обертку. Они позволили массовой культуре двигаться дальше, но были ею безжалостно поглощены. Хочется верить, что после блестящего, играющего всеми цветами радуги пресыщения последних лет на горизонте взойдет новая мечта о лучших временах, такая же молниеносная, громовая и самодостаточная как и мечта панк-культуры.

Литература:

1. Набок, И.Л. Рок-культура как эстетический феномен: автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. философских наук (09.00.04).– Москва, 1993
2. George Tabb. Ramones Story for NY Press - Ramone For A Day.– www.georgetabb.com/RamonesStory-2.html

Колюкаев И.С.

Научный руководитель:
профессор Дронов В.Т.

Игровые виртуальные сообщества

В социологических исследованиях последних лет резко возрастает внимание к такому социальному феномену как сетевая коммуникация, которая становится объектом изучения на разных уровнях и в разных концептуальных планах: социологическом, кибернетическом, политологическом, психологическом, лингвистическом, культурологическом и др. Такой исследовательский интерес является вполне закономерным и объяснимым. Происходящая в современном мире глобальная трансформация современного общества сопровождается проникновением интернет-коммуникации во все сферы жизнедеятельности социума в общем и в досуговую в частности. С появлением сети Интернет жизнь отдельно взятого человека значительно изменилась. Теперь при наличии сравнительно небольшого объема ресурсов любой пользователь может включиться в жизнь любого из почти безграничного количества виртуальных сообществ, в том числе игровых. И доля людей, включенных в активные формы коммуникации в сети, продолжает расти.

В настоящее время достаточно популярной формой проведения досуга являются онлайн-игры. Онлайн-игры как жанр возникли довольно давно. Еще в 70х появились первые текстовые прототипы. Конечно, они не отличались функциональностью и требовали определенных навыков, как технических (весь игровой процесс представлял собой введение текстовых команд через интерфейс командной строки), так и творческих (в виду отсутствия какой-либо визуализации происходящего в игре, игроку было необходимо наличие воображения). Но уже тогда возможность взаимодействия с другими людьми в рамках искусственно созданной виртуальной среды поражала и притягивала. За последние 40 лет индустрия видеоигр шагнула далеко вперед, и онлайн-игры претерпели немалые

изменения и обрели большую популярность, как среди молодого поколения, так и среди людей постарше. Игровые миры стали значительно более проработанными и доступными, а вокруг онлайн-игр образовались устойчивые виртуальные сетевые сообщества – комьюнити, в большинстве из которых выработался свой язык и сложилась своя культура. Но что самое главное, появились новые формы внутриигровых и внеигровых коммуникаций.

Современная онлайн-игра представляет собой сложную коммуникативную среду, предоставляющую огромному количеству людей с разных уголков земного шара возможность напрямую взаимодействовать как в рамках игрового мира, так и на игровых форумах. Но комьюнити не ограничивается рамками виртуальных интеракций. Организуются масштабные игровые фестивали, привлекающие сотни тысяч игроков со всего мира. Существуют игры, которые уже приобрели статус спортивной дисциплины (Counter Strike, Dota, Hearthstone, StarCraft, League of legends и др.), и соревнования по этим дисциплинам собирают аудиторию, сравнимую с аудиторией футбольного матча. Однако есть ряд проблем, связанных с популяризацией онлайн-игр и виртуальных игровых сообществ.

Многие родители отмечают повышенный интерес детей и подростков к онлайн-играм и социальным сетям и снижение интереса к традиционным формам проведения досуга и самореализации. В вымышленных событиях виртуальных миров современная молодежь ориентируется гораздо лучше, чем в событиях мира реального. И количество времени, проводимого ими в онлайн-играх, нередко вызывает у неподготовленного человека шок. Особенно эта проблема актуальна в наиболее развитых странах Азии, таких как Китай, Южная Корея и Япония, где с периодичностью в несколько месяцев в СМИ появляются заметки об игроках, пострадавших от чрезмерной увлеченности виртуальными мирами. При этом необходимо учитывать, что любая онлайн-игра – это в первую очередь бизнес-проект, направленный на получение прибыли.

Эта проблема становится все более актуальной и по причине нарастающей дисфункциональности игровых практик. Оставаясь важной составной частью процессов социализации, образования, адаптации к новым условиям и некоторых других процессов, игровые практики формируют разного рода зависимости, которые можно рассматривать как социальные патологии, препятствующие активному участию игроков в жизни общества. Повсеместное увлечение людей разного возраста коммуникацией в социальных сетях, виртуализация социального взаимодействия являются удобной почвой для коммерциализации игровых практик, которые определяют уже не только социальные, но и экономические последствия, имеющие неоднозначно оцениваемые перспективы для общества, для его норм и традиций.

Все более актуализируются новые ценности, которые не связаны с традиционными – семьей, религией, образованием, карьерой. Это приводит к тому, что ценностно-мотивационный комплекс фокусируется не на вопросах успешной социализации, получения образования, успешного выхода на рынок труда, а на параметрах потребления, организации досуга и развлечений.

Игровые зависимости, погружение человека в виртуальные сообщества эксплуатируются существующими нормами и подогреваются основными бенефициантами общества потребления. Игровые практики, игрушки, особенно реализованные в виртуальном пространстве, во многом обуславливают формирование и воспроизводство культурных традиций, стилей потребления. Виртуализация игровых паттернов и их содержание оказывают существенное влияние на ценностные ориентации людей, способствуют трансформации стиля жизни, повседневных практик.

Необходимо сказать, что виртуальные сообщества создают широкий спектр новых моделей поведения, например таких, как субъективность (углубление индивидуальных различий во вкусах и поведении), социальность (усиление коллективности поведения и ослабление психологических барьеров между людьми), исследование (расширение исследовательской активности людей на разных уровнях), коннективность (развитие представления о глобальной связанности всех процессов и доступности всех объектов) и этика (поиск новых ценностей и «правил игры»). Однако вектор эскапизма, прослеживаемый в деятельности игровых виртуальных сообществ, внушает опасения.

В заключение хотелось бы отметить, что виртуальные игровые сообщества как форма коммуникации и рекреации, несомненно, удобны и практичны, однако факт предпочтения членами игровых комьюнити виртуального мира реальному, а ценностей, основанных на потреблении – традиционным, тревожит и требует дальнейшего изучения.

Литература:

1. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: Торговый Дом «Гранд», 2006
2. Chatfield Tom. 50 Ideas you really need to know. Digital. London. Quercus, 2012

«Грех уныния» и его символы в фильме «Металлистка»

Кинолюбителям давно знаком исландский кинематограф своим необычным подходом к отражению реальности. Ведь, именно, в исландском кино перед нами предстает мрачная вселенная человеческих переживаний. В самом начале фильма образы, слетающие с киноленты, вводят зрителя в ступор пугающей жестокостью. Возможно, эта суровость обусловлена географическим положением и тем мировосприятием «взросшим на льдах». Исландия – земля потрепанная северными ветрами. И этот ветер пронизывает любого соприкоснувшегося с исландской киноиндустрией. Основной художественной особенностью современного скандинавского кино является игра контрастов – холода и спокойствия. Ритм таких кинокартин подобен зигзагу. Игра контрастов художественных смыслов в фильме «Металлистка» («Málmsáttur», Исландия, 2013 год) ставит перед зрителем вопрос: «упадет ли главная героиня фильма в «бездну» или же спасётся, станет ли для неё «грех уныния» разрушительным или же созидательным?», т.е. через грехопадение для неё откроется путь к спасению.

Объект исследования: мнения студентов Факультета философии человека о смыслах символических структур, представленных режиссером Рагнаром Брагасоном (Ragnar Bragason) в этой киноленте. Действие фильма разворачивается в начале 1980-х — т.е. в эпоху «heavy –metal» (на этот период выпадает гибель брата и детство героини), потом прерывается и развивается уже в начале 1990-х — времени зарождения в Скандинавии музыкальной «эпидемии» под названием «black – meta». "Спусковым крючком" для развития сюжета послужила трагическая гибель сына – Бальдура в семье Карла и его жены Дроплауг. Несчастье глубоко затронуло эту семью: мать запирается в себе, отец притворяется, будто ничего не произошло, а дочь Гера, свидетельница страшной смерти брата, все чаще остается в комнате ушедшего брата, проливая слёзы. Толстовка с изображением членов металл-группы или диск, здесь не просто вещь, а живое воплощение брата, которое дарует юной Гере ощущение, что брат здесь, рядом. Свою скорбь она пытается приглушить музыкой, которую слушал брат. Став старше она берет в руки гитару брата и создает свои композиции, в которых изливает свою «изрубленную» душу. Второй сюжетной линией в кинокартине является противостояние юной бунтарки традиционному обществу. Что усугубляет состояние главной героини и погружает её в

эгоцентрическое пространство бесконечной рефлексии. Спокойное погружение в свой собственный микрокосм прерывается кратковременными вспышками ненависти к окружающему миру.

Драма Рагнара Брагасона «Металлистка» затрагивает важные вопросы: Как не позволить скорби поглотить тебя до остатка и как жить дальше? Ответ авторов фильма ясен: героиня нашла внутри себя гармонию и направила внутреннюю агрессию в правильное русло, в создание музыки.

Музыкальными символами «греха уныния» в фильме были композиции в стиле «блэк-металл». В фильме присутствует яркий контраст музыкального настроения, в начале мы слышим классический рок, который добавлял драйва и теплой меланхолии. Блэк – металл символизировал квинтэссенцию печали. Тем самым поддерживая депрессивную, мрачную стилистику фильма[1]. Сырое, холодное звучание блэк-металла подчеркивает настроение картины, загоня зрителя в маленький мир, наполненный отчаянием, заставляя его почувствовать себя как героиня. Монотонная мелодия, прерывающаяся резким криком, подчеркивает существующее напряжение в кинокартине. Музыка здесь символизирует чувства героини – внешнее спокойствие и внутреннюю тревогу, от которой хочется кричать.

Композиционными символами в фильме стали приёмы операторского и режиссерского решений. Ограничение пространства и организация его по законам композиции в пределах горизонтальных границ кадра вольно или невольно становится одним из основных творческих приемов режиссера, оператора, художника и всех, кто участвует в создании визуального образа[4]. Именно четкие рамки кадра позволяют выстраивать выразительную композицию, акцентировать внимание зрителя на сюжетно важных объектах[3]. При съемке дальних планов, перед нами предстает крошечный, едва заметный человек, такой прием может подчеркнуть одиночество человека и его незащищенность перед силами природы. В фильме мы можем это наблюдать, когда Гера пытается сбежать из города в горы, после судьбоносного поступка – поджог церкви, о котором она очень сожалеет. И она остается наедине с бурей и заснеженными горами в маленьком сарае, замерзая от холода. Крупный план позволяет нам «заглянуть в глаза» Геры, которые не так часто можно увидеть в кинокартине. Невербалика дает понять, в каком унынии прибывает милая Гера. Её голова часто опущена или спрятана за длинными волосами, её губы сомкнуты в прямую линию, в целом, для зрителя это может символизировать негативное отношение к жизни, закрытость и отчужденность.

Цветовая символика строится на использовании трёх основных цветов: черного, белого и голубого. **Черные** же тона также

представляют собой некое противоборство диаметрально противоположенных характеристик[2]:

Положительные характеристики	Негативные характеристики
Мотивированное применение силы	Разрушительность
Созидание	Подавление
Способность к предвидению	Депрессия
Содержательность	Пустота
	Использование силы как проявление слабости и эгоизма

Белый цвет: подчеркивает ту отрешенность от внешнего мира и внутреннее разочарование главной героини и одновременно её желание открыться кому-нибудь, кто её поймет.

Положительные характеристики	Негативные характеристики
Нетронутость	Изоляция
Полнота	Бесплодность
Самоотдача	Скука
Открытость	Чопорность
Единство	Разочарование
Легкость	Отрешенность

Задача же светло-голубого цвета в этом фильме снять напряжение от контраста белого и черного. Это цвет неба, который умиротворяет и дарует спокойствие.

Мы провели небольшое исследование среди студентов, которые смотрел и фильм «Металлистка», с целью получить ответы на следующие вопросы: 1) какие эмоции вы испытывали во время просмотра фильма (укажите 2-3 сущ. или прил. к каждому из кадров); 2) какие эмоции у Вас вызывает цветовое оформление фильма?; 3) какие эмоции у Вас вызывает музыкальное сопровождение фильма? (опишите 2-3 словами); 4) как Вы думаете, имеет ли человек право прибывать в уныние после смерти близкого человека на протяжении многих лет, забыв о своей собственной жизни?; 5) Как Вы думаете, может ли уныние быть созидательным, а не разрушительным?

70% опрошенных полагали, что уныние само по себе не греховно, и человек имеет полное право делать то, что он желает

нужным. 30% респондентов же посчитали, что уныние греховно, но очень сложно, после смерти близкого человека сохранить самообладание и не впасть в него. 80% реципиентов ответили, что уныние как определенное состояние, может подтолкнуть человека на созидание, а не на разрушение. 20% ответили, что уныние «синоним» разрушительной силы и по-другому быть не может.

Литература:

1. Агафонова Н.А «Общая теория кино и основы анализа фильма», 2008.
2. Нелюбимова М.В. «Психология цвета в кино», <http://psychology.net.ru/articles/content/1089227371.html>
3. Рэнди Т. Кино для звука // Техника и технологии кино. — 2005. — В. 1.
4. Сеницын Е/, Сеницына О. Тайна творчества гениев. Символизм в современной режиссуре (фрагмент) Изд. НГАХА. Новосибирск, 2004

Плотникова Н.В.

«Третий возраст» и информационные технологии

Очевидно, что за последние десятилетия мир изменился до неузнаваемости. Жизнь стала активнее, заметно ускорилась, и хотя в сутках по-прежнему двадцать четыре часа, их теперь нам катастрофически не хватает. Возникла потребность в экономии времени, и нельзя не согласиться с тем, что появление технических новинок, прочно вошедших в жизнь населения земного шара, сполна удовлетворило эту потребность и сделало наше существование заметно комфортнее.

В первую очередь мир приобрёл глобальную сеть Интернет, которая расширила возможности человека – временные и географические. Он стал незаменимым источником информации для представителей всех профессий, всех слоёв населения и всех возрастных категорий. Мы взаимодействуем с миром и друг с другом с помощью электроники, независимо от локального времени и нашего местонахождения.

Но не все группы населения стали полноправными членами информационного общества. Так, из процесса информатизации незаслуженно оказались исключены пенсионеры – число пожилых

людей в Сети во много раз меньше, чем представителей других возрастных категорий.

Отношение общества к представителям третьего возраста прямо пропорционально уровню цивилизованности данного общества, несущего ответственность за их комфортное социальное, психологическое и материальное положение. Сейчас информационное общество является отражением проблем социальных отношений, особенно проблемы пренебрежения пожилыми людьми. Цифровое неравенство в интернете просто является отражением других неравенств (прежде всего экономического неравенства), но не его причина.

Социальное исключение и информационная бедность людей пожилого возраста представляют собой одни из самых актуальных проблем современного общества, поскольку налицо как значительное увеличение численности пожилых людей, так и нарушение их взаимодействия с обществом, приводящее, как правило, к разрыву социальных связей и вытеснение пенсионеров из общественной жизни. Причём часто это случается довольно рано. Процессы социального исключения в современном обществе обычно связывают с выходом человека на пенсию, что происходит подчас на пике активности его возможностей.

Уже не так остро стоит вопрос о том, нужны ли старики Интернету. Он нужен старикам. К тому же, с полной уверенностью можно заявить, что отечественный Интернет будет стареть. Группа пользователей «55+» уже демонстрирует довольно высокие темпы роста и на её рост влияют два параллельных процесса: во-первых, всё больше представителей пенсионного возраста начинает освоение и использование Интернета, а во-вторых, нынешние пользователи зрелого возраста вследствие естественного процесса переходят постепенно в старшую возрастную категорию.

В среде представителей пожилого возраста, безусловно, в первую очередь важно общение. Многие обзаводятся выходом в Сеть, чтобы иметь возможность всегда оставаться на связи с детьми и внуками, звонить им в любую точку страны и мира, и даже видеть их. Интернет позволяет пенсионерам находить своих одноклассников, старых друзей, дальних родственников и поддерживать отношения с ними, куда бы ни забросила их жизнь много лет назад. Пожилые люди получают возможность заводить новые знакомства с ровесниками и представителями других поколений, передавать им накопленный за десятилетия жизни опыт, повышая свою значимость в собственных глазах, что так необходимо пожилым людям.

Невозможно обойти вниманием и ещё один важный фактор – информационный. Трудно переоценить пользу интернета, когда пожилому человеку необходимо срочно получить нужную информацию. Ею часто оказывается социальная информация, для

получения которой совсем недавно пришлось бы ехать в специальное учреждение, что потребовало бы немалых затрат времени и сил, а этот свой капитал пенсионеры стараются не расходовать зря...

Впуская компьютер и интернет в свою жизнь, пенсионер может начать жить заново на склоне лет, буквально открыть для себя новый мир, сделать свой досуг более интересным и наполненным, чем во все предыдущие периоды своей жизни. Сеть предоставляет широкий спектр возможностей для саморазвития, получения новых знаний и повышения своей социальной активности.

Как показывает история средств коммуникаций, освоение технологий вообще и информационных технологий в частности, не является простым производным от их доступности и удобства. Это довольно сложный процесс, направленный на подключение возможностей, которые предоставляются новыми технологиями, в уже сформированную структуру коммуникаций и её преобразование под влиянием уже имеющихся потребностей.

Главным агентом социализации человека пенсионного возраста в информационном пространстве является его семья. Именно дети и внуки становятся «проводниками» пенсионера в жизнь с компьютером. Это может происходить как прямо (например, отдается собственный или покупается новый компьютер), так и косвенно (дети переезжают в другой город либо говорят на компьютерном языке и пожилые родители постепенно впускают новые технологии в свою жизнь, зачастую потому, что не хотят чувствовать себя несовременными).

Но в то время, когда молодёжь осваивает новые технологии быстро и без труда, старшему поколению в эпоху компьютеризации очень непросто ориентироваться в ритме «нового времени». Чтобы быть в курсе событий и не терять связь и понимание с молодым поколением, им необходимо восполнять пробелы в знаниях и приобретать новые навыки, чему способствуют специальные обучающие центры. Важность создания в стране таких центров отметили одинокие пенсионеры. Ведь почти всегда им не к кому обратиться за помощью в освоении компьютера.

Несмотря на недостаточную пока востребованность, в стране время от времени реализуются социальные проекты, задачей которых является развитие у старшего поколения мультимедийной компетенции, которая наряду с чтением, письмом и счётом становится базовым умением в современном мире и позволяет самостоятельно ориентироваться в мире противоречивой информации, которая распространяется слишком стремительно.

Исследование, результаты которого были рассмотрены в статье Григорьевой И.А. и Чернышёвой С.П. «Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых», показало, что один

из главных интересов пожилых интернет-пользователей в Сети – их личный блог.

Распространён стереотип, что блог – увлечение молодёжи. Но, как оказалось, привязанность к онлайн-дневнкам пожилых бывает гораздо сильнее. Блог становится их отдушиной и даже продлевает жизнь, как они сами отмечают. Для многих блог – прекрасная интеллектуальная тренировка и способ реализовать себя посредством такого вида творчества.

Представителям старшего поколения очень важно чувствовать свою причастность к общественной жизни. После выхода на пенсию и изменения своего жизненного статуса люди нередко чувствуют себя ненужными и даже в некоторой степени беспомощными. Освоение новых видов деятельности и получение навыков, которые необходимы для того, чтобы существовать в информационном пространстве, может стать решением проблемы социального взаимодействия, даже при ограниченности их физических возможностей.

Но пожилым людям бывает непросто вписать в свою жизнь новые технологии. Связано это не столько с отсутствием необходимости в них, сколько с достаточным количеством трудностей, возникающими на пути освоения пенсионерами компьютера и интернета. Во-первых, старшее поколение обладает низким уровнем владения средствами информационного обеспечения. Во-вторых, у многих отсутствуют возможности для использования современных ресурсов (и речь идёт не только о пресловутой высокой цене). В-третьих, очевидно, что в целом информационное пространство нацелено на обслуживание главным образом молодого поколения и вообще гораздо больше ориентировано на молодёжную субкультуру. И, наконец, до сих пор наиболее понятными и доступными для представителей старшего поколения остаются так называемые «традиционные» средства массовой информации – это телевидение, радио и печатные

Всё большую актуальность приобретает проблема мошенничества в Сети. Одновременно с количеством мошенников и способов их работы возрастает и необходимость решения проблемы мошенничества в интернет-пространстве, повышения безопасности пользователей, и особое внимание нужно уделять начинающим и менее защищённым пользователям. Например, достаточно эффективным будет включение в курс обучающих программ интернет-грамотности уроков, посвящённых обсуждению проблемы мошенничества, на которых пожилым слушателям в доступной форме рассказывалось бы, как обезопасить себя. Также стоит создать «чёрный список» сомнительных сайтов и обеспечить его распространение, на основании которого люди могли бы проверить веб-адреса до обращения к ним. Нужно рассказать о типичных признаках мошеннических сайтов, которые должны насторожить

пользователя, и о вариантах выхода их уже сложившихся неприятных или даже опасных ситуаций, таких как заражение компьютера, блокировка учётных записей, вымогательство, кража средств со счёта и т.п.

Ученые в один голос заявляют, что познающие глобальную сеть пенсионеры чувствуют себя гораздо лучше своих менее продвинутых ровесников, ощущают себя современными и молодыми. Положительное влияние Сети на здоровье пожилого человека подтверждает агентство медицинской информации АМИТАСС: «Изучение пожилыми навыков использования интернета уже на пятый-седьмой день активизирует главные клетки мозга, которые контролируют процесс принятия решений и сложных логических рассуждений. Таким образом, процесс изучения компьютерных технологий и интернета обладает несравненными преимуществами: повышаются функции мозга и улучшаются способности к обучению, изменяется структура мозга, укрепляются его познавательные функции, что является профилактикой основных мозговых нарушений».

Становится очевидным, что компьютерная и интернет-грамотность полезна и даже необходима в современном обществе не только молодому поколению граждан как традиционной аудитории интернета, но и представителям так называемого третьего возраста. Нашему обществу просто необходимо обратить более пристальное внимание на социализацию пожилых граждан в современной информационной среде. Существует потребность в разработке новых и совершенствовании существующих проектов, программ обучения для пожилых людей, в адаптации материала с учётом интересов, потребностей и возможностей аудитории. Следовательно, необходимо создание структур, которые смогли бы обеспечить постоянное развитие образования старшего поколения, и надёжных условий для деятельности образовательных учреждений, функционирование которых должно быть обеспечено государством обязательно на бюджетной основе.

Обучение пожилых людей компьютеру и интернету не только повышает общую компьютерную грамотность населения страны. Возможно, в скором времени старость перестанет восприниматься в обществе как необратимое вытеснение человека, вышедшего на пенсию, на периферию социальной жизни. Остаётся надеяться, что это случится раньше, чем нынешние представители третьего возраста уйдут из возрастных категорий насовсем.

Литература:

1. «Вещи, которые недоступны были ранее: компьютер и интернет в структурах повседневности» / А.Д. Трахтенберг. Екатеринбург. «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук» – № 9'2009. С. 333-353;
2. «Гендерная социализация» / И. Клёцина. СПб;
3. «Интернет.ру. Социологические контуры» / А.А. Ослон. Москва. «Эконинформ» – 2009;
4. «К вопросу о безопасности интернет-пользователей» / Ю.В. Гольчевский, А.Н. Некрасов. «Известия Тульского государственного университета технических наук» – № 3'2013. С. 235-261;
5. «Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых» / И.А. Григорьева, С.П. Чернышова. «Журнал социологии и социальной антропологии» – № 2'2009. С. 186-296;
6. «Образование лиц третьего возраста» / Ж.Х. Гергокова. «Педагогика» – № 4'2008. С. 3-10;
7. «Особенности обучения информационным технологиям людей пожилого возраста» / С.А. Лебедев. «Обучение и воспитание: методика и практика» – № 2'2012. С. 207-212;
8. Преодоление цифрового неравенства как информационная стратегия современного общества» (диссертация) / А.В. Коротков. Москва. 2003 – 203 с.;
9. «Третий возраст» и Интернет» / Б.Ф. Кондратов. Москва. «Информационное общество» – № 1'2009. С. 64-75.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Герасимова О.Е.

Теоретические основы трактовки феномена этничности: основные подходы и концепции

Для определения такого сложного понятия, как этничность, необходимо разобраться в содержании центральных категорий, которые являются определяющими феномен этничности. Поэтому, прежде всего, необходимо определить ключевые для нашего исследования понятия «этнос» и «нация». В современной науке нет общего определения понятия «нация». Западная социология определяет понятие «нация» чаще всего как государственную форму этнической общности людей (согражданственная общность).[1] Согласно данному подходу, нация – это совокупность граждан одного государства, то есть территориально-политическая общность. В нашей стране принято считать нацию высшей формой этноса, пришедшей на смену народности. На этом, в частности, основывается наиболее известное определение нации И. Сталина: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры».[2] Разделяя такие понятия как «этнос» и «нация» стоит обратить внимание на то, что подчеркнул В.М. Межуев в своей работе «Идея национального государства в исторической перспективе». Так, по его мнению, «Нация, в отличие от этноса, ... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – выбираю, могу выбрать ... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность».[3]

Разные авторы используют различные методы классификации концепции этничности. Все эти теории сводят, как правило, к трем подходам к пониманию этнического феномена – примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Данная классификация была предложена и описана коллективом авторов: Ю.В. Артюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов в учебном пособии для вузов «Этносоциология» [4]. Различия между ведущими парадигмами в этой области связаны, прежде всего, с трактовкой феномена этничности.

Примордиализм

Примордиалистский (эссенциалистский) подход к этничности в качестве исходного тезиса принимает положение о естественной, врожденной (отсюда название подхода – примордиализм), сущностной (отсюда другое название – эссенциализм) связи любого человека со своей этнической группой и соответствующей культурой. В центре внимания примордиалистов находятся этнические восприятия и приверженность индивида своей этнической группе, которые возникают из чувства естественного сходства, а не из практики социального взаимодействия. Таким образом, этничность рассматривается как объективная данность, своего рода изначальная (примордиальная) характеристика человечества.

В рамках традиции примордиализма в отечественной науке появились две фундаментальные теории этногенеза – биохимическая теория этноса Л.Н. Гумилева и теория, разработанная коллективом ученых под руководством директора Института этнологии и антропологии РАН Ю.В. Бромлеем. Таким образом, можно говорить о разделении примордиалистского подхода на два основных направления: социобиологическое и эволюционно-историческое.

В основе социобиологической концепции этничности лежит фундаментальная теория этногенеза Л.Н. Гумилева, где этнос определяется как устойчивый коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. В основе противопоставления лежит признание всеми членами этнической группы своей отличительности от других групп. Все остальные признаки: язык, материальная культура, обычаи и т.д. могут быть определяющими этническую группу, а могут и не быть.[5]

В западной традиции наиболее ярким представителем социобиологического направления является Пьер Ван ден Берг. Этничность понимается как предрасположенность человека к родственному отбору, и заложена в унаследованных биологических характеристиках поведения. Так, исследователь отмечает: «Существует общая биологическая предрасположенность для нашего вида, как и для многих других, – реагировать предпочтительно на другие организмы в той мере, в какой эти организмы соотносятся с действующим организмом».[6] Таким образом, согласно этой концепции, родственный отбор и родственные связи играют решающую роль в феномене этничности.

Эволюционно-историческое направление представлено фундаментальной теорией Ю.В. Бромлея. Согласно этой теории, изложенной в работе «Этнос и этнография», этнос может быть

определен как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающая не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)».[7] Именно такое определение понятия «этноса» легло в основу большинства современных словарей и энциклопедий.

В западной традиции наиболее яркой фигурой представляющей эволюционно-историческое направление является Энтони Смит, который определяет этнос, как общность людей, имеющих имя, разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией, и обладающей чувством солидарности [8].

Оба варианта примордиалистских концепций этничности исходят из того, что фундаментальная потребность людей в идентичности и самоуважении может быть реализована только в общностях, которые связывают этнически сходных между собой индивидов.

Инструментализм

В отличие от примордиалистского подхода в центре внимания инструменталистской концепции находятся не генетические или эмоциональные аспекты этнической идентичности, а ее рациональные аспекты и те функции, которые она выполняет в политической жизни общества. За рубежом инструментальный подход к этничности был в наибольшей степени характерен для этнополитиков: П. Брасс, Дж. Ротшильд, Л. Белл, Н. Глейзер и др., которые, по-мнению директора Института социологии РАН Л.М. Дробижевой, «акцентировали внимание на лидерах – «этнических предпринимателях», наживших политический капитал, используя межэтнические противоречия, этнические чувства».[9]

В отечественной науке к инструменталистам можно отнести М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, А.Г. Асмолов и др. Исследователи отмечают, что инструментализм трактуют этничность не как естественную данность бытия, а как политический артефакт, как инструмент рационального выбора, возникающий в динамике соперничества политических элит. Инструментализм опирается на идеи Макса Вебера о том, что для возникновения коллективной идентичности группы недостаточно наличия представлений о сходстве членов группы, необходимо осознание политической общности членов группы. Развивая эти идеи Вебера, инструменталисты приходят к выводу, что физические и культурные характеристики этнической группы образуют ресурс (инструмент),

при помощи которого группа людей может реализовывать свои интересы. Группа конституирует себя как этническая потому, что ее члены осознают, что это политически выгодно, а не потому, что испытывают какую-то иррациональную, врожденную психологическую связь между собой.[10]

Конструктивизм

Зарождение и становление конструктивизма ученые относят к 1967 году, когда выходит книга Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности». Основная идея данного труда базируется на утверждении, что общество как объективная реальность одновременно является и продуктом деятельности людей, и в этом смысле оно является социальным конструктом. В 90-е гг. XX в. конструктивизм становится наиболее распространенной теоретической парадигмой, используемой при анализе природы этничности. Основы конструктивистского подхода были изложены в работах Б. Андерсона, Р. Брубейкер, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, В. Домингеза, М. Эсмана.

В российской науке приоритет в утверждении конструктивистского подхода к этничности принадлежит директору Института антропологии и этнографии В.А. Тишкову.[11] Исходная идея, объединяющая приверженцев конструктивистской парадигмы, заключается в том, что сущность нации рассматривается как результат социального конструирования. При этом социальные, политические, экономические и исторические процессы и условия считаются определяющими факторами при «конструировании» наций и этнических групп. Речь идет о том, что этничность есть вымышленный интеллектуальный конструкт. Подтверждением такого подхода к определению этничности могут служить положения, которые предлагает один из теоретиков конструктивизма – Эрнест Геллнер [12]. Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если их объединяет одна культура и если они признают принадлежность друг друга к этой нации.

Яркими представителями конструктивистской концепции являются австрийские политические мыслители и политики Карл Реннер «Государство и нация» и Отто Бауэр «Национальный вопрос и социал-демократия». Так, Реннер в своем труде отмечает что нация - это культурное сообщество, в основе которого лежит духовный принцип, большая солидарность людей, решающим фактором существования нации является не внешние объективные черты, а субъективные убеждение каждого индивида. В качестве факторов их возникновения и развития он выделяет следующее – общий литературный язык, развитая национальная литература, национально-

духовная культура. Это союз одинаково думающих и одинаково говорящих людей [13].

Оценивая значение рассмотренных выше трех парадигм этничности, следует отметить, что они не носят взаимоисключающего характера, напротив, дополняют друг друга, так как по сути рассматривают различные стороны одного и того же явления.

Литература:

1. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/8achkas.html>
2. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 333.
3. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5-6. С. 16.
4. Артюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М., 1998. С. 32.
5. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 41.
6. Цит. по: Ушаков С.В. Социокультурный анализ этнополитического конфликта // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук, Ставрополь 2004 г. // http://orel3.rsl.ru/dissert/uschakov_s_v/EBD_670_UschakovSV.pdf
7. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. – С. 58.
8. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P.30.
9. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // <http://www.socio.ru/wr/2-01/Drobizheva.htm>
10. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2005. – С. 63.
11. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997. С. 56.
12. Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. С. 34—35.
13. Синоптикус (псевдоним К. Реннера – примечание автора) Государство и нация. Книгоиздательство «Искры», 1906 г. Перевод Г. С. Михайловского // <http://www.knigafund.ru/books/39359/read#page26>

Толерантность и трудовая миграция: социальное и этнокультурное измерения¹

Россия в XXI веке стала страной принимающей интенсивные потоки трудовых мигрантов из бывших республик СССР. Движение трудовых мигрантских групп с юга (из стран Кавказа, стран Центральной и Средней Азии) сегодня оказывается существенным фактором трансформации экономической, политической, экономической и культурной жизни крупных городов России в первое десятилетие III-го тысячелетия. Эти замещающие отсутствие трудоспособного населения миграционные процессы изменяют облик и содержание социального пространства. Наибольшее количество трудовых мигрантов оседают в российских мегаполисах. Эти процессы не просто меняют привычные для жителей современных Российских мегаполисов системы социальных взаимодействий. Появление больших групп трудовых мигрантов из Закавказья, Центральной и Средней Азии, подавляющее большинство которых являются носителями исламской культуры, оказывает трансформирующее влияние на коллективные представления коренных жителей мегаполиса, конструируют новое для постсоветского города пространство этничности. Аналогичная картина воздействия интенсивных миграционных процессов на этническое пространство других территорий России наблюдается многими исследователями в области миграциологии сегодня[7].

Цель настоящей статьи – представить результаты анализа подходов к изучению технологий формирования толерантных установок в отношениях между коренным населением российских мегаполисов и пришлым населением – трудовыми мигрантами в первые десятилетия XXI в.

Приступая к исследованию практик социальной регуляции, мы предположили, существующие ныне технологии формирования толерантных установок в отношениях: коренное (жители Санкт-Петербурга)/пришломое население (трудовые мигранты), могут различаться в зависимости от механизмов социальной регуляции. Мы исходили из идеи о том, что понимание толерантности как социального феномена в разных социокультурных группах различно. Соответственно, механизмы социальной регуляции в разных социальных группах (например, группе пришлого населения –

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-03- 00298 "Толерантность в условиях транслокальных идентификаций: социальное и этнокультурное измерения".

трудовых мигрантов и коренного населения Санкт-Петербурга) не одинаковы.

Пришлое население обеспечивало постоянную нужду Петербурга в кадрах с момента его возникновения в 1703 г. В число пришлого населения входили люди, которые занимались возведением городских построек и уникальных дворцовых комплексов, рабочие заводов и фабрик, чиновники разных уровней, обслуга вельможных персон и знати. Город постоянно пополнялся трудовыми мигрантами разного уровня и квалификации. Петербург – город мигрантов [16]. В последнее десятилетие в городе наблюдается усиление миграционных потоков в среде трудового населения. Иными словами, наибольшая миграционная подвижность наблюдается в среде трудоспособного населения, наименьшая – среди детей и пенсионеров [16]. Социологические исследования особенностей рождаемости представительниц коренного населения Петербурга и мигранток указывают на факт, что показатели рождаемости у мигранток выше, чем у представительниц коренного населения одинаковых возрастных групп. Представительницы трудовой миграции вносят гораздо больший вклад в увеличение численности населения города. Такое увеличение численности женской миграции в Санкт-Петербурге объясняется большей закрепляемостью на жительство у женщин, чем у мужчин. В абсолютных показателях большинство миграционного прироста падает на молодёжь, а меньшей степени на женщин средних возрастов (25-29 лет). В начале 2000-х гг. миграционный прирост из стран СНГ сократился, особенно, из стран Прибалтики. Сегодня основным поставщиком миграционного прироста населения в Петербург являются регионы России и страны Центральной и Средней Азии, а также Закавказье. Согласно оценкам Госкомстата РФ в 2016 г. число жителей Петербурга будет, примерно таким же, какими оно было в 1971г., и составит 4098 тысяч человек. В числовом выражении это будет выглядеть, примерно, так: 14% – дети до 15 лет, 58% – люди в трудоспособном возрасте, а 28% – лица старше трудоспособного возраста [16].

Изначально Санкт-Петербург был ориентирован на европейскую культуру. На протяжении всей своей истории он был одним из самых европейских крупных городов России. Именно таким он был задуман и спроектирован ещё Петром. Под давлением интенсивных процессов трудовой миграции последнего десятилетия, т.е. процессов этнокультурного типа, механизмы социальной регуляции, приемлемые для коренного населения Санкт-Петербурга, изменились. Понятие «коренное население» не определено в Российском законодательстве. В обыденном сознании бытует представление, что человек, который прожил в определенном месте 15 лет, вряд ли может считаться коренным жителем. Другое дело человек, который родился в этом населенном пункте. Он с рождения

становится коренным жителем этого города или села. Человек же, родители которого, родители родителей которого, и более отдаленные предки которого жили в этом городе является коренным жителем этого города или села в таком-то поколении. Если же взрослый человек, приезжает в другой город, и живет в нём до своей смерти, то коренным жителем этого города он не является. Сам этот человек себя коренным жителем города никогда не назовёт. Ведь корни его, детские воспоминания, обычаи той местности, того народа, где он родился и провел детство и юность будут давать знать о себе всю его жизнь.

Коренное население, согласно переписи 2012 г. представлено следующими крупными этническими группами русскими (84,73 %), украинцами (1,87%), белорусами (1,17%), евреями (0,78%), татарами (0,76%), армянами (0,45%) и др. В городе зарегистрировано более 200 национальных объединений, 33 общеобразовательные школы с национально-культурным курсом в образовании, 10 национальных воскресных школ, где изучаются национальные языки и культура, традиции народа, более 60 национальных фольклорных ансамблей.[5]

Сегодня давлением миграционных потоков с Кавказа, из Центральной и Средней Азии, социальное пространство города начинает обретать новые кавказское, среднеазиатское и центральноазиатское этнические измерения. Эти изменения находят отражение в общественном сознании коренного населения мегаполиса. Следствия этих изменений зафиксировали наши социологические исследования 2010-2012гг. и 2013-2014гг. Проведенные нами исследования представлений коренного населения Санкт-Петербурга о трудовой миграции 2010-2012гг. зафиксировали рост негативных стереотипных представлений коренного населения мегаполиса в отношении трёх кластеров трудовой миграции: восточно-европейского (молдаване, украинцы), среднеазиатского (таджики, узбеки) и кавказского (азербайджанцы, армяне, чеченцы) трудовых мигрантов. Та часть исследования, в которой мы задавали вопросы нашим респондентам относительно их неприятия трудовых мигрантов показала, что они даже были готовы взять в руки оружие и выступить на стороне коренного населения мегаполиса в «горячем» конфликте против инициаторов этого конфликта, которых они ассоциировали с трудовыми мигрантами. Эти наблюдения привлекли наше внимание высоким уровнем агрессии коренного населения мегаполиса в отношении «пришлых», в основном трудовых мигрантов с «юга» и «востока». Было понятно, что этот уровень агрессии и негатива был готов разрешиться кровавым внутригосударственным межэтническим конфликтом.

На основании проведенных ранее исследований общественного мнения жителей мегаполиса, как сегодня является Санкт-Петербург, по теме «трудовая миграция», нам удалось сделать выводы

относительно роста негативных настроений в отношении трудовых мигрантов. Наши дальнейшие пилотажные социологические исследования показывали следующие тенденции: 1) дальнейший рост **НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ** и **КСЕНОФОБСКИХ НАСТРОЕНИЙ**, 2) снижение толерантности в отношении представителей трудовой миграции, 3) рост социальной напряженности, включая выступления против коррупции и этнической преступности. Более того, с течением времени всё большее количество наших респондентов стали признавать реальной угрозой внутригосударственного межнационального конфликта. Согласно теореме американского психолога У. Томаса: «...если люди воспринимают какую-то ситуацию как реальную, то и последствия этой ситуации будут реальными»[1]. Эти размышления стали смысловыми импульсами, которые определили объект, предмет и цель нашего дальнейшего исследования (2014-2016гг.).

Альтернативой ксенофобии и этнофобии сегодня признается **ТОЛЕРАНТНОСТЬ**, что отражено в Преамбуле к Уставу ООН, являющейся документом, в значительной степени установочным для европейских стран, принимающих трудовых мигрантов на протяжении последних 30–40 лет [Преамбула к Уставу ООН, 1945]. Политики и учёные идут разными путями, реализуя свои представления о политике толерантности. Обе группы, и политик, учёные, вкладывают в понятие «толерантность» свои собственные смыслы. Эти смыслы учитывают многие компоненты модели понятия «толерантность», такие как: 1) культурные традиции понимания самого термина «толерантность»; 2) политическая и социально-экономическая конъюнктура; 3) социальная мифология, которая свойственна населению любой страны мира. В научном сообществе под политически ангажированные исследования в области толерантности стали давать гранты, что лавинообразно увеличило поток научных публикаций по этой теме. Отдельного внимания ученых (психологов, этнологов, социологов) удостоилась тема «толерантность и трудовая миграция». Выводы авторов отличаются разнообразием и эмоциональностью: от призывов к внедрению толерантного образа жизни, до возмущения необходимостью примирения с ценностями представителей других этнических групп[3]. Широкой взгляд на понятие «толерантность» встречается в работах, посвященных проблемам образования[12] и анализу термина «толерантность».[8,13,14] Анализ понятия толерантность с этносоциологических позиций осуществила Г.У. Солдатова[9,10] и Шалин[17]. Исследованиям толерантности на Западе уделялось внимание в контексте изучения вопросов урбанистики[19].

В политическом аспекте понятие толерантность в Европе развивалось на основании декларации принципов, разработанных и принятых ЮНЕСКО в 1995г. С позиций идеологии глобализма в современной Европе толерантность понимается как ценность и

социальная норма гражданского общества[18], которое в некоторых странах может быть еще не сформировано, но рассматривается как желательный и неизбежный вариант социального развития. Сегодня всё ещё востребованными общественным сознанием являются книги, подчеркивающие этническое своеобразие населения Евразии как особую ценность. В России это направление, продолжающее традицию евразийства вслед за Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким, Л. П. Карсавиным, Г. В. Вернадским, Л. Н. Гумилевым, Ю. Н. Рерихом. Спектр идей и исследований, предполагающих необходимость целенаправленного создания общеевразийской культуры и культивирования общеевразийского самосознания, основанных на контактах между близкими по духу культурами, широко представлен в работах отечественных ученых: С. С. Аверинцева, В. В. Кожина, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, А. С. Панарина, А. Г. Дугина и др.

Практики, а с ними механизмы формирования толерантных установок общественного сознания основываются, как на утверждении собственной культурной идентичности, так и на признании равноправной инаковости представителей других культур. Технологии формирования толерантности, как социального регулятива сводятся к практикам, которые в политике и социальной философии получили метафорическое название «диалог культур». Переход традиционного общества к обществу модерна и постмодерна утверждается значительным числом классиков, хотя признаки, описание и обязательность этапов такой эволюции может существенно различаться в зависимости от методологической ориентации. Например, Э.Фромм, причислявший себя к марксистам, утверждал, что государство и современная развитая промышленность могут функционировать в собственных интересах, враждебных человеку.[15] П. Сорокин полагал, что человек постуиндустриального общества исповедует ценностный

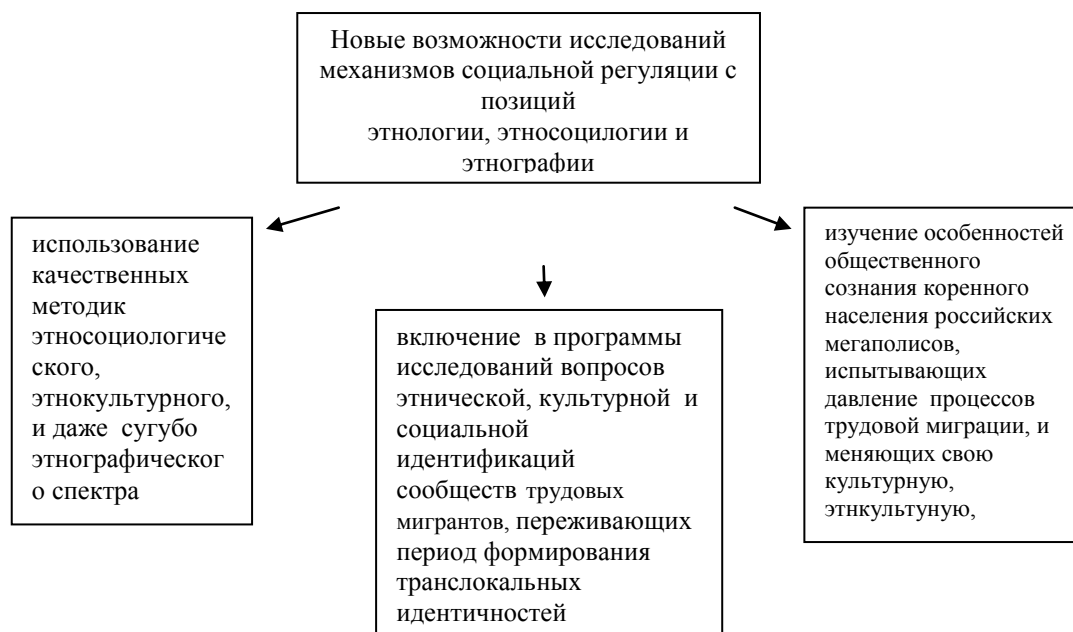

Рис. 1. Возможности исследований в области механизмов социальной регуляции, включая механизмы толерантных отношений, которые открывают этнология, этнография и этносоциология.

релятивизм, а, следовательно, может позволить себе быть толерантным. Для современной массовой аудитории в России имеет значение, что указанная позиция разделяется известными политическими деятелями и представителями культурной интеллигенции: Г. Зюгановым, Н. Михалковым и др. Ортега-и Гассет считал, что толерантность не свойственна людям современного варваризованного, массового общества[6]. П. Тиллих замечал, что в высокоиндустриальном, благополучном обществе, которое, казалось бы, предоставляет человеку все гарантии для процветания. Он писал: «...такие гарантии» дорого стоят: человек, для которого все это было изобретено в качестве средства, сам стал для этих средств вспомогательным средством»[11]. О какой толерантности в данном случае может идти речь? М.Вебер, изучая социальные механизмы регуляции поведения людей ещё в конце XIXв.–начале XX в., отметил, что при переходе к высокоиндустриальному обществу произошла замена «ценностно-рационального» социального действия на «целерациональное»[2]. Вопрос о том, какие механизмы социальной регуляции, с учетом необходимости создавать и совершенствовать толерантные практики регуляции процессов трудовой миграции в современной России, является крайне важным. Поиск ответа на этот вопрос переводит предмет исследований из области социального менеджмента в области этнологии, этнографии и этносоциологии (рис. 1).

Таким образом, многообразие культур, а также стремление исследователей в области социологии и культурологии избежать европоцентрического взгляда на культуры затрудняют не только измеримую оценку преобладания того или иного типа социальной

регуляции в конкретном социуме, но и схематизацию самого подхода к оценке регуляторов, которая сегодня принимается как веберовская.

Если признать, что динамика регуляторных функций культур имеет схожие черты, то схожесть эта, скорее всего, будет заключаться в процессах распада традиционных культур, и процессах перехода к обществу модерна и постмодерна.

В различных социальных средах больших российских мегаполисов преобладают разные механизмы регуляции социальных отношений, одним из которых является толерантность. Именно различия в регуляции социальных отношений, например, между коренным населением мегаполисов и пришлым населением – трудовыми мигрантами, оказывается возможным изучать более глубоко и предметно, используя этнографические методики (нарративное интервью, фокус-группы, глубинные интервью) и категориальный аппарат этнологии и этносоциологии.

Научные подходы в изучении механизмов социальной регуляции конфликтных отношений в современном урбанизированном обществе позволяют рассматривать толерантность не как политическую метафору или гранты иммигрантским общинам[4], а как одну из социальных технологий выстраивания отношений подчинения/доминирования не только на уровне власти, но и на уровне народной дипломатии.

Литература:

1. Бовина И.Б. Представления об элементах процесса группового решения и выбор стратегии // Мир психологии. Научно - методический журнал. 1999, N 3, с. 30 - 40.
2. Вебер М. Избранное. М.: Юрист, 1994. - 348С.
3. Зарайченко В.Е. Толерантность в межнациональных отношениях: за и против. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009; Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.htm>
4. Малахов В. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты. Лекция 27 января 2012 <http://polit.ru/article/2012/01/27/malakhov/>
5. Народная энциклопедия «Мой город», Санкт-Петербург // http://www.mojgorod.ru/gor_spb/spb/
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. М., 1989. № 3–4, с. 45-67.
7. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – 624С.

8. Погодина А.А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа //История: научно-методическая газета. 2002. № 4. М.: «Первое сентября».
9. Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность: две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности: научно-публицистический вестник. М.: Наука, 2001,с. 90–100.
- 10.Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.:Наука, 2003.- 435С.
- 11.Тиллих П. Мужество быть // Социально-политическое измерение христианства. М.: Просвещение, 1994.- 456С.
- 12.Уэйн К. Образование и толерантность // Высшее образование в Европе. 1997. Т. XXI. № 2. С. 14–15.
- 13.Семашко М.А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках. URL: <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm>;
- 14.Толерантность / общ. ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2004. - 416С.
- 15.Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992.- 345С.
- 16.Чистякова Н. В Петербурге трудно сыскать коренных петербуржцев// Демоскоп, № 163-164, 2004//<http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0163/tema05.php>
- 17.Шалин В.В. Толерантность (культурная норма и общественная необходимость). Ростов-на-Дону, 2000, с.148–159.
- 18.Declaration of Principles on Tolerance. Proclaimed and signed by the Member States of UNESCO on 16 November 1995.
- 19.Wilson T.C. Urbanism, Migration, and Tolerance: A Reassessment // American Sociological Review. 1991. Vol. 56 (Feb.). P. 117–123.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Прудникова А.

Научный руководитель:
профессор Глотов М.Б.

Настольные игры как вид организованного досуга современной молодежи

В России с давних времен были популярны среди детей и взрослых в качестве видов домашнего досуга такие коллективные настольные игры, как, например, бирюльки, карты, домино, лото, шашки, шахматы. Они способствовали развитию многих способностей и умений, были средством коммуникации и конкуренции, доставляли эстетическое и нравственное удовлетворение. В дальнейшем некоторые из них стали видами спортивных соревнований местного и даже глобального уровня.

Внедрение бизнеса в сферу досуга привело, с одной стороны, к созданию многообразия настольных игр, предлагаемых для индивидуальных домашних пользователей, а с другой стороны, к организации различных форм производства и потребления настольных игр и объединения их любителей за пределами домашнего очага.

Стремительную популярность настольные игры как способ проведения досуга российской молодежи начали приобретать в 2000-х годах. Именно в это время появляются отечественные издатели: «Мир Хобби», «Правильные игры», «Звезда», «Стиль жизни», «Мир Фэнтези», создаются русские настольные игры: «Берсерк», «Эволюция», «Зельеваренье», «Мафия», «Эрудит», открываются магазины «Игравед», «Хоббит», «Gaga», в Интернете распространяются тематические блоги: «Настольный Vlog», «Настолкамания», «Frogged Dice», формируются клубы: «Треугольный ёж», «Фишка», «Тактика», начинают проводиться всероссийские и международные турниры по настольным играм. В декабре 2011 году появляется отечественная Ассоциация Клубов Настольных Игр (АКНИ) – некоммерческий союз клубов, объединённый общей целью развивать в стране клубное движение и популяризировать настольные игры, которая имеет собственный сайт akni.ru. Ассоциация Клубов Настольных Игр ставит перед собой следующие задачи:

- создание единой базы клубов;
- организация и проведение различных игровых мероприятий; проведение единых акций, направленных на популяризацию игр;
- координация и проведение региональных и общероссийских турниров по настольным играм;
- организация участия представителей российских клубов в международных турнирах по настольным играм и международных выставках настольных игр;
- взаимодействие с уже существующими зарубежными Ассоциациями настольных игр;
- создание российской рейтинговой системы игроков настольных игр;
- помощь в создании клубов, клубных фондов игр на местах;
- участие клубов в издательстве настольных игр;
- создание системы оценки представителями клубов вновь издаваемых игр;
- сбор информации о потребностях клубов и проведение оптовых закупок игр и сопутствующих товаров напрямую у производителей;
- организация, координация и обучение добровольцев из клубов для проведения игротек в детских домах, а также иных благотворительных акций;
- другие виды деятельности, направленные на развитие настольных игр в России.

На данный момент в Ассоциации Клубов Настольных Игр зарегистрированы 117 российских клубов. Количество участников в клубах от 15 до более 50 человек. Представители девяти клубов были участниками российских и международных турниров по настольным играм.

Участвовать в клубах настольных игр современную российскую молодежь привлекает следующее:

- возможность задействовать свои аналитические навыки: считать, вычислять, продумывать ходы, строить сложные цепочки рассуждений;
- ассоциативность, так как игра может «погрузить» в вымышленный мир, вызывать определенные эмоции, благодаря детализированным ситуациям и насыщенным мелочам;
- интерактивность, так как участники должны вести переговоры, блефовать, сотрудничать, полагаться друг на друга или соперничать.
- Общение с людьми с схожими интересами, обмен игровым опытом

Клубы игр предоставляют игрокам возможность комфортно провести время за любимой игрой. Также клубы могут иметь как узкую тематическую направленность – только военно-тактические или только карточные игры, так и быть разнонаправленными. При клубах могут быть магазины, чтобы игроки сразу могли приобрести понравившиеся им игры. Также нередко клубы проводят обучающиеся мероприятия, организуют турниры.

Характерной особенностью является наличие специальных сотрудников – игровых администраторов, которые могут научить играть «с нуля» или объяснить правила, а также проконсультировать при покупке игры. Чаще всего от личности администратора зависит, будет ли клуб пользоваться популярностью, насколько приятно будет проводить в нем свободное время посетителям.

Такой вид организованного досуга способствует реализации саморазвития личности, ее культурного и интеллектуального роста, позволяет обзавестись новыми друзьями. Люди играют в игры компаниями, а это способствует установлению новых коммуникаций. Настольная игра выводит человека из рутины повседневности, дает возможность попробовать другую роль, приобрести авторитет, другой статус в новом сообществе и новых друзей. Игрок окунается в другое пространство реальности, с другими законами.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Лукьянов В.Г.

Проблематика формирования музыкального мышления в книге М. Вебера «Рациональные и социологические основания музыки»

В 1921 г. в Берлине была издана незавершенная работа М. Вебера о музыке [См.: Вебер М. Рациональные и социологические основания музыки// Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994; далее ссылки на эту работу даются по данному изданию]. Книга немецкого социолога оказалась важной вехой в формировании в XX в. одной из отраслей социологии искусства – социологии музыки. Работа Вебера сразу же получила отклик у нас в стране в публикациях А.В. Луначарского, Б.В. Асафьева, Р.И. Грубера и др. К настоящему времени благодаря усилиям этих мыслителей, а также П. П. Гайденко во многом раскрыты методологические основы социологии искусства М. Вебера. Вместе с тем, не в полной мере оказалась проанализирована собственно историко-музыкальная проблематика – особенности формирования музыкального мышления человека в истории культуры, – являвшаяся основным предметом анализа ученого. Задача данной статьи – в какой-то мере восполнить этот пробел.

Отметим, что в своей работе Вебер опирался как на теоретические труды (например, античных авторов – Плутарха, Птолемея, Аристоксена и т.д., а также Г. Гельмгольца, Г. Римана, Э. Фишера, М. Гауптмана и др.), так и на обширный собственно музыкальный материал: Вебер отсылает читателя к музыке монголов, басков, камбоджийцев, папуасов, Китая, Японии, Запада и т. д., многое из которой сам лично прослушал (так, он ссылается на музыку индейцев чиппева, которую слушал по фонограммам Денсмор – 478; также он отмечает, что «строго эмпирическое изучение первобытной музыки только в наши дни обретает благодаря фонограммам свой точный фундамент» – 488). В этой связи потрясает глубина проникновения ученого в проблематику музыки: в своих размышлениях он опирался на труды по музыкальной акустике, теории и истории музыки, музыкальной этнографии, инструментоведению и др. В этом – одна из серьезных трудностей в изучении веберовской работы, которая требует от читателя как разносторонней теоретической подготовки, так и наличия опыта восприятия музыки разных эпох и культур.

По мысли Вебера, развитие музыки в истории культуры представляет собой движение от «глиссандирующего воя», через использование звукорядов с иррациональными интервалами – к музыке, которая подверглась «гармонической рационализации» [489; 469]. В этой связи немецкий социолог указывает на существование множества музыкальных культур. Среди них он различал (а) «подлинно “первобытную”», «примитивную музыку» [479], и (б) «музыку культурную» [494; 499]. Фактически Вебер на материале музыки раскрывает особенности рационализирующей деятельности человеческого мышления, подтверждая (и в данном отношении) свою теорию рационализации.

Отметим, что такая позиция близка идеям и отечественных теоретиков. Например, Б.В. Асафьев утверждал мысль о том, что процесс формирования интервалов и ладов в истории музыкальной культуры был исторически длительным. По его мысли, «... от бытовой практики сигнализации до выработки д и с ц и п л и н ы интервалов музыкального искусства (учение о звуках, соотносящихся в системах трихордов, тетрахордов, октав и образующих лад) процесс осознания не мог не быть длительным» [Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Книги первая и вторая. Л., 1971. С. 240]. Фактически только с момента закрепления в европейском общественном сознании интервалов начинается реальная история музыки в Европе [Там же. С. 214].

Вебер раскрывает особенности рационализации музыкального мышления. Немецкий социолог показывает, что на определенном этапе человек переходит от «глиссандирующего воя» к использованию одного, двух или трех тонов: «необходимо всячески остерегаться представлять себе первобытную музыку как хаос, где царят беззаконие и произвол» [488]. По его словам, «у большинства таких народов, в частности и у индейцев ... встречается немало “мелодий” всего лишь из одного повторяемого звука и других – из двух звуков. У не знающих инструментов веддов мелодия охватывает три звука приблизительно в пределах малой терции» [490]. На этом этапе, по М. Веберу, музыка подчинена практическим целям: «Нам надо вспомнить сейчас тот социологический факт, что примитивная музыка на очень ранней ступени своего развития была в значительной мере отнята у чисто эстетического наслаждения и подчинена практическим целям – прежде всего магическим, в особенности же апотропейным (культовым) и целям экзорцизма (врачевательным)» [492]. Он отмечает в этой связи, что возникают «древние типизированные звуковые формулы сакрального или медицинского склада», отклонение от которых «становилось – в самом буквальном смысле слова – вопросом жизни или смерти, а “фальшивое” пение – святотатством, какое можно было искупить лишь немедленным умерщвлением виновного...» [508; 493].

Мысль Вебера о том, что на определенном этапе человек переходит от «глиссандирующего воя» к использованию одного, двух или трех тонов нашла свое подтверждение в фундаментальном труде по истории музыкальной культуры Р.И. Грубера: «...возможность п р е д н а м е р е н н о г о, сознательного воспроизведения осмысленных звукоотношений, все более использующих качественно определенные тона, – отнюдь не “естественное”, физиологическое свойство человеческого организма... На этапе перехода от обезьяны к человеку звукопроизводство человекообезьяны было, по-видимому, шумовым, глиссандирующим, неупорядоченным, нечленораздельным. Членораздельность, а тем более преднамеренная фиксация качественной определенности тона, – показатель уже известного развития общественной психики ... именно преднамеренное нащупывание качественно определенных соотношений тонов, являясь следствием осмысления действительности, в свою очередь все более и более способствует дальнейшему развитию процесса интонирования, становится одним из показателей музыкального прогресса» [Грубер Р.И. История музыкальной культуры. Т. 1. Ч. 1. М.-Л., 1941. С. 27-28].

Можно ли утверждать, что на этом этапе происходит «рационализация» музыкального мышления, по Веберу? Ответ на этот вопрос требует уточнения веберовской трактовки рационализации применительно к музыкальному мышлению. Анализ его работы показывает, что немецкий социолог ведет речь о «становлении твердо фиксируемых рациональных интервалов» [490]. Поэтому важным для понимания рассматриваемой проблемы является разграничение Вебером интервалов «рациональных» и «иррациональных». К рациональным интервалам он относил прежде всего кварту и квинту [480]. К иррациональным он относил другие интервалы, прежде всего те, которые альтерируются «на малые, иррациональные отстояния» [494].

Собственно начало процесса рационализации он связывал с возникновением «сословного искусства»: «...когда музыка начинает становиться сословным “искусством” – будь то сословие жрецов или аэдов, – когда она выходит за рамки традиционных звуковых формул с их исключительно практическим применением, тогда-то, как правило, и *начинается ее рационализация*» [494; выделено мной – В.Л.]. Ясно, что о музыке «примитивной» здесь речь не идет. Вместе с тем, он не отказывает «примитивной музыке» в элементах рационализации: «...действительно первобытная, т. е. не получившая рационализации или *в самой малой степени рационализированная музыка...*» [478; выделено мной – В.Л.]. Можно ли согласиться с такой трактовкой немецкого социолога?

Представляется, что на самом деле переход от «глиссандирующего воя» к использованию одного, двух или трех

тонов был не менее важным этапом рационализирующей деятельности зарождавшегося музыкального мышления человека, чем последующее «становление твердо фиксируемых рациональных интервалов». Действительно, как показал Р.И. Грубер (который вслед за Вебером подверг анализу тот же самый музыкальный материал – напевы племени веддов), «основное завоевание стадиального уровня ведда, ярко проступающее во всех без исключения напевах, – это начало освоения музыкального лада как *осмысленной организации звукоотношений*, что могло явиться результатом лишь длительного, многотысячелетнего развития» [Грубер Р.И. История музыкальной культуры. Т. 1. Ч. 1. М.-Л., 1941. С. 27; выделено мной – В.Л.].

Большую роль на раннем этапе формирования музыкального мышления играло, по мысли Вебера, воздействием ритма на «тонообразование», а также воздействием языка: «...членораздельный язык в любом случае обуславливает членораздельное звукообразование» [489]. Ученый обращает внимание на то, что при известных условиях язык мог «...прямо влиять на ведение мелодии и ее организацию. А именно в том случае, когда значение слогов меняется в зависимости от высоты звука, с какой они произносятся. Классическим представителем таких языков служит язык китайский... В таком случае пение должно было тесно примыкать к языковому смыслу и *создавать отчетливо артикулируемые интервалы*» [там же; выделено мной – В.Л.]. Вебер подчеркивал, что сопряженность мелодики с языком «... могла воздействовать на становление твердо фиксируемых рациональных интервалов, которые, как представляется, весьма свойственны именно народам с музыкальными языками» [490].

Такое представление не могло не привести немецкого социолога к мысли об особой роли интонирования в музыкальном искусстве. Действительно, Вебер, в своей работе употребляет термин «интонирование» [478; 479; 508]. Однако он не связывает интонирование с выявлением смысла музыки. В этом – отличие его концепции от теории интонации Б.В. Асафьева. По Асафьеву, «...музыка – искусство интонируемого смысла» [Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Книги первая и вторая. Л., 1971. С. 344]. Для Вебера же интонирование связано исключительно с проблематикой «тонообразования». Это – следствие его весьма спорной методологической установки, согласно которой музыку необходимо рассматривать как факт социологический, оставляя за скобками ее метафизический «смысл», т.е. ее содержание. Эта позиция весьма уязвима. Как отмечал А. В. Луначарский, Вебер не обращает внимания на эмоциональную сторону музыки «...и этим самым вырывает из своего очерка социологии музыки чуть не большую половину всего ее организма, его построения становятся чрезвычайно однобокими» [Луначарский А.В. О социологическом

методе в теории и истории музыки (Книга о музыке М. Вебера)// Луначарский А.В. В мире музыки. М., 1971. С. 164].

Развитие музыкального мышления от стадиального уровня ведда шло, по Веберу, в направлении освоения кварты: «...кварта обладала значением основного мелодического интервала в подавляющем большинстве известных музыкальных систем, в том числе и таких, как китайская, где не создавали теории «тетрахорда» в собственном смысле слова. В вестфальских народных мелодиях от наиболее часто встречающегося среднего тона (g), мелодического главного тона, типичное движение ведет на кварту вверх или вниз» [480]. Кварта «как основной мелодический интервал» сыграла важную роль в становлении первых ладов. По словам Вебера, «...в качестве основания для определения всех интервалов неподвижными в первую очередь становились пограничные тоны двух кварт. От этой точки развитие, естественно, могло идти дальше как в сторону иррациональной (за вычетом кварты) системы типа ангемитоники, так и в сторону пентатоники с полутонами и большой терцией или даже (как во многих шотландских песнях) с целым тоном и малой терцией» [481]. Пентатоника, с его точки зрения, была весьма широко распространена и составляла основу звуковых гамм на острове Ява, в Литве и Шотландии, Ирландии и Уэльсе, у «индейцев, монголов, анамитян, камбоджийцев, японцев, папуасов, негров племени фулла, в прошлом играла в музыке значительную роль, в том числе и у нас» [477]. По Веберу, пентатонику нельзя принимать за «нечто подлинно “первобытное”», поскольку она «предполагает по крайней мере октаву и “деление” таковой, как бы таковое ни производилось, т. е. частичную рационализацию...» [479].

Следует отметить, что гипотеза Вебера, согласно которой в формировании ладов большую роль сыграла кварта нашла свое подтверждение и обоснование в упоминавшейся фундаментальной работе Р.И. Грубера: «...”завоевание” квартового диапазона – факт огромного значения, быть может, самый выдающийся в истории ранних музыкальных культур...Нет никакого сомнения, что закрепление подобного квартового шага намечает интонационные отношения, которые впоследствии приведут к установлению тонико-субдоминантовой и тонико-доминантовой функций лада» [Грубер Р.И. История музыкальной культуры. Т. 1. Ч. 1. М.-Л., 1941. С. 50]. Подчеркнем, что Вебер также предвосхитил вывод, к которому Грубер пришел на основе анализа напевов примитивных племен: освоение квартового диапазона привело (на последующих этапах развития музыкального мышления) к «спариванию» и даже к «страиванию» «первичных квартовых ладовых ячеек в единое, более сложное ладовое образование (напевы макуши, вапишана, таулипанг, единичные напевы скуана)» [Там же. С. 65].

Немецкий социолог, опираясь на идеи Г. Гельмгольца, связал дальнейшее развитие музыкального мышления в истории культуры с борьбой терции и кварты: «Два тесно соседствующих между собой интервала, кварта и терция, исторически, как получается, находились между собой в своего рода антагонистических отношениях» [480]. Эта борьба действительно имела место, что подтверждает в своем исследовании Р.И. Грубер: «...если на первых порах квинто-терцовый принцип “мирно” уживался с господством квартового принципа, сосуществует с ним, то затем квинто-терцовый принцип мелодического интонирования вступает во все более решительную борьбу с квартовым, что приводит в дальнейшем к созданию более прогрессивного уровня музыкального мышления, включающего наряду с квинто-терцовым, и квартовый принцип. Борьба эта растянулась на многие тысячелетия..., захватив весь античный мир и значительную часть средневековья» [Грубер Р.И. История музыкальной культуры. Т. 1. Ч. 1. М.-Л., 1941. С. 76].

Вместе с тем, Вебер показывает связь «примитивной музыки» и «музыки культурной», отмечая, что «в значительно более сильной степени примитивной музыке присущ тот феномен, который оказал сильное воздействие и на развитие музыки культурной, а именно в зависимости от потребности в выражении интервалы альтерируются, причем – в отличие от музыки, связанной гармонией, – также и на малые, иррациональные отстояния, так что в одном и том же музыкальном построении могут встречаться звуки, чрезвычайно близко расположенные друг к другу, как, например, различные разновидности терций» [494].

Каким же образом, по Веберу, происходило освобождение звукорядов от иррациональных интервалов? По его словам, «...имеет место принципиальный шаг вперед, когда ... из одновременного употребления исключаются известные находящиеся в иррациональной близости друг к другу тоны... И совершается это... по причинам существенно практическим: тоны...должны составляться так, чтобы можно было согласовывать с ними настройку музыкальных инструментов» [494; выделено мной – В.Л.].

Вебер называет две основные причины утверждения в музыкальном мышлении «рациональных интервалов». Во-первых, «гармонически наиболее чистые интервалы – октаву, квинту, кварту – отличало от иных интервалов по преимуществу то, ... что они, единожды “распознанные”, выделялись из множества соседствующих с ними музыкальных дистанций благодаря большей “ясности” их для музыкальной *памяти*» [492]. И, во-вторых, Вебер указывает на тот общеизвестный факт, что кварту и квинту музыканты используют в целях настройки музыкальных инструментов [507; 529].

Вместе с тем, немецкий социолог термином «музыка культурная» охватывает разнообразные музыкальные культуры,

которые в большей или меньшей степени сохраняют иррациональные интервалы: «Во всей восточной музыке распространена иррациональная терция, идущая, по-видимому, от древней волынки, примитивного инструмента скотоводов и бедуинов; поэтому восточная музыка, очевидно, надолго привязана к своеобразному этосу именно такой иррациональности, так что все реформаторы музыки на Востоке имели успех с введением иррациональных терций. А когда вся Передняя Азия была полонена арабской музыкальной системой, то это означало, что теперь окончательно отрезан путь к гармонии или к чистой диатонике» [529].

Кроме того, даже для современной музыки характерно наличие «иррациональности мелодики»: «Не будь напряженностей, мотивируемых иррациональностью мелодики, не было бы и современной музыки, к числу самых важных средств выразительности которой они принадлежат» [474]. Поэтому и современная музыка «...отнюдь не рациональна насквозь» [501].

Вебер показывает, что на определенном этапе возникает своеобразная развилка в развитии музыкального мышления. «Стремление к умножению выразительных средств» музыки стало возможным, во-первых, на пути крайнего развития мелодических средств (что вызывает «утонченное развитие слуха в чисто мелодическом направлении»), а, во-вторых, на пути формирования аккордово-гармонической системы. В этой связи сегодня оказывается весьма актуальным тезис, который сформулировал А.В. Луначарский, пытаясь развить идею Вебера: «преобладание гармонического начала над мелодическим есть вместе с тем преобладание инструментального начала над вокальным, а тем самым преобладание вещной культуры и, стало быть, зависимости от материального культурного уклада» [Луначарский А.В. О социологическом методе в теории и истории музыки (Книга о музыке М. Вебера)// Луначарский А.В. В мире музыки. М., 1971. С. 169].

Обращаясь к анализу первого пути, Вебер отмечает, что в ряде культур музыка не подверглась «гармонической рационализации». Такая музыка, по его мнению, «существенно свободнее нашей именно в мелодическом движении, а слух... может не только находить удовольствие в интервалах, не укладывающихся в рамки гармонической системы, но и значительно привыкнуть к наслаждению ими» [528]. При этом ученый указывает на то, что сирийско-арабское исчисление различает «24 четвертитона в октаве», «шрути индийского исчисления» содержит в октаве 22 интервала; существует также «китайское деление октавы на 12 лю» [486]. Все это говорит о том, что на самом деле, музыкальные системы, возникшие в рамках различных культур, не являются чем-то данным человеку от природы. Музыкальное мышление на протяжении истории культуры различным образом преобразовывало исходный

звуковой материал, поэтому музыкальный слух и сознание, несомненно, являются, как отмечал в свое время Б.В. Асафьев, продуктами общественно-исторического развития [Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Книги первая и вторая. Л., 1971. 354-355].

Второй путь, по Веберу, связан с «гармонической рационализацией», характерной для развития музыки в Европе. Во многом этому способствовало существование многоголосия: «Запад, когда возникла та самая потребность в усиленной выразительности, в отличие от античности, уже обладал *многоголосной* музыкой, в русле которой и потекло развитие нового звукового материала» [510]. Однако многоголосие, по словам Вебера, существовало и существует не только в музыке Запада. Так, «ориентальным и дальневосточным нациям, причем именно обладающим развитой музыкой как искусством, известно совместное звучание многих тонов» [511]. Вместе с тем, существование многоголосия (даже и основанного на гармонических интервалах), само по себе вовсе не означает еще, что вся звуковая система музыки «пронизана принципами гармонического тонообразования» [521]. Вебер различал два музыкальных явления: «аккордовую гармонию» и полифонию: «...если чисто аккордовая гармония мыслит музыкально “двумерно”, – вертикально по отношению к нотным линиям и вдоль их, – то “контрапункт” мыслит в первую очередь “одномерно”, т. е. горизонтально, вертикально же лишь постольку, поскольку его созвучия, порождаемые не изнутри цельных, конструируемых аккордово-гармонически, построений, но возникающие как бы почти случайно из движения нескольких самостоятельных голосов, нуждаются в своем гармоническом урегулировании. Противоположность такая представляется относительной и является таковой в широких пределах» [512]. В этой связи он утверждает, что только в XV веке в западноевропейской культуре достаточно отчетливо выступает «...противоположность между гармоническим и специфически полифоническим восприятием музыки...» [517].

Встает вопрос: почему же именно на Западе из многоголосия (достаточно широко распространенного в разных культурах) развилась как полифонная, так и гармонически-гомофонная музыка, а также «вообще вся современная звуковая система, в противоположность иным областям, как-то греческая античность, но также и Япония, где музыкальная культура отличалась не меньшей интенсивностью?» [522].

Вебер, опираясь на данные математического учения о музыкальной гармонии, показывает существование двух типов рационализации музыки. Один из них – тип, характерный для западноевропейского музыкального искусства, сумевшего избежать использования интервалов, образуемых «числом 7 или же бóльшими

простыми числами». Фактически – это и создало предпосылку для возникновения аккордово-гармонической системы: «*Наша аккордово-гармоническая музыка рационализирует материал звука*, деля октаву, арифметически или геометрически, на квинту и кварту, затем же, оставляя кварту в стороне, производя деление квинты на большую и малую терцию ($4/5 \times 5/6 = 2/3$), большой терции – на большой и малый целый тон ($8/9 \times 9/10 = 4/5$), малой терции – на большой целый тон и большой полутон ($8/9 \times 15/16 = 5/6$), малого целого тона – на большой и малый полутон ($15/16 \times 24/25 = 9/10$). Все эти интервалы составлены из дробей с числами 2, 3, 5» [469; выделено мной – В.Л.]. Именно поэтому ей удалось то, что оказалось невозможным для музыки восточноазиатской, китайской, персидской, арабской и др., поскольку «...совершенно немислимо обрести какую-либо гармонически - рациональную, приемлемую для аккордовой музыки, систему интервалов», «...прибегнув к интервалам, образуемым числом 7 или же большими простыми числами» [475].

Однако возникновение этих двух типов рационализации музыкального мышления в различных регионах планеты не было обусловлено данным фактором как таковым. В своей работе немецкий социолог выделяет три группы факторов (внемузыкальные, внутримузыкальные и социологические), оказавших определяющее влияние на развитие музыкального языка. Именно эти факторы привели к формированию специфических условий, в которых протекало развитие музыки на Западе, благодаря чему в Европе музыка приобрела наиболее рационализированную форму. Поэтому, как справедливо отмечает П.П. Гайденко, «согласно Веберу, не искусство вообще, а специфически западноевропейская его ветвь несет на себе печать той же рациональности, что и западное право и западная экономика, и, наконец, детище западноевропейской цивилизации – наука Нового времени» [Гайденко П.П. Идея рациональности в социологии музыки М.Вебера //Кризис буржуазной культуры и музыка. Вып. 3. М., 1976. С. 26].

А. Факторы «внемузыкальные». Вебер их связывает, во-первых, с эволюцией музыкальных инструментов («...рационализация тонов исторически постоянно берет начало с инструментов...» – 529); во-вторых, на место прежней невменной нотации, общей для Востока и Запада (которая отнюдь не однозначно различала полутоновые и целотоновые ходы), пришла новая система нотной записи— мензуральная нотация – чисто западноевропейское явление, неизвестное другим музыкальным культурам. При невменной нотации «обязательной для певцов была импровизация всевозможных украшений», поскольку «большая часть альтераций никак не фиксировалась на письме» [526-527]. Новая же система нотной записи исключила такую импровизацию, преодолевая и этот элемент иррациональности.

Б. *Факторы внутримызыкальные.* По Веберу, существует «рационализация, идущая изнутри, основанная на специфическом характере мелодики как преимущественно внутренней симметрии и сравнимости *отстояний* между тонами» [531]. Внутримызыкальная рационализация находит свое выражение в принципе темперации: «темперированным в самом широком смысле слова является всякий звукоряд, где принцип отстояния проведен так, что чистота интервалов делается относительной с тем, чтобы было устранено противоречие разных “кругов” интервалов путем сведения их к только приблизительно чистым отстояниям» [532]. Согласно Веберу, рационализация, опирающаяся на физику звука, «рано или поздно непременно наталкивается на роковую “комму”» (греч. *comma* – в музыкальной акустике самый маленький – меньше 1/8 целого тона – интервал, мало различимый слухом, что препятствует установлению рационального соотношения тонов), а «чистый строй дает только относительный оптимум некоторого ансамбля квинт, кварт и терций...» [533]. В связи с «гармонической рационализацией» изменилось и сама трактовка лада: он стал рассматриваться как система гармоническая (а не только как мелодическая система).

В. *Факторы собственно социологические.* (1) Превращение музыки в самостоятельный эстетический феномен и становление социального статуса «художник» (имеются в виду и композитор, и исполнитель): «и если многоголосная музыка была возведена в ранг искусства со своей собственной письменностью, то тем самым был создан сам же “сочинитель” музыки, т. е. композитор в собственном смысле слова...» [526]. Вебер отмечает, что «органисты и пианисты в XVII веке чувствовали свое отличие друг от друга, однако, прежде всего они чувствовали себя солидарными *художниками*...» [546; выделено мной – В.Л.]. (2) «Рыночные условия производства инструментов, ставшего производством капиталистическим»: «крупное машинное производство освоило клавир впервые в Англии (Бродвуд), а затем в Америке (Стейнвей), где превосходного качества железо пошло на пользу металлическим рамам с их конструкцией и способствовало преодолению немалых климатических трудностей, стоявших на пути инструмента...» [545; 548]. (3) «Растущие потребности музыкальных издателей и концертных предприятий в обширном потреблении музыки, рассчитанной на рынок и на массу...» [там же]. (4) Особенности музыкальной жизни Запада в условиях рынка, для которого стали характерны «дикая конкуренция» между фабриками, а также между виртуозами [545; 548]. (5) Превращение фортепиано в «инструмент буржуазного дома», способствовавший формированию «восприятия современной гармонической музыки», приобретшего качество «универсального инструмента сопровождения и музыкального обучения» [548]. (6) Особая роль монашества «раннего средневековья из северо-

европейских миссий», которые рационализировали в своих целях народную полифонию [Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 581].

Таким образом, непосредственным предметом анализа М. Вебера стали *«рациональные основания»* музыки, поддающиеся количественному анализу: музыкальные тоны (с обертонами), интервалы (консонансы – «совершенные» и «несовершенные», – а также диссонансы), альтерация, энгармонизм, звукоряды, особенности музыкальных инструментов и т.д. По мысли Вебера, развитие музыки в истории культуры представляет собой движение от «глиссандирующего воя», через использование звукорядов с иррациональными интервалами – к музыке, которая подверглась «гармонической рационализации». Немецкий социолог разграничил (а) «подлинно “первобытную”», «примитивную музыку», и (б) «музыку культурную». Процесс рационализации музыкального мышления он связал со становлением «твердо фиксируемых рациональных интервалов». Среди основных этапов рационализации музыкального мышления он выделил: (1) освоение одного, двух, или трех тонов; (2) освоение квартового диапазона (что привело в конечном итоге к формированию ладовых образований); (3) борьбу терции и кварты; (4) возникновение двух возможностей «умножения» выразительных средств музыки – во-первых, на пути «крайнего развития мелодических средств», и, во-вторых, на пути формирования аккордово-гармонической системы; (5) различая два музыкальных явления – гармонию и полифонию, – Вебер показал, что «гармоническая рационализация» оказалась характерна для развития музыки именно в Европе. Вебер также показал, что европейская музыкальная система является одной из многих существующих на планете. Поэтому, несмотря на уязвимость методологических предпосылок своего анализа, Вебер, на наш взгляд, сумел достаточно точно очертить проблематику формирования музыкального мышления в истории культуры, показав его основные этапы и специфику проявления в разных регионах планеты.

Проблематика собственно *«социологических оснований»* музыки в работе М. Вебера скорее была только поставлена, нежели всесторонне разработана. Вот почему, выражаясь словами А.В. Луначарского, работа М. Вебера – «лишь этюд, подход к общим границам темы» [Луначарский А.В. О социологическом методе в теории и истории музыки (Книга о музыке М. Вебера)// Луначарский А.В. В мире музыки. М., 1971. С. 160]. Вместе с тем, Вебер стал пионером в разработке музыкально-социологической проблематики, показав ее теоретическую и практическую значимость. И в Западной Европе, и в нашей стране идеи Вебера получили в XX в. свое развитие, вызвав к жизни многочисленные труды по социологии музыки.

«Серединная линия» в русской социальной мысли

Знакомство с историей русской социальной философии и с тем, что писалось о ней, привели к мысли о «серединной линии» в русской философской культуре. Наличие этой серединной линии отрицал Н.А.Бердяев, полагая, что русской культуре не свойственно быть серединной. На наш взгляд, такая серединная линия у нас представлена и берет свое начало с ранних славянофилов (Хомяков, Киреевский) через Данилевского и Леонтьева к Вл.Соловьеву и философам русского ренессанса – Булгакову, Бердяеву, Франку, Новгородцеву, Струве. Именно эти философы и сделали предметом своего анализа русскую национальную идею, русский общественный идеал. Несмотря на противоречия во взглядах, иногда непримиримые, особенности видения каждым из перечисленных философов русского общественного идеала, перед нами представители той линии в русской философии, которая наиболее последовательно выдержала установку на исследование русского национального сознания, не только в тематике, но и, во многом, в методе изучения.

Преимущественно в рамках выделенной группы социальных философов шел анализ социо-культурного процесса становления и развития русского общества. Большинство остальных направлений общественной мысли страдают излишней политизированностью. Это было характерно как для русских революционных демократов, анархистов, марксистов, так и для представителей консервативно-охранительной линии. Нарочитое стремление уйти от политики было свойственно и ранним славянофилам (Хомякову, Кириевскому) и тем, кто в начале XX века определил для себя идеализм и религию как основную тему творчества (Бердяев, Булгаков, Франк, Новгородцев, Струве). Их интересует, главным образом, социальная жизнь общества в широком смысле этого понятия, а не только политика. Отсюда предмет их интереса общественный, а не политический идеал, и этим они «серединные».

Обратившись к духовным основам русского общества, к православной религии данная группа русских философов оставалась в рамках русского национального мировоззрения. Хотя, безусловно, она соотносила русский национальный идеал с западными ценностями и идеалами, испытывала на себе влияние мировой философской мысли. Основное же, на что обращено особое внимание – это становление и функционирование православной культуры, православной цивилизации. В этой связи следует отметить, что именно С.Л.Франку

и Н.А.Бердяеву принадлежит наиболее яркие и основательные характеристики русского мировоззрения, религиозных его основ.

Отнесение анализируемых персоналий русской социальной философии к «серединной линии» мотивировано также тем, что, начиная с основателей славянофильства до философов середины XX в. между ними идет спор вокруг одних и тех же тем. Тем самым остальные русские философы естественным образом выпадают из этого направления мысли.

Серединная линия в русской духовной культуре совпадает с тем, что получило название «русский религиозно-философский ренессанс». И первой ренессансной фигурой русской культуры Н.А.Бердяев считал А.С.Пушкина, то есть перед нами период, когда начинали свое творчество ранние славянофилы. Историк русской философии С.А.Левицкий также считал, что русский религиозно-философский ренессанс своими истоками обязан славянофилам.¹ Границы такого периода могут быть только относительными. Наша позиция не сводится к тому, чтобы искусственно расширять его рамки, мы лишь хотим показать теоретические и духовные истоки русского ренессанса. На них обращали внимание и главные фигуры религиозно-философского ренессанса, когда писали, что им необходимо вернуться к славянофилам. Об этом вспоминал Н.А.Бердяев в конце жизни в книге «Русская идея».

Куклин Г. А.

Теологическая перспектива – недостающее звено социологического анализа?

Для последующего рассуждения выделим основную особенность теории вообще и опишем характер проявления этой особенности для социологической теории. Особенность такова: начало любой теории – интуитивное угадывание похожего и непохожего (это можно при желании назвать эмпирическим подходом). То есть речь идет о некотором единообразии наблюдаемого. В данном случае не имеет значения, определяет ли принцип угадывания некая предструктура или нет: она в любом случае также угадывалась бы интуитивно. Социологическая теория угадывает некие единообразия в поведении людей. Выделению социологической (не будем проводить разницу с социальной) теории,

---

¹ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М., 1996, с.251-252.

в свою очередь, предшествует некое интуитивное различие, конечно, специфическим образом связанное с практическими потребностями. Здесь существует некое негласное правило: социологическим считается то, что выходит за пределы отдельного человека; то, что находится в его пределах – область психологии. Можно сказать, что в этом случае предметом социологии становятся единообразия в поступках людей, в проявлениях людей. Проявления внутри человека – область психологии. Проявление снаружи человека – предмет социологии. Исходя из такого определения, пищеварение будет относиться к психологии, а отправления – к социологии. Логически это верно, но интуитивно мы вроде бы видим разницу. И эту эмпирическую разницу мы гораздо раньше зафиксировали аналитически в качестве разделения человеческой сущности на различные человеческие сущности: в данном случае телесную, психическую и социальную. Теория предполагает такое или любое иное (в естественных науках фиксируются иные различия) аналитическое упрощение.

С точки зрения философии, в основе подобных различий лежит феномен объективации, когда то, о чем мы говорим или то, чем мы оперируем, с неизбежностью, воспринимается нами уже как самостоятельный объект, существующий вне нас и независимо от нас. Объективация в понимании Бурдьё, то есть так, как это понятие присутствует в социологической традиции, сохраняет в определении лишь рефлексивный момент, то есть момент обращения внимания. Момент субъект-объектного разделения здесь остается за рамками понимания, хотя он в отношении специфики науки и философии как явлений культуры и как факторов жизни конкретного человека гораздо более значим.

Для чего естественная наука совершает подобную операцию аналитического упрощения через объективацию? Это очевидно: определяя нечто как отдельный объект (как вещь, по Дюркгейму), этим уже можно оперировать; фиксируя единообразие можно добиться возможности манипулировать частями и создавать новые объекты или новые эффекты. Доказательством этому можно считать результаты научной индустрии. Это напоминает увлекательное следование мысли за интуитивной практикой работы с вещами; проще, это почти как оправдание магии. Точно такое же значение имеет упрощение и в случае социальных наук. В данном случае можно даже не пытаться доказывать различия между этими типами наук, вновь полагая вполне интуитивную базу подобного доказательства. Науки, в которых идет речь и человеку, в практическом значении совершают аналитические упрощения не в познавательных целях (действительно, что я познаю, если вначале это я сам и создаю собственный предмет), а скорее в целях управления и манипулирования. Шелер полагал различие наук в этом смысле.

Скорее более верным можно считать возможность различения исследовательских (и шире вообще человеческих) интенций. Серьезной практической проблемой, которая касается каждого, является подмена понимания возможностей направления человеческой интенциональности пониманием необходимости одного единственного пути. В чем же состоит иная возможность человеческой интенциональности?

Социология долгие годы утверждала собственную этическую и воспитательную (просвещенческую) роль в качестве дисциплины, либо освобождающей человека от гнета социального в качестве господства, либо примиряющей человека с социальным в качестве естественного состояния. И тот и другой путь пролегал через известные аналитические упрощения, в которых человек всегда оказывался за рамками рассмотрения: находя единообразия человеческих проявлений, социология утверждала, что это имеет отношение к самому человеку и что человек должен этому верить. Единственный способ поверить социологии в этом случае – согласиться с ней в элиминации человека, превратить конкретного человека, с которым имеешь дело, в социальную функцию. Если кто-то полагает, что определенные социологические подходы противоречат такому направлению, то это лишь известная аберрация. Германская социологическая традиция ничего не говорит о социальном, но ведь на самом деле занимается лишь исторической аналитикой, тем, что сегодня стало называться исторической социологией. Она даже не пытается описывать единообразия человеческого поведение, если не считать веберовскую теорию действия. Но эта теория уже никак не связана с веберовским же принципом восприятия исторического факта через интерпретацию. В теории действия Вебер переходит к социологическим аналитическим упрощениям, свойственным позитивизму. Интерпретативная социология уже связывает (опять таки интуитивно) психологические аналитические упрощения с социологическими, что, конечно, на определенном этапе выглядит заманчивым направлением. Все современные теории продолжают либо фиксировать единообразия поведения, либо пытаются по-новому охватить психологические концепты. Но что есть психология? Не что иное, как иного рода попытки аналитического упрощения человека. Здесь уже внутри человека находятся определенные единообразия, формирующие широкое понятие психики. И уже психологи заявляют о том, что это должно быть интересно человеку, что человек должен этому верить. Но в этом случае человек должен представить соседа (не говоря уже о себе) психической функцией. Таким образом, и в том, и в другом случае объективированный человек становится вещью, а затем находятся определенные единообразия. И в том, и в другом случае

существует единственное практическое применение такому взгляду – это управление человеком.

Повторим, что социология очень часто ставила своей этической задачей освобождение человека от власти. Признаем, что, наверное, более мудрые исследователи, не говорили об этом никогда. Тем не менее, критика парсоновской социологической системы, вокруг которой вращается вся современная социологическая теория, явно имела именно такое направление. И Миллс, и Гоулднер, и Бурдьё, и франкфуртская школа, полагали задачей социологии именно освобождение человека от власти социальных структур. Именно такова этическая сердцевина идеи метасоциологии, которая впервые появляется в 50-х годах как идея логической дисциплины, но затем быстро превращается в форму социологической рефлексии. Бурдьё предлагает освобождение человека через бесконечную череду объективаций собственных опосредований и доминант. Но следует понять, что в случае социологии социологии (или социоанализа) это будет означать лишь применение аналитических упрощений к самим аналитическим упрощениям. И в этом случае такое «освобождение» будет представлять лишь освобождение чего-то опять же внешнего по отношению к самому человеку. Это всегда напоминает просмотр своей жизни на большом экране. И шизофрению.

Таким образом, социология, а затем и метасоциология в практическом отношении могут преследовать лишь цель управления человеком. Но если мы приглядимся к этому процессу в исторической перспективе, то увидим, что для такого управления не требуется специальное сложное знание, которое, в конечном счете, и так демонстрирует интуитивно фиксируемые единообразия. И мы окажемся в ситуации, зафиксированной довольно давно в социологической публицистике: социологические выводы повторяют трюизмы человеческой практики. Стоит обратить внимание на работы Макиавелли. Какая из социологических концепций может похвастаться столь достоверным описанием человеческих поступков, быть столь же полезной в делах управления человеком? Повторим, что благодаря свойственной теории о человеке особенности обособления от этого человека, ничего кроме управления не может быть ее задачей.

Итак, если с одной стороны человек отсутствует для социологической теории, с другой – для психологической теории, то где суть можно встретить человека? Ответ может показаться неочевидным, но нам кажется, что речь в данном случае может идти о теологической теории. Следует оговорить, что здесь есть один чрезвычайно спорный и сложный момент: предполагает ли существование человека необходимость существования Бога, или наоборот. Мы не будем здесь заниматься этим вопросом. И предложим более широкое и более, на наш взгляд, необходимое в

контексте современной наукообразной картины мира, определение теологии. Мы будем говорить об общей теории веры. Наука о человеке предполагает анализ человека, представление человека в виде структур и процессов. Но когда мы общаемся друг с другом, мы имеем дело с чем-то другим. Мы имеем дело *с кем-то*. Так вот, вроде бы «зная» о том, что перед нами некая совокупность элементов, мы верим, что в данный момент она становится субстанциальным единством. Как это описано у Бубера, когда я произношу «Ты», я верю, что «Ты» есть и одновременно утверждаю и «Я». И в этом случае отношения между людьми перестают быть отношениями управления. Так как исчезает операциональное, вещное, отношение друг к другу. Мы перестаем воспринимать человека как объект, понимая его субъектом, то есть, по сути, открывающейся тайной, тем самым понимая и себя так же. Вместо объекта возникает понятие тайны, которой уже нельзя оперировать.

Какое это имеет отношение к социологии? Латур в работе «Перестройка социального» производит революционную перестановку акцентов в отношении понимания предмета социальной науки. Речь уже идет не о специфическом предмете и не о методе, и даже не о синтезе общего. Речь идет о синтезе частного. То есть о том, что социология должна заниматься описанием связей всего со всем, по сути, взять на себя титаническую роль описания делезовской ризомы. И в этом отношении, конечно, одним из первых фундаментальных вопросов как онтологически, так и эпистемологически, является вопрос присутствия или отсутствия человека.

Очевидно, что мы верим в «Я» и верим в «Ты». Но ведь также мы верим и в аналитические упрощения (к интуитивному различению). Существует деконструктивистский аргумент: вера и человек также как и аналитические упрощения научной теории являются условностями, интуитивно связанными с понятиями смутными ощущениями. Да это так, но этот аргумент не является новым для философии; скорее он является необходимым как раз в рамках современного наукообразного мышления. Дело в том, что в таком пределе мы понимаем, что имеем свободу либо отрицать, либо утверждать себя и что с точки зрения науки и философии это абсолютно равные возможности. Вера в этом смысле является метапонятием, регулятором такого выбора, а не просто еще одним аналитическим упрощением. Так же она становится развилкой, на которой расходятся пути бесконечного познания науки, не имеющего ни целей, ни результатов для человека и собственно человеческой жизни. Мы должны понимать, что наука и философия не являются критериями в определении жизненного пути: этот путь свободен, как мы свободны в том, во что нам верить.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Мальченкова А.Е.

Партнёрство и патернализм как модели социально-трудовых отношений

Партнёрство и патернализм, будучи формой организации трудовых отношений между работниками и руководителями, являются основными моделями организационно управленческой структуры общества. В настоящее время исследование этих моделей привлекает всё большее внимание социологов работающих в области анализа социально-экономического пространства общества.

Впервые идея социального партнерства была сформулирована еще в XVIII – XIX веках в понятиях общественного договора и демократического корпоративизма, а позднее в начале XX века в концепции трипартизма. Однако лишь в настоящее время она получила широкое распространение. В современной экономической социологии эти идеи восходят к теории общественного договора Ж.Ж. Руссо и взглядам Э.Дюркгейма на роль корпораций и профессиональных ассоциаций в жизни общества [1].

Корпоративизм трактуется как форма организации социально трудовых отношений, при которой основные экономические, социальные и политические решения принимаются корпоративными группами, или совместно государством и этими группами. В соответствии с этой концепцией работники могут влиять на управленческие решения посредством своего членства в корпоративных организациях – профсоюзах, и добровольных объединениях и организациях [2].

В современной экономической социологии и менеджменте категории «патернализм» и «партнёрство» используются как термины для обозначения отношений между руководителями и подчинёнными.

Отношения патернализма предполагают замену формальных, основанных на правовых нормах и заключаемых контрактах взаимоотношений на неформальные и личные. Основа патерналистских отношений – зависимость работника (подчинённого) от руководителя. Причем этой зависимости хотят сами работники, поскольку они, передавая руководству всю полноту ответственности за определение и реализацию своей жизненной стратегии, освобождают себя от необходимости принимать самостоятельные решения при столкновении с проблемными ситуациями.

Партнёрство как тип взаимоотношений между управляющими и работниками противостоит патернализму. Партнёрские отношения основаны на контрактах, для них важны устойчивые формальные отношения. Партнёрские отношения предполагают, самостоятельность работников и требуют выполнения заранее установленных обязательств. При этом руководство не вмешивается в жизнь работников и выполнение ими профессиональных обязанностей. Модель социального партнёрства раскрывает характер сотрудничества индивидуальных субъектов и особую форму организации социально-экономического пространства на микроуровне.

Патернализм характеризуется преобладанием у работников установок на бездумное исполнение распоряжений руководителей и отражает неразвитость самостоятельных начал. Советский патернализм воспринимался подавляющим большинством работников и руководителей, как вполне естественная и разумная форма взаимоотношений. Эти отношения сформировали особую хозяйственно-экономическую культуру, регламентирующую взаимодействия управляющих и работников на предприятиях и в учреждениях различного профессионального назначения.

В процессе реформирования российского общества все основные формы патернализма были подвергнуты осуждению и отвергнуты. Работник остался наедине с администрацией, хозяевами предприятий. В трудовых отношениях на уровне государственной политики был определён курс на развитие партнёрских отношений. Однако надежда на то, что переход к рыночной экономике, расширение границ свободы труда приведут к установлению партнёрских трудовых отношений, не оправдались.

Патернализм как социальное явление, как принцип продолжает существовать не только в государственных хозяйственных организациях, но и на предприятиях рыночно-ориентированного типа.

Оставаясь важнейшей социокультурной ценностью для большей части рабочих патернализм, из реальности стал малодоступным благом. Благосклонность и попечительство руководства приходится заслуживать, поскольку управляющие, используя принцип «не нравится – уходи», практически не зависимы от поведения рабочих. Этот принцип становится преобладающим во взаимоотношениях между рабочими и руководством.

Собственно говоря, восстановление патерналистских отношений – есть приведение в соответствие хозяйственной практики с живущей в сознании субъектов хозяйственного процесса патерналистской экономической культуры. Можно утверждать, что более заметной в трудовых взаимоотношениях рабочих и управляющих социальным производством на современном предприятии в настоящее время стала не линия противостояния, а линия приспособления. Таким образом,

наиболее распространённой среди рабочих становится стратегия приспособления и ориентация на отношения зависимости от руководства, послушание и лояльность взамен на попечительство и заботу, которая наиболее полно выражена в категории патернализм.

Литература:

1. Gautier, C. Corporation, societe et democratie chez Durkheim // Rev. fr. de science polit. – Paris. – 1994. – Vol. 44. – N 5. – P. 836-855.
2. Кривошеев В.Т. Социальное партнерство и корпоративизм в становлении социально-трудовых отношений в условиях переходного периода // СОЦИС. – 2004. – №6.

Социальный образ современного пролетариата в отечественном кинематографе конца XX — начала XXI века

Произведения культуры, как важнейшие предметы духовной сферы жизни людей, не только отражают характеристику общества и выражают уровень исторического развития, но играют значительную роль в формировании представлений в обществе о той или иной социальной группе, в том числе и представлений о самой себе, что в конечном счёте оказывает влияние на трансформацию социально значимых признаков группы.

Анализ отражения образа класса наёмного работника, пролетариата в отечественном кинематографе даёт возможность более точно проанализировать тенденции и характер развития вышеупомянутого класса, уточняют его социальный портрет, а также отношение в обществе, складывающееся под влиянием, в том числе и культурных произведений. В этом аспекте кинематограф, как наиболее «горячее» (по выражению канадского социолога, философа и теоретика в сфере средств коммуникации Маршалла Маклюэна¹) средство масс-медиа, позволяющее полностью овладеть зрительским восприятием и заставляющее зрителя идентифицироваться с художественными образами на экране, лучше всего позволяет проанализировать характер и особенности взаимодействия общества и интересующей его нас части посредством обмена культурными сигналами.

Важным моментом в анализе влияния образов кинематографа на общество является критерий выборки произведений киноискусства с точки зрения социальной значимости. Актуальность проблемы соотношения массового и элитарного кино подводит наиболее оптимистично настроенных киноведов к мысли, что «природа киноискусства, тенденции его развития и состояние общества способствуют синтезу элитарного и массового кинематографа»². Именно такое кино, сочетающее в себе признаки двух полюсов-типов, чьё значение выходит с одной стороны за рамки развлечения, а с другой — разбора преимущественно внутреннего мира автора, даёт возможность наиболее точно рассмотреть предмет исследования.

---

1 Маклюэн Г.М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: "КАНОН-пресс-Ц", "Кучково поле", 2003. С. 27

2 Ишонин А. Эволюция элитарного и массового кино. Интернет-журнал "Lumiere", 11 сентября 2013 // Режим доступа к ст.: <http://www.lumiere-mag.ru/?p=2348>

Впрочем, реальность постсоветской количественной и качественной деградации отечественного кинматографа, а равно и общая социально-экономическая ситуация в стране, связанная субъективно с периодом «общественного» и «научного» отрицания социальной значимости пролетариата как субъекта общественных процессов (вплоть до отрицания его существования), а объективно — с катастрофическими изменениями в социально-политической структуре и, как следствие, массовой маргинализацией российских граждан, облегчила отбор кинопроизведений, посвящённых отражению образа пролетариата.

За период с начала 90-х по начало 10-х гг. можно выделить пять картин («Дети чугунных богов», «Железная пята олигархии», «Магнитные бури», «Пыль», «За Маркса...»), которые были отмечены российскими и международными кинопремиями, таким образом обозначив свою значимость (а соответственно, и определённое влияние) с точки зрения кинематографического искусства.

Главная особенность развития «пролетарского кино» в рассматриваемый период заключается в постепенной «рационализации» образа, повышению уровня его «реалистичности». Так, в российском фильме 1993го года венгерского режиссёра Томаша Тота «Дети чугунных богов» работники металлургического комбината, представляются как полумифические богатыри, а сама лента снята в специфической гротескной квазисказачной форме.

В «Железной пяте олигархии» (1999 г.) образ рабочих «трамвайного депо» выглядит также мифологизированным, но в отличие от «Детей» - отсылка уже идёт к советской, а не былинной традиции. Впрочем реальность здесь проявляется в контрасте между чудаковатым революционером, поставившим цель организовать новую пролетарскую революцию и объектом его агитации. Гипертрофированно нелепый он тем не менее становится полноценно трагической фигурой на фоне заводских цехов Питера и молчаливых работников, отсылающих к раннему советскому кино³.

В «Магнитных бурях» (2003 г.) знаменитых авторов советского «кино морального беспокойства»⁴ сценариста А. А. Миндадзе и

---

3 В этом контексте уместно вспомнить другой фильм этого же времени - «Украина» (1998 г.) Петра Луцика, в котором не только название, но, что более важно, художественный стиль и образы «пересажены» из кинематографа 30-х годов в современную действительность. Что характерно, здесь также как и в «Железной пяте» советские образы несут с собой «классово антогонистическое» содержание: фильм повествует о том, как крестьяне, у которых отняли землю во время реформ «новые русские», готовы вернуть её «любой ценой». Впрочем, степень мифологичности (переходящей в метафоричность) окружающей действительности здесь ещё выше.

4 Сулим А. Армен Медведев: «Возрождается кино морального беспокойства». Интервью с главой Выборгского кинофестиваля. Интернет-сайт "ФильмПро" // Режим доступа к ст.: <http://www.filmpro.ru/materials/17804>

режиссёра В.Ю. Абдрашитова сбившиеся в толпы пролетарии металлургического завода уже вполне реалистичны, как и завязка фильма — в классическом постсоветском «моногороде» идёт борьба между бизнесменами за владение комбинатом руками самих рабочих, которые готовы избивать друг друга по ночам, защищая интересы своих хозяев — но разворачивающаяся окружающая действительность приобретает подчёркнуто метафорический и гиперболизированный характер.

Этот же подход характерен для молодого режиссёра Сергея Лобана в фильме «Пыль», вышедшем 2 года спустя. Здесь представитель пролетариата, как и других социальных групп более, чем реалистичны. Фантастическим оказывается лишь таинственная комната для экспериментов, превращающая на время тело пациента в идеальное и становящаяся объектом для мании главного героя. Впрочем, этим метафоричность сюжета и ограничивается. «Комната» становится образом идеала «общества потребления»⁵, который возникает в массовом сознании в результате коренных изменений в социально-экономической структуре страны, а главный герой — образ пролетария, инфантильно следующего за ним, сталкиваясь в этой саморазрушительной погоне с героями, олицетворяющими иные социальные общности (в первую очередь — это сотрудники ФСБ, как символ силовой составляющей российской власти, контролирующей «комнату» в своих интересах).

Фильм Светланы Басковой 2012 года «За Маркса...» и названием, и девизом («Новое советское кино») указывает на классический образ наёмного работника, как субъекта классового противостояния. Здесь уже реалистичными становятся и герои (рабочие завода, разделённые по членству в «жёлтом» и «боевом» профсоюзе, капиталисты, старого и нового образца), и обстоятельства, и сюжет. Завязка фильма и вовсе как будто сошла со страниц российских профсоюзных газет. Что, впрочем, неудивительно, т. к. режиссёр фильма прежде чем начать съёмки фильма погрузилась в борьбу современных левых и рабочих организаций России⁶. И хотя участникам профсоюзной борьбы некоторые обстоятельства фабулы могут показаться утрированными⁷, полноценную сюрреалистическую метафору автор вносит лишь в конце фильма, которая формирует открытый финал в противовес трагичному развитию сюжета.

Латентный характер трудовых конфликтов, связанный с тем, что

---

5 См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, Республика, 2006.

6 Результатом этого погружения стал документальный фильм «Одно решение — сопротивление».

7 Искрова Е., Няшин В. За Маркса! Будни рабочих активистов глазами Светланы Басковой. Интернет-сайт "РКСМБ.орг" // Режим доступа к ст.: <http://rksmb.org/articles/culture/za-marksa-budni-rabochih-aktivistov-gl/>

рабочее движение на данный момент находится в «потенциальной фазе» и проявляет себя явно только в случае серьезных общественных катаклизмов⁸ — с одной стороны, инертность и предубеждения современной российской творческой интеллигенции в их отношении к классовому конфликту, а также стагнация отечественного кинематографа, усиление влияния власти на кинопроизводство, заключающееся в экономической цензуре по отношению к темам, критически затрагивающим современную власть — с другой, стали причинами того, что образ современного пролетариата в российском кино появляется нечасто и зачастую эпизодически, фоном, даже когда этому способствует завязка и сюжетная линия⁹. Тем ценнее фильмы, в которых социально-политическая роль наёмного работника ставится в центр сюжета, позволяя проследить трансформацию как отношения создателей киноискусства к рассматриваемому объекту, так и самого объекта в системе социальных отношений.

Тенденция развития образа пролетариата в отечественном кинематографе от мифического к реальному отражает реальные социальные процессы в социально-экономической системе («либеральные реформы», рост социального расслоения, стабилизация социально-классовой структуры общества) и, в частности, среди класса наёмных работников, в чей среде стала расширять влияние классическая марксистская трактовка социального конфликта на производстве. Вместе с тем пролетарии в современном российском кино представлен в качестве зависимой, обороняющейся силы, что также вполне отражает его современное положение — слабую развитость социальных и политических структур самоорганизации и, наоборот, высокую их зависимость от внешних сил. «Класс в себе» пока ещё не стал «классом для себя» ни в жизни, ни в кино.

---

8 Максимов Б. И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов / Б. И. Максимов СПб: Наука, 2004. С. 39

9 См., например: Паутинычъ А. «Около ОМОНа» - Рецензия на фильм «Восьмёрка» по одноимённой повести Захара Прилепина. Интернет-сайт "РКСМБ.орг" // Режим доступа к ст.: <http://rk smb.org/articles/culture/okolo-omona-retsenziya-na-film-vosmyorka-po-odnoimyonnoy-povesti-zahara-prilepina/>

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Рахманова Ю.В.

Исследовательский проект по социологии: методические указания

Исследовательский проект по социологии представляет собой самостоятельную творческую работу студентов по выбранной теме. Данный вид исследовательской деятельности предлагается студентам в рамках дисциплин «Социология» или «Основы социологии» и рассчитан на освоение навыков проведения социологического исследования студентами непрофильных факультетов. Тема исследования может быть выбрана из предложенного списка [См. : Воронцов А.В., Кошкина С.Г., Рахманова Ю.В. и др. Социология: учебно-методический комплекс: рекомендации для студентов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2009, с. 33-35] или сформулирована самими студентами. Работа выполняется в группах (до 8 человек), группы формируются студентами самостоятельно. Проект включает в себя описание/анализ выбранной социальной проблемы (с использованием вторичных данных) и собственное пилотажное исследование. Пилотажное исследование начинается с написания программы и формирования инструментария (анкеты, текста интервью, социометрического теста или гайда фокус-группы). Минимальное количество опрошенных респондентов – 50 человек. Количество респондентов, прошедших социометрический тест, зависит от размеров исследуемой группы, минимальное количество проведенных фокус-групп по одному гайду – 2.

Результаты исследования представляются в виде отчета (проекта), содержащего кроме итогов исследования краткое описание социальной проблемы и собственные выводы исследователей. [Об организации и проведении социологического исследования см.: Рахманова Ю.В. Социологическое исследование: методология, методика, техника: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005].

Оформление исследовательского проекта:

- 1) Титульный лист;
- 2) Содержание (описывает структуру работы: Введение, Основной раздел, Выводы/Заключение, Литература/Источники и Приложения) с указанием страниц;
- 3) Во Введении описывается социальная проблема, даются ссылки на соответствующие источники;

4) В Основном разделе указываются: объект, предмет исследования, гипотезы, информация об организации исследования (кого, сколько и как опрашивали), далее приводятся результаты исследования с точки зрения подтверждения, уточнения или отрицания основных гипотез.

5) В Заключении повторяются основные выводы исследования, уточняются гипотезы, предлагаются направления дальнейших исследований по данной проблематике.

6) В Литературе указываются использованные источники.

7) В Приложениях обязательно дается программа исследования, образец инструментария (анкеты, интервью, гайда фокус-группы и т.п.), а также приводятся все результаты исследования в форме аналитических таблиц и/или графической форме.

Общий объем работы – не менее 1 п.л. (22 страницы через 2 интервала или 15 через 1,5 интервала). В общий объем работы не входят Приложения.

Итоговая оценка за исследовательский проект складывается из оценок за три вида работ:

- 1) Исследовательский проект (текст);
- 2) Презентация проекта;
- 3) Ответы на вопросы по проекту.

**Александрова Алена,
Малявин С.Н.**

Социологический портрет студента-первокурсника факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена (2014 год)

Целью нашей работы было выявление предпочтений, мотиваций, ценностных ориентиров студентов для составления их социологического портрета и сравнения полученных данных с данными прошлого года.

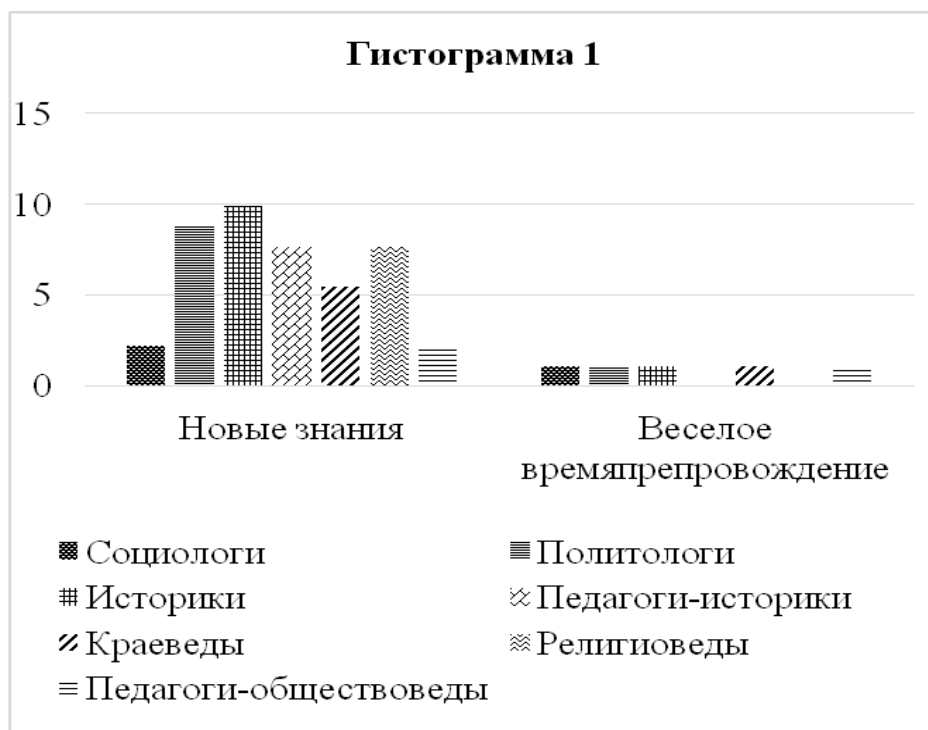
Для работы был выбран метод сплошного раздаточного анкетирования, имеющий следующие важные преимущества: гарантия полного возврата анкет, возможность контролировать правильность заполнения и дешевизна.

Данное лонгитюдное исследование проводится в рамках СНО кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена. В 2013г. были опрошены: социологи – 33 человека (26,2%), политологи – 18 чел. (14,3%), историки – 30 чел. (23,8%), педагоги-историки – 37 чел. (29,4%), обществоведы – 8 чел. (6,3%). В 2014г.: социологи – 22 чел. (19,5%), политологи – 16 чел. (14,2%), историки – 32 чел. (28,3%),

педагоги-историки – 15 чел. (13,3%), краеведы – 10 чел. 8,8%), религиоведы – 10 чел. (8,8%), обществоведы – 8 чел. (7,1%).

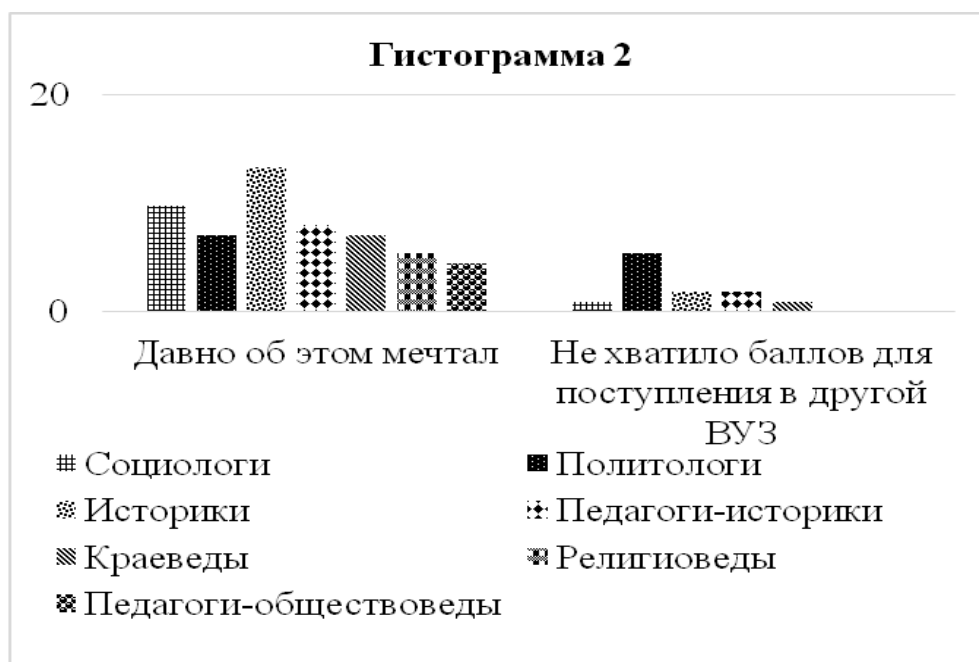
В ходе исследования было опрошено в 2013г. 126 первокурсников факультета социальных наук в возрасте от 17 до 25 лет, в 2014г. 113 первокурсников факультета социальных наук в возрасте от 17 до 40 лет, среди которых более половины – девушки. Респондентам в ходе исследования было предложено ответить на ряд вопросов. В данной работе представлены наиболее интересные, на наш взгляд, сравнительные данные, полученные в результате опроса.

При поступлении в университет около трети респондентов были настроены на получение новых знаний во время обучения (35,4%). Из всего числа первокурсников меньше всего нацелены на новые знания педагоги-обществоведы и социологи. Наименее популярным ответом был вариант «веселое времяпрепровождение» – около 4% от общего числа респондентов (Гистограмма 1). В отличии от прошлого года, увеличилось количество респондентов, которые ожидают от студенчества новых знакомств (с 13,5% до 26,5%), но уменьшилось количество студентов, которые ожидают новых знаний (с 48,6% до 35,4%). Меньшее количество студентов (4,4%) ожидают веселого времяпрепровождения, в 2013г. респондентов, ответивших так, было больше (11,9%), а наименьшее количество студентов ожидают от студенческой жизни получения диплома (8,7%; 2014г. – 11,5%).

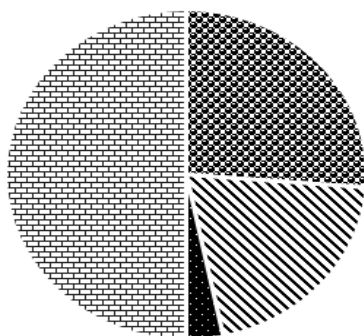
Многие студенты (54,9%) поступали в наш ВУЗ, потому что давно об этом мечтали (Гистограмма 2). Чаще всех выбирали этот вариант историки (около 13%). В прошлом году достаточно

популярным был ответ «не хватило баллов» в другой ВУЗ. В этом году меньшее количество респондентов выбрали этот вариант ответа.

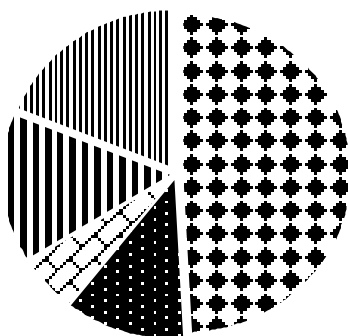
Данные по вопросу «Как Вы видите себя в профессиональной деятельности после окончания ВУЗа на данный момент?» кардинально различаются у 2013 и 2014 годов (Диаграммы 1 и 2). Чуть меньше половины студентов-первокурсников 2014 года готовы работать по специальности, даже если работа невысокооплачиваемая (48,7%). Почти четверть пока не могут определиться (18,6%). По сравнению с прошлым годом наблюдается корреляция: в 2013г. количество респондентов (48,4%), которые видели себя в работе, дающей возможность самореализации, значительно больше, чем в 2014г. (15,2%). Увеличилось число респондентов, которые готовы работать по специальности (в 2013г. – 25,4%). Напрашивается вывод, что студенты стали более осознанно подходить к выбору будущей профессии, к ВУЗу, в котором хотят получать образование.

Диаграмма 1 (2013г.)

- ✖ Работа по специальности (возможно невысокооплачиваемая)
- ↷ Любая высокооплачиваемая работа
- Работа, предоставляющая много свободного времени
- ≠ Работа, дающая возможность самореализации.

Диаграмма 2 (2014г.)

- ⌚ Работа по специальности (возможно невысокооплачиваемая)
- Любая высокооплачиваемая работа
- ↷ Работа, предоставляющая много свободного времени
- ||| Работа, доставляющая удовольствие, не связанная со специальностью
- ||| Пока не могу определиться

На вопрос «Как бы вы хотели реализовать себя в студенческой жизни?» большинство респондентов 2013г. ответили, что они пока не видят возможности реализовать себя (31,4%), а в 2014г. количество первокурсников, выбравших этот вариант ответа значительно снизилось (9,4%). Наибольшее количество студентов 2014г. выбрали вариант реализации себя в студенческом научном обществе (18,9%). Можно сделать вывод, что для студентов действительно стало более значимо развитие себя как профессионала, т.к. студенческое научное общество помогает углубиться в свою специальность.

Более половины студентов занимались дополнительно для поступления в ВУЗ. Наиболее популярным способом подготовки двух лет является репетитор (29,4% 2013г. и 31% 2014г.). Занятия в ВУЗе и школе и самоподготовка находятся в обратной зависимости друг от друга: 2013г.: ВУЗ и школа 29,4%, а самоподготовка 24,6%; 2014г.:

ВУЗ и школа 27,4%, а самоподготовка 31%. Снизилось количество студентов, которые не занимаются дополнительно для поступления (2013г. – 15,1%, 2014г. – 10,6%).

На момент проведения исследования большинство студентов не работали 2013г. – 83,2%, 2014г. – 88,1%. Но при этом, более половины студентов планируют работать во время учебы: 2013г. – 75,4%; 2014г. – 74,3%.

Основной источник дохода студентов-первокурсников – деньги родителей (75,4% и 76,1%). Некоторые студенты уже подрабатывают, этот вариант второй по частоте, в 2014г. большее количество студентов выбрали вариант «Подработка» (13,3%), по сравнению с 2013г. (9,5%). Стипендия и льготные выплаты являются незначительными источниками дохода для большинства студентов. В 2013г.: «Стипендия» – 4,0%, «Льготные выплаты» – 4,0%. В 2014г.: «Стипендия» – 4,4%, «Льготные выплаты» – 3,5%.

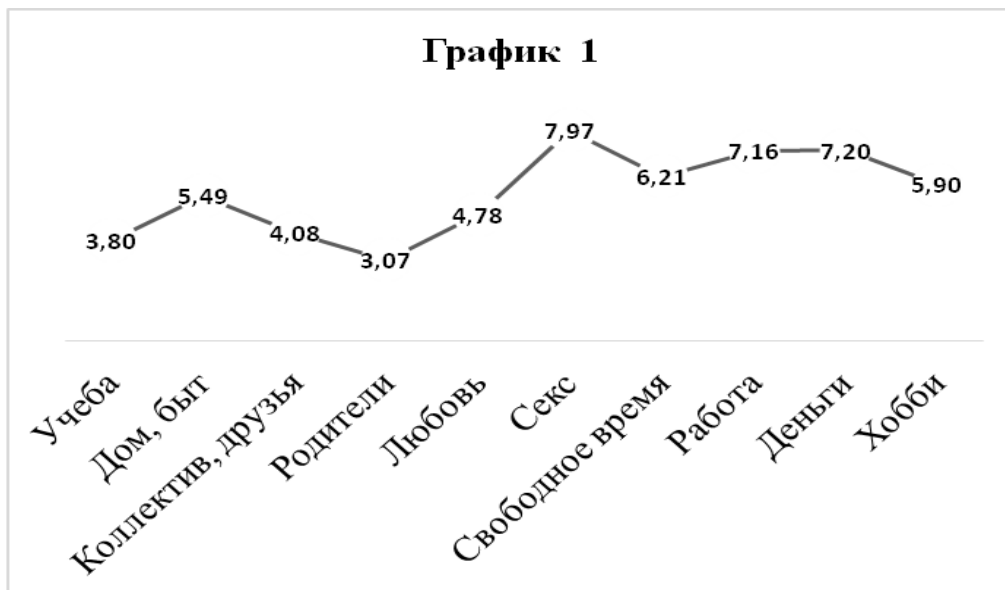
Большинство респондентов проживают с родителями (53,6%), причем этот процент студентов одинаков для двух лет. По сравнению с 2013г. увеличилось количество студентов, снимающих жилье (2013г. – 16,5%, 2014г. – 22,3%), соответственно, снизилось число студентов, проживающих в общежитии (2013г. – 22,3%, 2014г. – 17,9%).

Бюджет на месяц у первокурсников двух лет неоднозначен. Студентов, живущих на 5000, 10000, 15000 рублей, приблизительно равное количество (2013г: 22,2%, 28,6%, 23,8%; 2014г.: 23,0%, 27,4%, 24,8%соответственно). Но студентов, бюджет которых составляет до 3000 рублей и от 20000 рублей также приблизительно равно количество (2013г.: 11,9%, 12,7%; 2014г.:14,2%, 9,7% соответственно).

В 2014г. большинство студентов-первокурсников свое свободное время чаще всего проводят дома (35,8%). Это может быть связано с тем, что большинство респондентов живут с родителями, которые следят за учебой своих детей и ограничивают их досуг. Но при этом, также велико число студентов, которые проводят время в кафе/барах/ресторанах – 23,9%. Наименее популярным вариантом ответа стал «ночной клуб», всего 1,2% от числа всех респондентов.

Мы попросили наших респондентов проранжировать от 1 (наиболее важная) до 10 (наименее важная) такие категории, как: учеба; дом, быт; коллектив, друзья; родители; любовь; секс; свободное время; работа; деньги; хобби. На графике (График 1) представлены средние значения по каждой из категорий. Самая малозначительная для студентов первого курса сфера жизни – секс (7,9), а самая важная – родители (3,07). Из графика видно, что такие категории, как родители (3,07), учеба (3,8), друзья (4,07), любовь (4,78), более значимы для студентов, чем дом, быт (5,48), хобби (5,9), свободное время (6,21), работа (7,16), деньги (7,2) и секс (7,97). Это может быть связано с тем, что для студента, только что поступивший в ВУЗ, ориентирован на учебу больше, чем на работу, секс и свободное

время, т.к. он только вливается в новую для себя среду. Родители, друзья и любовь выступают как базовые и неотъемлемые ценности у студента, поэтому они в приоритете. Первокурсники 2013 года по средним показателям отличаются незначительно.

В анкете были представлены основные статьи расходов, которые нужно было расположить от наименее затратной (1) до наиболее затратной (6). Наименее затратным для студентов-первокурсников является проживание, проезд и бытовые расходы. Это объясняется тем, что большинство респондентов живут с родителями, не платят за жилье и на бытовые расходы, родители оплачивают им проезд. Развлечения и шоппинг являются самыми затратными. Питание является также является затратным для многих респондентов, это обусловлено тем, что студенты, живущие отдельно от родителей, самостоятельно питаются, но таких студентов меньше, поэтому можно предположить, что студенты, проживающие с родителями, много питаются вне дома, в различных кафе, барах.

Больше всего разногласий у респондентов в этом году вызвал вопрос «Кто для меня родители?». Мнения разделились таким образом: друзья – 49,5%, наставники – 47,6%, чужие – 2,9%. Консолидация в ответах респондентов наблюдается в таких вопросах, как «Ваше поступление на данную специальность было», где более 75% студентов ответили, что поступление было целенаправленное и обоснованное. По сравнению с прошлым годом данные изменились незначительно, но уменьшилось число респондентов, которые поступили в ВУЗ, т.к. это был запасной вариант.

На основании проведенных исследований, можно сделать ряд выводов. Студенты-первокурсники обоих лет схожи: по месту жительства, основному доходу, ожиданиям от дальнейшей учебы. Но существуют и различия. В 2014г. больше мужчин-первокурсников,

средний возраст студентов увеличился, изменились цели поступления в университет и видение себя в будущем.

**Малявин С.Н.,
Маутер Г.А.**

Сочи 2014 глазами студентов-социологов

В период с 6 по 24 февраля 2014 года в рамках СНО кафедры социологии исследовательская группа студентов второго курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена провела исследование с целью получения представления об отношении студентов данного факультета к Олимпиаде «Сочи-2014».

В ходе исследования было опрошено 72 человека, из них 25 мужского пола и 47 женского, обучающихся на первом и втором курсах по направлениям: история, политология и педагогическое образование.

Так как данное исследование предполагает анализ изменений в отношении студентов к определенной теме, в качестве метода был выбран социальный мониторинг. Анкетирование проводилось последовательно, пять раз в период с 6 по 24 февраля, с интервалом 3-5 дней по одной выборке.

Не смотря на то, что исследование было проведено в пять этапов, охватывающих разные стадии проведения Олимпиады, в ответах респондентов нет существенных расхождений, в большинстве случаев прослеживается четкая позиция по отношению к тем или иным аспектам. Данное исследование нами было разделено на три смысловые части: политика, брендинг и непосредственно спорт.

Часть первая. Политика.

Большинство респондентов указали на отрицательное влияние Олимпийских игр на экономическую ситуацию в стране. «Бюджетные затраты на Олимпийские игры чрезмерны» (46%, 40%, 67%, 60%, 36%), «Олимпиада открыла поле для коррупционной деятельности» (23%, 33%, 17%, 20%, 7%). В исследовании, проведенном Левада-центром, 47% респондентов отметили, что огромное количество затраченных средств объясняется «Большой коррумпированностью: значительная часть средств, выделенных на подготовку к Играм, была растратана и расхищена». Еще одним интересным моментом является то, что большинство респондентов (70-80%) считают, что проведение Олимпийских игр для РФ важно для того, чтобы «Укрепить престиж политического лидера». Эти же тенденции прослеживаются и в исследовании Левада: «Руководство страны использовало Олимпийские игры в Сочи для поднятия престижа

власти» (71%), «Олимпийские игры в Сочи подняли престиж Владимира Путина» (73%).

Таким образом, по мнению респондентов, Олимпийских игры в Сочи – это не что иное, как хорошо спланированная стратегия, целью которой является укрепление престижа страны на международной политической арене, пускай и путем глобальных экономических затрат. Так в исследовании Левада 56% опрошенных отметили, что «Проведение Олимпийских игр в Сочи является личной заслугой Владимира Путина».

Часть вторая. Брендинг.

Абсолютное большинство опрошенных (67%, 67%, 83%, 80%, 73%) считают, что продажа товара с брендом Олимпиады является «Маркетинговым ходом».

Рекламные ролики с олимпийской символикой за последний год очень часто появлялись в эфире. По оценке агентства Initiative, во второй половине прошлого года рекламы с брендом «Сочи-2014» было больше, чем какой-либо другой марки: более 20 000 GRP (условные пункты рейтинга, которые отражают число телезрителей, просмотревших ролик).

Сумма доходов олимпийского оргкомитета от реализации маркетинговой программы превысила 1,3 млрд долларов. Как сообщает «ИТАР-ТАСС», данная сумма является абсолютным рекордом среди организаторов зимних Олимпиад, в полтора раза превышая показатели Игр-2010 в Ванкувере.

Данная часть анализа является своего рода усилением первой. Она лишь подтверждает то, что все силы, брошенные на подготовку сочинской Олимпиады, на самом деле рассчитаны на улучшение своих позиций на мировом «рынке». Россия создала для себя определенные возможности в сфере спортивной дипломатии. Примером этого является проведенная универсиада в Казани, зимняя Олимпиада в Сочи и чемпионат мира по футболу в 2018 году.

Россия встала на путь создания своего имиджа – спортивного имиджа. Россия – это бренд, над созданием которого усердно работали и работают множество специалистов. В основе бренда лежит понимание того, что Игры станут яркой страницей истории Новой России. Они покажут жителям страны и всему миру многообразие российской культуры, будут способствовать интеграции с другими мировыми культурами.

Часть третья. Спорт.

Не стоит все же забывать, что речь в данном исследовании идет о спортивном мероприятии. Так как же все-таки студенты относятся к спорту? В данной части исследования мнения респондентов по некоторым вопросам несколько расходятся. Большинство респондентов считают, что спортсменов в их деятельности мотивирует «Имя в истории спорта» (39%, 27%, 25%, 53%, 26%). На

втором месте «Карьера» (23%, 13%, 16%, 20%, 20%) и на третьем месте «Рекорды» (8%, 20%, 8%, 20%, 6%) и «Чувство патриотизма» (8%, 20%, 8%, 7%, 33%). Не все однозначно с материальной мотивацией. В трех опросах из пяти ни один респондент не выбрал вариант ответа «Материальная заинтересованность», хотя в двух остальных, данный вариант ответа набрал по 16%. Для большинства респондентов в Олимпийских играх важны «Победа российских спортсменов» (54%, 47%, 64%, 47%, 60%), а также «Красота и зрелищность спорта» (23%, 20%, 27%, 40%, 33%). Но, несмотря на то, что для респондентов, безусловно, важна победа нашей сборной, они все же настроены категорично негативно в отношении места России в общекомандном зачете. Так в первом опросе 30% обследуемых указали, что Россия займет 1-2 место и 62% указали на 3-4 место. Во втором опросе 47% за 1-2 место, что уже более оптимистично, но в то же время 46% отметили, что Россия займет 4 место и ниже. В третьем опросе и вовсе 100% респондентов отметили, что выше 4 места России не быть. И в последнем опросе, несмотря на то, что 53% все еще питали надежды, что мы войдем в тройку лидеров, 47% были уверены, что мы туда не попадем.

Так же мы попросили респондентов перечислить известных им отечественных участников и призеров Олимпийских игр. В левом столбце представлены ответы на вопрос Левада-центра: «Выступления кого из спортсменов, из России или других стран, произвели на наибольшее впечатление?»

Левада	СНО кафедры социологии
Липницкая Юлия 33	Плющенко Евгений 33
Сотникова Аделина 32	Липницкая Юлия 20
Ан Виктор 31	Сотникова Аделина 12
Плющенко Евгений 19	Волосохар Татьяна – Траньков Максим 12
Зубков Александр 9	Третьяк Владислав 11
Волосохар Татьяна – Траньков Максим 8	Исинбаева Елена 11
Шипулин Антон 8	Овечкин Александр 11
Легков Александр 5	Ан Виктор 10
Уайлд Вик 4	Зубков Александр 9
Воевода Алексей 3	Роднина Ирина 8
Домрачева Дарья 3	Уайлд Вик 8
Демченко Альберт 3	Демченко Альберт 6
Третьяков Александр 3	Кабаева Алина 6
Мальшко Дмитрий 2	Шипулин Антон 6
Зайцева Ольга 1	Устюгов Евгений 5

Суть вопросов естественно разная, но из нашего опроса прекрасно видно, что, несмотря на пессимистичный настрой со стороны респондентов к достижениям наших спортсменов, они все-таки заинтересованы Олимпиадой. Ведь большинство опрошенных перечислили именно героев нынешней Олимпиады, а значит, что даже если они и не следили за ходом событий непосредственно за просмотром игр, то, как минимум, просматривали новостную ленту.

Вывод: Несмотря на огромное количество скандалов и попыток сорвать Олимпиаду, будь то террористические акты (25% Левада-центр*) или бойкот со стороны некоторых государств (16% Левада-центр*), она все же состоялась, что показывает высокий уровень организации.

*(Опрос Левада-центра «Как Вы считаете, возможны ли на предстоящей зимней Олимпиаде в Сочи следующие события?»)

По мнению респондентов, Олимпиада Сочи-2014 была проведена с расчетом на укрепление престижа России и авторитета Владимира Путина на мировой политической арене. Сейчас Россия – пусть и не всегда явно – соперничает с Западом и добивается роста своего влияния в мире. Данное соперничество мы наблюдали в Сирии и Украине. Но, несмотря на то, что Олимпиада носит глубоко стратегический характер, она была красивой, яркой и запоминающейся, прежде всего, своей спортивной страстью и зрелищностью.

**Малявин С.Н.,
Чугаева Эрика**

Потребительское поведение студентов

В рамках дисциплины «Экономическая социология» было проведено исследование среди студентов факультета социальных наук. Целью исследования было изучение потребительского поведения студентов.

В ходе исследования было проанализировано 25 дневников студентов 2 курса факультета социальных наук направления социология. Респонденты в течение 42 дней вели потребительский дневник, куда записывали все свои расходы и доходы.

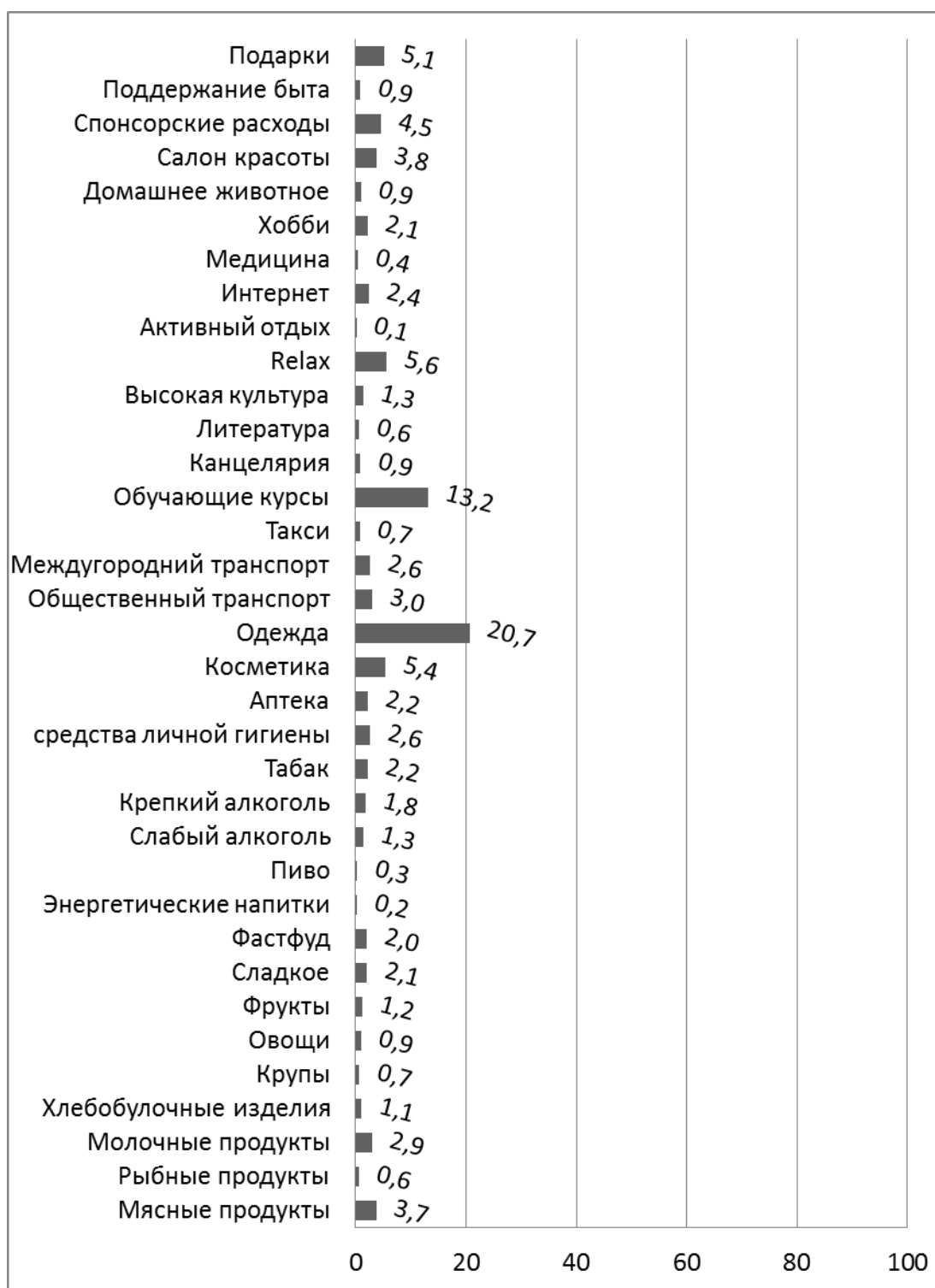
Из 25 опрашиваемых 16 человек – 64% студентов живут дома с родителями, 9 – 36% отдельно от родителей из них 5 человек – 20% арендуют жилье, 3 человека – 12% живут в общежитии и 1 человек – 4% состоит в отношениях и живет вместе с партнером.

Ниже представлена «Сводная таблица расходов по всем товарам и услугам».

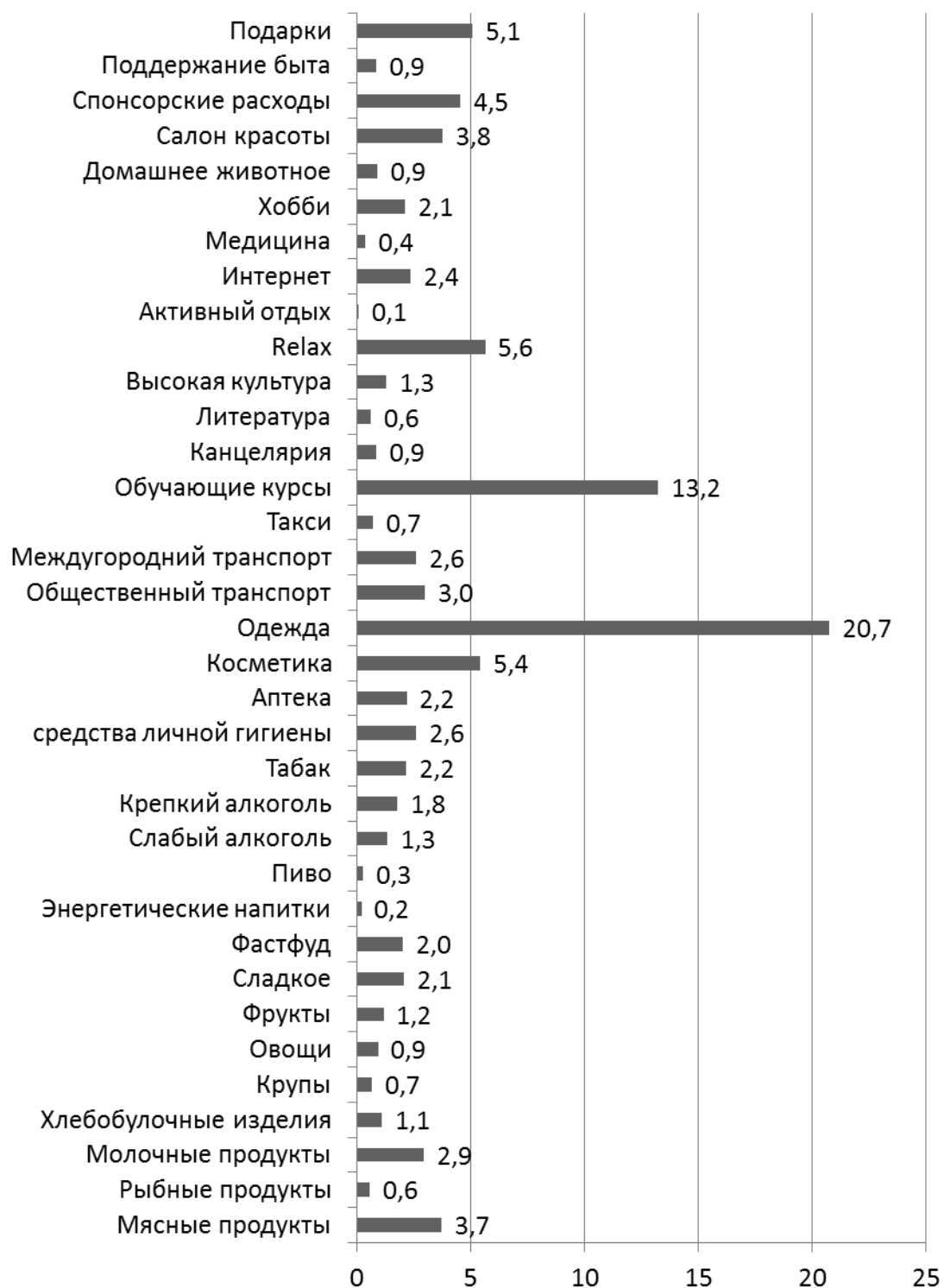
Расходы							
Категория расходов	Количество чел., принимавших участие в покупке (чел); и % от общего числа (%)	Минимальная стоимость одной покупки (руб.)	Максимальная стоимость одной покупки (руб.)	Средняя стоимость одной покупки (руб.)	Количество совершенных покупок	Средняя сумма затрат на данный продукт на одного чел. (руб.)	Стоимость всех покупок за весь период (руб.)
Мясные продукты	18 чел.; 72(%)	50	1569	223	122	1514	27249
Рыбные продукты	8 чел., 32(%)	45	500	185	22	509	4068
Молочные продукты	22 чел., 88(%)	18	837	100	216	980	21561
Хлебобулочные	20 чел., 80(%)	13	200	49	163	399	7971
Крупы	15 чел., 60(%)	7	348	74	68	335	5027
Овощи	16 чел., 64(%)	7	480	81	85	428	6850
Фрукты	17 чел., 68(%)	4	325	73	119	508	8632
Сладкое	23 чел., 92(%)	11	700	75	202	657	15109
Фастфуд	19 чел., 76(%)	12	439	149	99	778	14787
Энергетические напитки	4 чел., 16(%)	35	98	410	36	371	1485
Пиво	4 чел., 16(%)	52	308	123	17	523	2090
Слабый алкоголь	9 чел., 36(%)	54	2000	549	18	1099	9889
Крепкий алкоголь	5 чел., 20(%)	150	4980	1447	9	2605	13027
Табак	5 чел., 20(%)	60	2500	249	64	3196	15982
Гигиена	21 чел., 84(%)	11	1600	281	68	911	19130
Аптека	17 чел., 68(%)	10	1990	304	53	947	16099
Косметика	23 чел., 92(%)	10	3200	499	80	1736	39924

Одежда	21 чел., 84(%)	160	15000	2580	59	7247	152193
Общественный транспорт	20 чел., 80(%)	28	800	95	233	1102	22037
Международный транспорт	6 чел., 24(%)	50	12600	2730	7	3185	19110
Такси	6 чел., 24(%)	36	1500	476	11	873	5236
Обучающие курсы	9 чел., 36(%)	1500	36000	7457	13	10771	96940
Канцелярия	20 чел., 80(%)	8	1500	168	38	320	6391
Литература	11 чел., 44(%)	39	750	214	21	409	4494
Высокая культура	11 чел., 44(%)	50	1625	309	31	871	9585
Relax	21 чел., 84(%)	35	3000	397	104	1970	41375
Активный отдых	1 чел., 4(%)	600	600	600	1	600	600
Интернет	20 чел., 80(%)	10	1500	166	105	872	17447
Медицина	5 чел., 20(%)	272	800	577	5	577	2886
Хобби	9 чел., 36(%)	63	3000	653	24	1740	15663
Домашнее животное	5 чел., 20(%)	37	1600	119	57	1357	6783
Салон красоты	12 чел., 48(%)	60	5300	840	33	2310	27720
Спонсорские расходы	10 чел., 40(%)	21	12000	899	37	3327	33273
Поддержание быта	13 чел., 52(%)	4	1200	172	37	488	6347
Подарки	13 чел., 52(%)	34	8000	1290	29	2878	37418
Итого							734378

В данной таблице представлены результаты проведенного исследования. В первой колонке перечислены все категории расходов, некоторые из них необходимо прокомментировать. К категории высокая культура относятся затраты на посещения театров, музеев, выставок и т.п. мероприятий. К категории «Relax» относятся затраты на ночные клубы, бары, кафе, рестораны, боулинг. Спонсорские расходы – это расходы, которые были потрачены на материальную поддержку других людей.

Диаграмма расходов в процентах

Сравнительная Таблица расходов по группам товаров и услуг

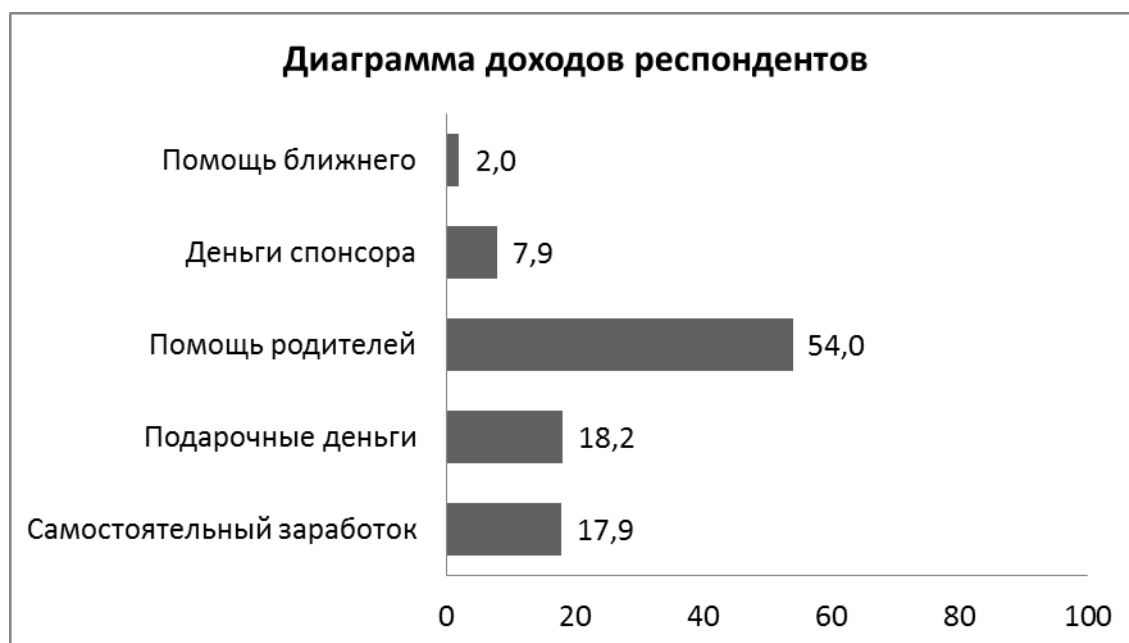
Группы товаров	Товары/ услуги	Сумма расходов на данную категорию (руб.)	% расходов на данный продукт от общей суммы расходов (%)	Сумма расходов в на группу товара (руб.)	% расходов на данную группу товаров от общей суммы (%)
Продукты питания	Мясные продукты	27249	3,7	111254	15,2
	Рыбные продукты	4068	0,6		
	Молочные продукты	21561	2,9		
	Хлебобулочные	7971	1,1		
	Крупы	5027	0,7		
	Овощи	6850	0,9		
	Фрукты	8632	1,2		
	Сладкое	15109	2,1		
	Фастфуд	14787	2,0		
Алкогольные напитки, табак	Энергетические напитки	1485	0,2	42473	5,8
	Пиво	2090	0,3		
	Слабый алкоголь	9889	1,3		
	Крепкий алкоголь	13027	1,8		
	Табак	15982	2,2		
Здоровье	Гигиена	19130	2,6	38115	5,2
	Аптека	16099	2,2		
	Медицина	2886	0,4		
Имидж	Косметика	39924	5,4	219837	29,9
	Одежда	152193	20,7		
	Салон красоты	27720	3,8		
Транспорт	Общественный транспорт	22037	3,0	46383	6,3
	Междугородний транспорт	19110	2,6		
	Такси	5236	0,7		
Обучение	Обучающие курсы	96940	13,2	107825	14,7
	Канцелярия	6391	0,9		
	Литература	4494	0,6		
Досуг	Высокая культура	9585	1,3	67223	9,1
	Relax	41375	5,6		
	Активный отдых	600	0,1		
	Хобби	15663	2,1		
Дом	Интернет	17447	2,4	30577	4,2
	Поддержание быта	6347	0,9		
	Домашнее животное	6783	0,9		
	Спонсорские расходы	33273	4,5	70691	9,6
	Подарки	37418	5,1		

В данной таблице представлены результаты затрат студентов на группы товаров. Также рассчитаны проценты на отдельные продукты и на каждую группу товаров от общей суммы расходов.

Сводная таблица доходов

Доход					
Статья дохода	Количество человек получивших	Минимальная сумма (руб.)	Максимальная сумма (руб.)	Средняя сумма дохода по данной статье (руб.)	Сумма (руб.)
Самостоятельный заработок	12	240	14284	10027	120321
Подарочные деньги	9	200	30000	13550	121950
Помощь родителей	23	100	70000	15748	362215
Деньги спонсора	12	24	14000	4394	52730
«Помощь ближнего»	13	5	2500	1028	13367
Итого					670583

В данной таблице представлены все доходы студентов. Необходимо прокомментировать некоторые статьи доходов. Деньги спонсора – это те, деньги, которые систематически тратились на респондента, либо те, которые респондент регулярно получает. «Помощь ближнего» – это затраты на респондента, которые случались редко, не регулярно.

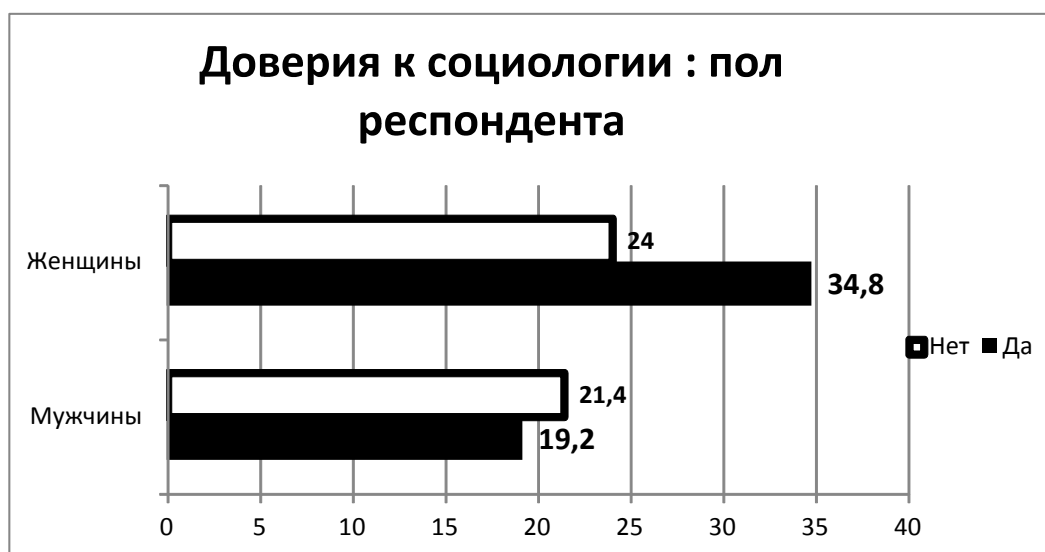

Доверие к социологии в зеркале общественного мнения: на материалах эмпирического исследования

В рамках подготовки к проведению научно-практического студенческого семинара, Социологической лабораторией РГПУ им. А.И.Герцена, СНО кафедры социологии, СО «Социологическая мастерская» было проведено исследование. Целью которого было выявление зависимости между категорией доверия населения к социологии и социально-демографическими характеристиками респондентов (такими как пол, возраст, образование, доход, вид деятельности).

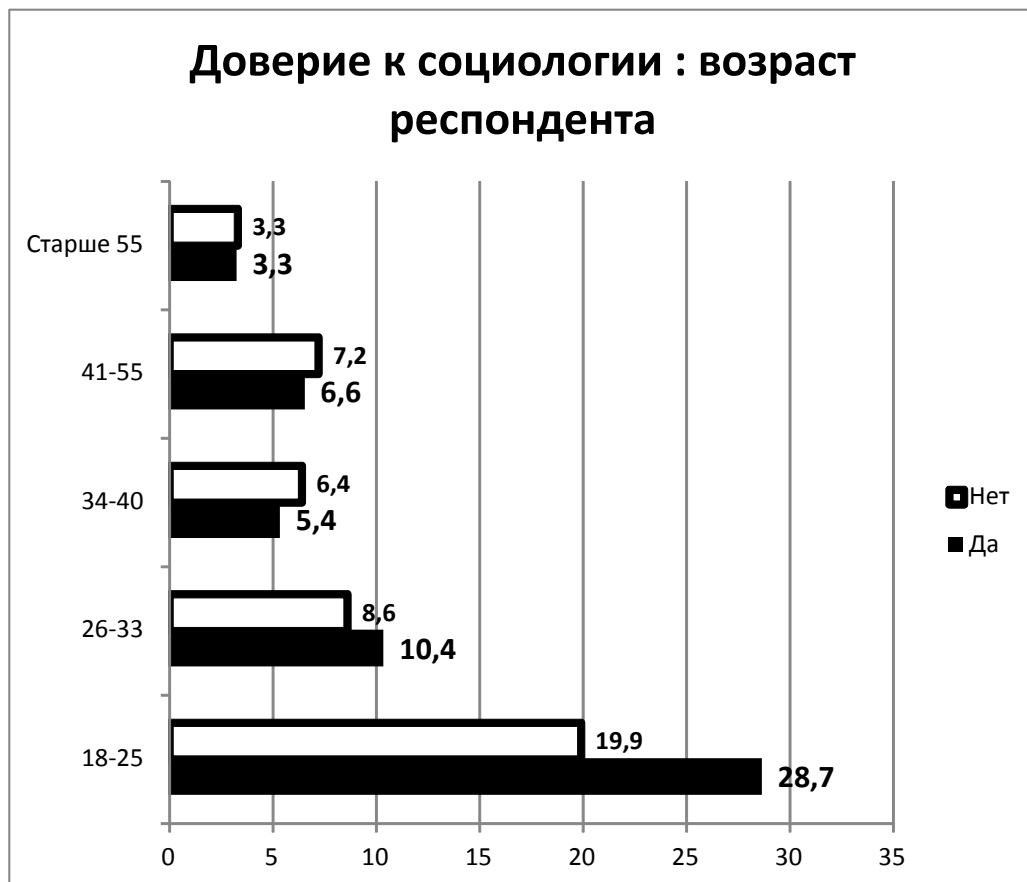
Для работы был выбран метод анкетирования. В ходе проведения исследования были опрошены 457 человек, из которых 188 респондентов – мужчины и 268 – женщины. Респондентам в ходе исследования было предложено ответить на 2 основных вопроса: «Доверяете ли Вы социологии?» и «Почему?».

Был проведён анализ ответов на первый вопрос и их зависимость от социально-демографических характеристик. В результате анализа не всегда удавалось найти закономерность и/или зависимость между выбранными показателями. Так, женщины больше доверяют данным социологических исследований; мужчины, наоборот, высказывают к ним свое недоверие. Стоит отметить, что среди женщин разница показателей существенно отличается от «мужских» результатов. Мужчины же в своём выборе разделились ровно пополам.

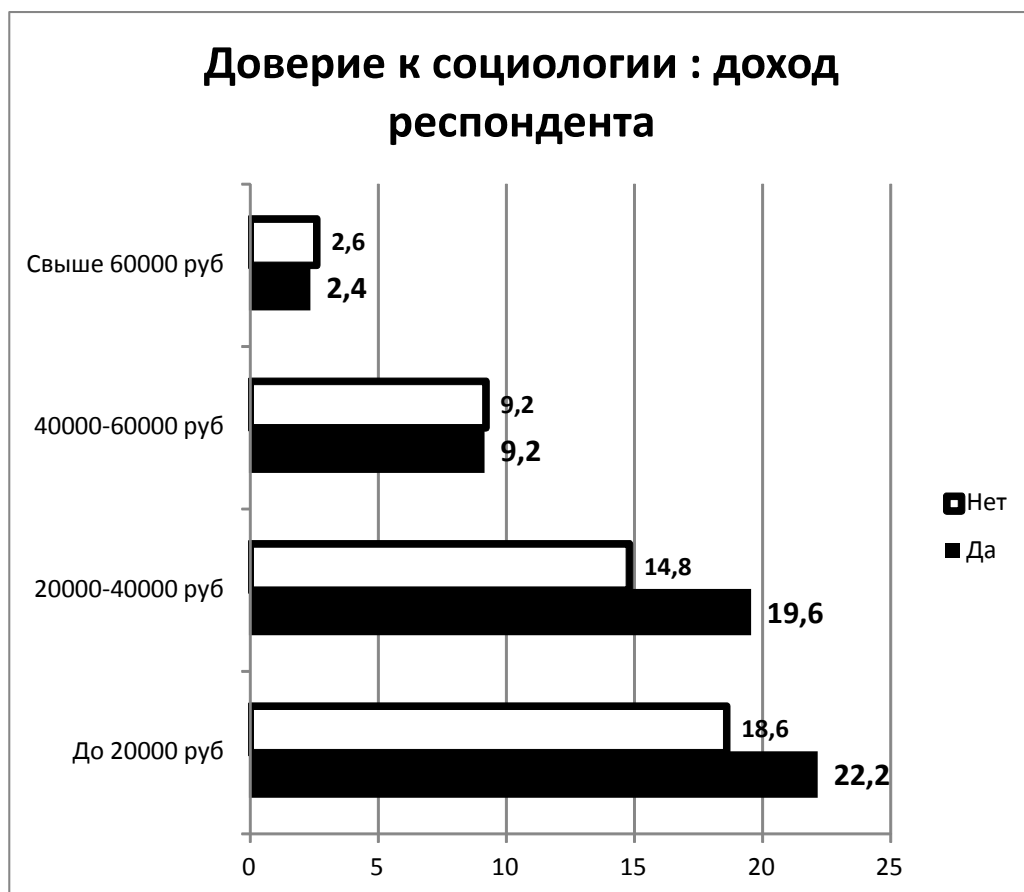

В результате анализа ответов возрастных групп, была выявлена следующая закономерность: чем старше группа, тем меньше разница среди тех доверяет и не доверяет.

Также стоит отметить, что молодёжь (респонденты до 33 лет) доверяет (39%; не доверяют 28%); респонденты среднего возраста (34-55 лет) склонны не доверять (13,6% против 12% доверия).

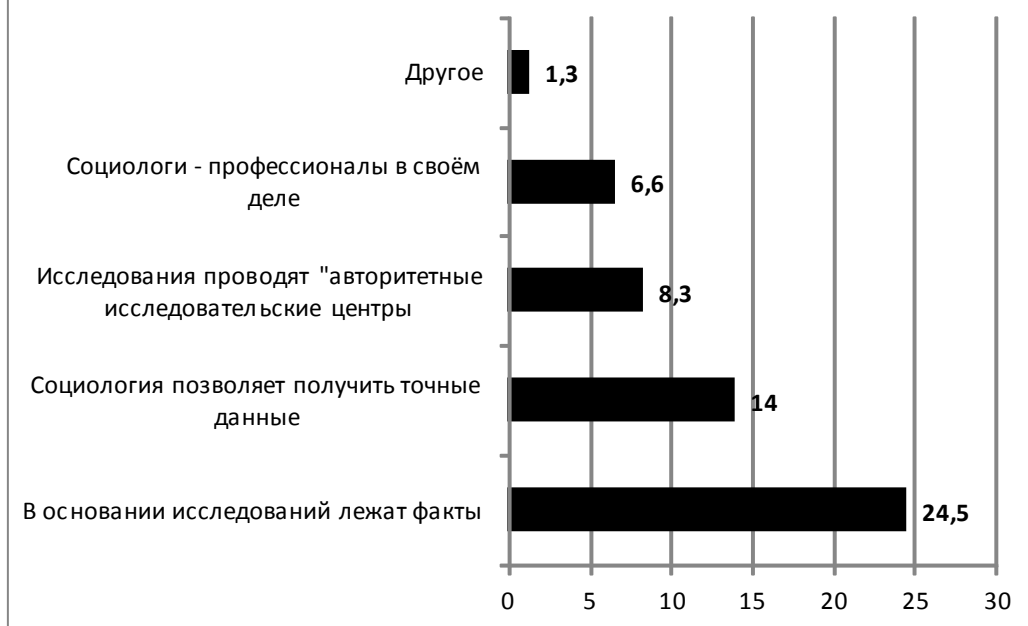
Видна зависимость: чем больше доход респондента, тем меньше доверия он оказывает социологии.

Далее был проведён анализ ответов на вопрос о причинах.

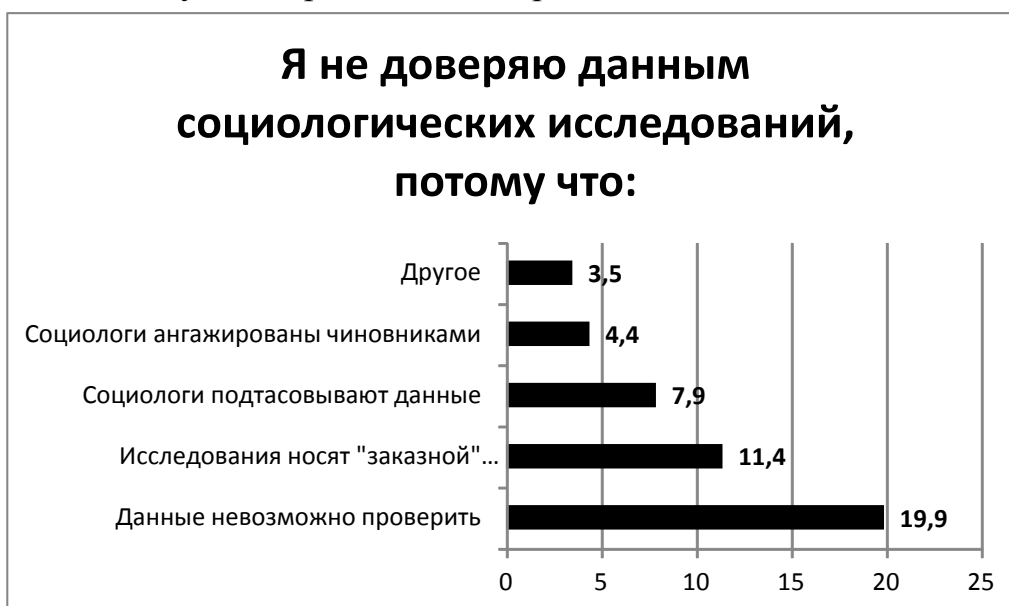
Самым популярным объяснением доверия к данным социологических исследований стал вариант ответа «В основании исследований лежат факты». Была рассмотрена сопряженность указанных причин с социально-демографическими показателями. Стоит отметить, что в каждой классификации респондентов присутствует определённая закономерность в выборе вариантов ответа на данный вопрос.

Я доверяю данным социологических исследований, потому что:

Аналогично обстоит ситуация с причинами недоверия данным социологических исследований: каждая группа населения независимо от основания классификации дала одинаковые результаты. Основной причиной недоверия явился тот факт, что данные исследований невозможно проверить. Среди ответов «Другое» большинство респондентов отмечали, что не доверяют данным исследований, так как методы социологии не способны «вытянуть» из респондента правдивый ответ.

Я не доверяю данным социологических исследований, потому что:

Таким образом, мы получаем следующую картину: 54% опрошенных доверяют данным социологических исследований.

Наиболее популярной причиной оказания доверия является вариант «В основании исследований лежат реальные факты». В то время как не доверяющие респонденты ссылаются на тот факт, что «данные невозможно проверить». При этом из выбранных социально-демографических характеристик незначительно влияют на выбор респондента только возраст и доход. Остальные характеристики не дали ожидаемых результатов.

Причина отсутствия связи между этими показателями, возможно, кроется в следующем: основная масса респондентов является представителями молодёжи, конкретно учащиеся, студенты. Исследование не охватило в равной мере все выделенные группы, поэтому можно говорить о возможной нерепрезентативности проведённого опроса.

Также стоит отметить небольшую разницу между процентом респондентов, доверяющих и не доверяющих данным социологическим исследованиям. Как уже было отмечено, почти половина респондентов данным не доверяет. Положим, что исследование было проведено корректно и полученные данные отражают действительность или приближены к ней. В таком случае социологическому сообществу стоит задуматься о повышении престижа науки социологии и процента доверия граждан.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Александрова А.** – студентка 2-го курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И.Герцена
2. **Власенко Е.** – студентка 3-го курса факультета философии человека РГПУ им. А.И.Герцена
3. **Герасимова О.Е.** – ст. преподаватель кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена
4. **Глотов М. Б.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
5. **Дронов В.Т.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
6. **Качанова Ю. С.** – аспирантка 3 года обучения факультета социологии СПбГУ
7. **Колюкаев И.С.** – студент 4 курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена
8. **Куклин Г.А.** – аспирант кафедры социологии РГПУ им.А.И. Герцена
9. **Лукьянов В.Г.** – доктор философских наук, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
10. **Мальченкова А.Е.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических наук СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
11. **Малявин С.Н.** – доктор философских наук, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
12. **Матвеев О.** – студент 3-го курса факультета философии человека, РГПУ им. А.И.Герцена
13. **Маутер Г.А.** – студентка 4 курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена
14. **Немирова Н.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
15. **Окладникова Е.А.** – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
16. **Петрова И.В.** – аспирантка кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
17. **Плотникова Н.В.** – магистрантка 1 курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена
18. **Прудникова А.** – студентка 4 курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена
19. **Пряхин А.Ю.** – аспирант кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена.

20. **Рахманова Ю.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
21. **Скоробогатько А.В.** – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена
22. **Сотникова Д.Э.** – студентка 3 курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена
23. **Цыплакова О.Г.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена
24. **Чугаева Э.** – студентка 2 курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена
25. **Шевцов А.В.** – доктор филологических наук, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Глотов М. Б. Д. И. Менделеев о системе российского образования	3
Дронов В.Т. Преподавание учебных дисциплин с неопределенным парадигмальным статусом	5
Качанова Ю.С. Основные подходы к оценке качества высшего образования. Социологический анализ	11
Лукьянов В. Г. Программа учебной дисциплины «Социальная культура».....	15
Петрова И.В. Социально-инициативное обучение в социализации студентов..	25
Цыплакова О.Г. Роль социологических исследований в обеспечении процесса воспитания в ВУЗе	32
Шевцов А.В. Социально-политическая динамика: примерный план магистерской учебной дисциплины	34

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Власенко Е. Символические структуры панк-культуры и их отражение в студенческих нарративах	40
Колюкаев И.С. Игровые виртуальные сообщества	44
Матвеев О. «Грех уныния» и его символы в фильме «Металлистка».	47
Плотникова Н.В. «Третий возраст» и информационные технологии	50

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Герасимова О.Е. Теоретические основы трактовки феномена этничности: основные подходы и концепции	56
Окладникова Е.А. Толерантность и трудовая миграция: социальное и этнокультурное измерения	61

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Прудникова А. Настольные игры как вид организованного досуга современной молодежи	69
---	----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Лукьянов В.Г. Проблематика формирования музыкального мышления в книге М. Вебера «Рациональные и социологические основания музыки»	72
Скоробогатько А.В. «Серединная линия» в русской социальной мысли.	83
Куклин Г. А. Теологическая перспектива – недостающее звено социологического анализа?	84

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Мальченкова А.Е. Партнёрство и патернализм как модели социально-трудовых отношений	89
Пряхин А.Ю. Социальный образ современного пролетариата в отечественном кинематографе конца XX — начала XXI века.....	92

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Рахманова Ю.В. Исследовательский проект по социологии: методические указания	96
Александрова Алена, Малявин С.Н. Социологический портрет студента-первокурсника факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена (2014)...	97
Малявин С.Н., Маутер Г.А. Сочи 2014 глазами студентов-социологов.....	103
Малявин С.Н., Чугаева Эрика, Потребительское поведение студентов	106
Малявин С.Н., Немирова Н.В., Сотникова Д.Э. Доверие к социологии в зеркале общественного мнения: на материалах эмпирического исследования.....	113

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	118
---------------------------	-----

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2014
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Сборник научных и учебно-методических трудов

Компьютерная верстка и оригинал-макет:

В.М. Копейкин

Издание распространяется по подписке.

Продаже не подлежит.

Подписано к печати с оригинал-макета 23.12.2014

Формат 60x84 1/16

Гарнитура Times New Roman Cyr.

Усл. печ. л. 7,5

Тираж 200 экз.

Отпечатано средствами оперативной полиграфии в ООО «ЭлекСис»,
Санкт-Петербург, Новочеркасский пр. д. 1